

Э. РАССЕЛ

Проклятие

СВАСТИКИ

Э. РАССЕЛ

ПРОКЛЯТИЕ СВАСТИКИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

*Под редакцией
и с предисловием*
проф. П. С. РОМАШКИНА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1954

**THE SCOURGE
OF THE
SWASTIKA**

**A SHORT HISTORY OF NAZI
WAR CRIMES**

by
**LORD RASSELL
OF LIVERPOOL**
C. B. E., M. C.

with 16 pages of halftone illustrations

CASELL AND COMPANY LTD
London

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Книга лорда Э. Рассела «Проклятие свастики», посвященная описанию чудовищных преступлений гитлеровцев, совершенных во время второй мировой войны, представляет особенно большой интерес в настоящее время, когда международные агрессивные круги предпринимают все новые усилия осуществить план возрождения западногерманского милитаризма, на протяжении полувека дважды развязавшего кровопролитные опустошительные войны.

Появление в свет книги лорда Рассела имеет весьма примечательную историю. Автор—участник двух мировых войн, видный военный юрист и весьма компетентный в выбранной им теме—в 1942—1943 годах работал в главном штабе союзных войск, а после войны юридическим советником главнокомандующего британскими оккупационными войсками в Германии. Последние годы он занимал должность заместителя главного военного юриста английских вооруженных сил.

Как указывает Рассел, прежде чем написать эту книгу, он «получил разрешение от канцелярии лорда-канцлера написать любую книгу, в которой будут излагаться только факты и исторические события». Эти условия были выполнены. «Сведения, которые я использовал,—заявил Рассел,—были получены из опубликованных отчетов о процессах военных преступников, и каждому беспристрастному человеку, который прочтет эту книгу, должно быть ясно, что в ней изложены только факты и исторические события».

Казалось бы, что в стране, народ которой немало пострадал от ужасов войны и принимал участие в разгроме гитлеровских агрессоров, намерение автора должно было встретить полное одобрение. Однако, когда книга была напи-

сана и сдана в печать, английские власти поставили лорда Рассела перед выбором: немедленно изъять книгу из печати, или уйти в отставку. Рассел предпочел последнее, и 8 августа 1954 года он ушел в отставку.

В чем же причина такого поведения английских властей? Откровенный до цинизма и вполне исчерпывающий ответ на этот вопрос дала английская газета «Дейли экспресс».

«Руководители министерства иностранных дел пришли к заключению,—пишет газета,—что опубликование фактов об убийствах и пытках в концентрационных лагерях в книге высокопоставленного правительственного чиновника весьма нежелательно по трем причинам: во-первых, это усилило бы недовольство общественности планами правительства перевооружить немцев; во-вторых, это могло бы вывести из себя политических деятелей и военных руководителей Соединенных Штатов, которые хотят без промедления перевооружить Германию; в-третьих, это могло бы усилить антигерманские чувства во Франции, где перевооружение Германии наталкивается на решительное сопротивление».

Многие английские реакционеры уже в первые послевоенные годы показали, что возрождение германского милитаризма интересует их гораздо больше, чем защита национальных интересов своей страны, интересов всех народов, пострадавших от гитлеровской агрессии. Реакционеры в Англии идут по стопам своих американских собратьев. Именно в США и Англии реакция начала активно преследовать не гитлеровских злодеев, а всех, кто боролся и борется за разоблачение преступлений гитлеровских милитаристов. Небезызвестный Маккарти, как это с радостью сообщил германский реваншистский листок «Викинг-руф», потребовал разжалования генерала Тэйлора, американского обвинителя на Нюрнбергском процессе, «ввиду сомнительности его лояльности...». Еще раньше бывший главный американский обвинитель в Нюрнберге Джексон сам стал каяться в том, что ему пришлось выполнять столь деликатную миссию. Равняясь на своих американских «коллег», английские реакционеры активно включились в кампанию по защите гитлеровских милитаристов, уличенных в совершении чудовищных преступлений.

Уже в период подготовки Нюрнбергского процесса один из таких английских реакционеров, представитель «Обще-

ства хранителей привилегий короля» Чарльз Ф. Аштон в официальном обращении на имя Международного Военного Трибунала писал: «Ввиду того, что я был апологетом германского национал-социалистского режима, который возглавлялся Адольфом Гитлером, в то время, когда этот режим находился на вершине своей власти, я самым настойчивым образом хочу выступить на процессе в качестве свидетеля защиты в момент, когда превратности судьбы постигли этот режим...» После того, как под напором общественного мнения под судом оказался гитлеровский фельдмаршал Манштейн, два английских пэра—лорд Бриджмен и лорд де Л'Иль энд Дадли—начали сбор средств, для того чтобы поручить английскому адвокату защиту Манштейна. Газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» поместила их письмо, в котором они открыто защищали и оправдывали военные преступления, совершенные Манштейном.

По мере активизации американско-английской политики возрождения германского милитаризма все чаще и чаще стали звучать голоса английских реакционеров, требовавших «прекратить наконец эти процессы», представляющие собой, по словам английского лорда Хэнки, «исключительно опасные прецеденты для будущего». Учитывая возможность использования гитлеровских генералов при ремилитаризации Западной Германии, Хэнки писал: «Чем скорее мы покончим с этими процессами, тем будет лучше»¹.

В этих условиях становится понятным, где берет начало та реакционная шумиха, которую подняли английские адвокаты гитлеровских преступников в связи с намерением лорда Рассела издать свою книгу.

Покровители западногерманских реваншистов, строящие свои агрессивные планы на восстановлении и использовании германского вермахта, всячески пытаются обмануть народы, заставить их забыть о преступлениях гитлеровских палачей. Но народы, в памяти которых кровавым кошмаром живут годы гитлеровской оккупации, не могут забыть злодеяний гитлеровской военщины. Они помнят Лидице, Варшаву, Орадур, Бабий Яр, Ардеатинские пещеры, Майданек, Освенцим, Ковентри... Забыть об этом было бы преступлением перед памятью миллионов зверски уничтоженных ни в чем не повинных людей, перед их оси-

¹ Lord M. H a n k e y, Politics, trials and errors, 1950, p. 58.

ротевшими семьями, перед всеми свободолюбивыми народами.

Теперь, когда опасность возрождения германского вермахта становится все более очевидной, книга Рассела напоминает мировому общественному мнению о чудовищных преступлениях гитлеровской военной машины, совершавшихся в невиданных масштабах во время второй мировой войны.

II

Как указывается в предисловии от автора, книга написана с целью дать рядовому читателю правдивый и точный отчет о многочисленных военных преступлениях гитлеровцев.

Большим достоинством книги является то, что она должным образом документирована. Автор в своем повествовании о преступлениях гитлеровцев, как правило, ссылается на неопровержимые доказательства, в том числе на признания самих преступников. Как предупреждает Рассел, книга составлена «на основании показаний и документов, представленных на различных процессах по делам военных преступников, а также заявлений, сделанных очевидцами военных преступлений перед компетентными комиссиями по расследованию военных преступлений в тех странах, где они были совершены» (стр. 22).

Кроме того, в книге использованы неопровержимые данные в виде официальных записей, отчетов, инвентарных описей, приказов и других официальных бумаг, которые попали в руки союзников после разгрома гитлеровской Германии.

«Ибо когда немцы использовали военнопленных на запрещенных работах,—пишет Рассел,—они представляли отчеты в соответствующие воинские соединения; когда они грабили, то составляли точные инвентарные описи награбленного; когда они уничтожали евреев и другие свои жертвы в газовых камерах, то посылали подробные отчеты в РСХА (главное имперское управление безопасности); когда они расстреливали заложников, то расклеивали их списки на общественных зданиях «в назидание другим»; когда они насильственно производили мучительные и отвратительные опыты над заключенными в своих концентрационных лагерях, они делали об этом подробные записи. Совершая все эти преступления, они с присущей им тщательностью собирали и классифицировали документальные данные о них» (стр. 24—25).

Эта зловещая бухгалтерия смерти дает Расселу все основания сделать вывод, что военные преступления, совершенные гитлеровцами, не были случайностью, вызванной произволом отдельных фашистов, что речь идет о чудовищном преступном плане, заранее разработанном гитлеровцами и осуществлявшемся их различными организациями последовательно и методично в невиданных масштабах. Военные преступления гитлеровцев, указывает автор, «составляли неотъемлемую часть нацистской концепции тотальной войны и совершались во исполнение заранее разработанного и согласованного плана с целью террора и грабежа жителей захваченных и оккупированных территорий и истребления тех элементов, которые могли бы оказать наибольшее сопротивление немецкому завоеванию и нацистскому господству» (стр. 23).

Поставив перед собой задачу завоевания мирового господства, гитлеровцы установили в самой Германии такую тиранию, равной которой не знала история. Нацисты называли себя «расой господ» и усиленно разжигали расовую ненависть к другим народам. Они пытались растлить всю немецкую нацию, а тех, кто оказывал хоть малейшее сопротивление нацистскому режиму, бросали в концентрационные лагеря. С помощью террора, пыток, голода и убийств нацисты вначале истребили противников своего режима внутри страны, а затем подвергли беспощадным преследованиям и массовому уничтожению и разграблению население оккупированных ими стран Европы.

Рассел не ставит знака равенства между немецким народом и гитлеровцами. Он считает, что основными виновниками гитлеровских преступлений являются: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД (служба безопасности) и СС (охранные отряды нацистской партии).

В первой главе книги описывается происхождение и структура указанных орудий гитлеровской тирании и садистская жестокость, которая была их главным методом.

Автор указывает, что с приходом к власти Гитлер и нацистская партия, поставив перед собой сумасбродную задачу завоевания мирового господства, составили и начали претворять в жизнь общий план или заговор, который включал в себя преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Оплотом заговора была нацистская партия, опутавшая своими сетями все население Германии. С целью безусловного подчине-

ния всех немцев воле «фюрера» такие нацистские чиновники, как гаулейтеры, крейслейтеры, ортсgruppenлейтеры, целленлейтеры и, наконец, блоклейтеры, повседневно внушали населению нацистскую доктрину, занимались всеми сторонами жизни граждан, шпионили за каждым семейством и терроризировали все население. Та же система применялась для порабощения народов оккупированных территорий.

Итак, истребление миллионов людей, установление рабского труда, зверства в отношении военнопленных и другие чудовищные преступления являлись порождением фашизма и были запроектированы задолго до их совершения.

Вторая глава книги посвящена описанию того, как гитлеровцы грубо нарушали нормы международного права в отношении военнопленных. В ней приводится целый ряд приказов, изданных гитлеровской кликой, которыми прямо предписывались массовые убийства военнопленных, содержится множество примеров жестокой расправы с английскими, американскими, французскими, польскими, норвежскими и другими военнопленными. Особенно жестоко было отношение к советским военнопленным. Они явились жертвами заранее составленного плана массового истребления военнопленных. Многие из них были истреблены в концентрационных лагерях в соответствии с так называемым декретом «Кугель» и приказом о «ликвидации» комиссаров. Зверства гитлеровцев в отношении советских военнопленных, указывает автор, «напоминали средневековое варварство». С ними гитлеровцы обращались с крайней жестокостью, морили голодом, заставляли выполнять непосильную работу, держали зимой под открытым небом, при этом обычно снимали с пленных, в том числе и с женщин, всю теплую одежду; всех комиссаров и политруков, взятых в плен, а также раненых советских военнопленных расстреливали. Многих военнопленных подвергали жестоким пыткам и истязаниям.

Приводятся многочисленные директивы гитлеровцев, в которых, вопреки категорическим требованиям Гаагской конвенции 1907 года и Женевской конвенции 1929 года о недопустимости использования военнопленных на работах, имеющих какое-либо отношение к военным действиям, предписывалось не эвакуировать военнопленных в тыл, а использовать их для военных целей в зоне военных действий. Согласно этим явно преступным приказам,

военнопленных заставляли подвозить военное снаряжение и боеприпасы на передовую линию, а также работать на строительстве оборонительных сооружений. Пленных широко использовали для расчистки минных полей. Был издан даже специальный приказ, предписывавший «в целях сохранения германской крови» поиски мин и расчистку минных полей производить «только русскими пленными».

Жестокость гитлеровских палачей проявилась и в создании изнурительного и кошмарного режима в лагерях для советских военнопленных, представлявшего собой систему сознательного массового уничтожения пленных путем голода, истязания, болезней и прямого убийства.

Третья глава книги Рассела посвящена военным преступлениям гитлеровцев, совершенным в открытом море. В этой главе автор на основе многочисленных фактов показывает, что гитлеровцы вели подводную войну в нарушение всех общепризнанных правил. С самого начала они без всякого предупреждения топили торговые суда воюющих и нейтральных стран. При этом погибло много пассажиров, в том числе больные, раненые, дети. Командирам подводных лодок были даны приказы не только не спасать экипажи, но истреблять их.

В международном праве издавна существует положение, согласно которому мирное население, не участвующее в войне, пользуется неприкосновенностью. Это положение было зафиксировано в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов. Однако гитлеровские власти цинично нарушали требование о неприкосновенности мирных жителей и подвергали население оккупированных территорий зверскому обращению и массовому истреблению.

В четвертой главе автор подробно рассказывает о бесконечных кровавых преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения. Одной из зверских форм массовых убийств, совершавшихся немецкими фашистами, была варварская практика взятия и уничтожения заложников, практика, находившаяся в грубейшем противоречии с общепризнанными нормами международного права. Массовыми казнями заложников гитлеровцы стремились терроризировать население на оккупированных территориях, заставить его отказаться от всяких форм борьбы с фашистскими аггрессорами.

Рассел приводит многочисленные факты захвата и истребления заложников на территории СССР, Франции, Гол-

ландии, Норвегии и других стран Западной Европы, а также подробно описывает кровавую расправу гитлеровцев над жителями чехословацкой деревни Лидице, уничтоженной вместе с населением.

Всюду гитлеровцы совершали массовые убийства, насилия, грабежи. Итальянский народ никогда не забудет массового убийства итальянцев, совершенного гитлеровцами в Ардеатинских пещерах, а французский народ всегда будет помнить Орадур-сюр-Глан, жители которого были поголовно истреблены, а населенный пункт превращен в развалины и пепел.

На территории Польши гитлеровцы также совершали массовые зверства против гражданского населения. Рассел указывает, что «директива Ганса Франка, когда он принял на себя управление этой несчастной страной, гласила, что экономическая, культурная и политическая структура Польши должна быть превращена в кучу щебня».

Особенной жестокостью отличались планы нацистов в отношении СССР. На всей временно оккупированной территории СССР немецкие фашисты совершали бесчисленные преступления, носившие особенно зверский характер.

Рассел отмечает, что «с момента вторжения германских войск в Россию и вплоть до изгнания последнего нациста, от русско-германской границы и до Смоленска, от Смоленска до Сталинграда, от Сталинграда до Крыма и дальше до Харькова,—всюду, где только ступала нога германского солдата или эсэсовца, совершались тысячи преступлений невообразимой жестокости против стариков, женщин и детей» (стр. 147).

Призывая к совершению чудовищных преступлений, гитлеровская клика заранее предупреждала своих солдат о безнаказанности их действий. Рассел приводит в книге соответствующие приказы, изданные германским верховным командованием.

В пятой главе книги Рассел подчеркивает, что фашистская политика рабского труда вытекала непосредственно из теории «расы господ» и являлась неотъемлемой частью общего нацистского плана тотальной войны за завоевание мирового господства.

Грубо нарушая общепризнанные нормы международного права об использовании труда населения оккупированных территорий, гитлеровцы между 1941 и 1945 годами отправили на рабский труд в Германию свыше 5 мил-

лионов иностранных рабочих; значительное число их погибло.

Нацистская политика рабского труда, как указывает автор, преследовала две преступные цели. Первая состояла в том, чтобы использовать иностранную рабочую силу для поддержания деятельности германской военной машины; второй целью было уничтожить и ослабить народы, которые нацистские заговорщики считали низшими расами.

Осуществляя программу возрождения рабства, гитлеровцы, не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, насильственно угоняли иностранных граждан в Германию или загоняли их в концентрационные лагеря и вводили для них режим каторжного труда, заставляя под угрозой пыток, расстрела и голодной смерти выполнять различные тяжелые работы, в том числе и работы военного характера.

Во исполнение злодейских планов гитлеровского правительства немецко-фашистские власти организовали дикую и беспощадную охоту за людьми. Лиц, уклонявшихся от отправки в немецкую неволю, гитлеровцы объявляли партизанами и беспощадно расстреливали. В районы и города, не выполнявшие «разверстки» по поставке рабов, посылались карательные экспедиции, которые сжигали целые деревни и города и расстреливали сотни людей.

Сотни тысяч мирных граждан, насильно угнанных в немецкое рабство, погибли от голода, холода, непосильного труда и истязаний.

Среди средств массового истребления населения оккупированных гитлеровцами стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагеря. Они были организованы в Германии с момента захвата власти фашистами и предназначались для заключения без суда противников нацистского режима. С течением времени концентрационные лагеря превратились в места организованного и систематического убийства, в страшные фабрики смерти, где уничтожались миллионы людей.

В шестой главе книги Рассел подробно описывает кошмарную обстановку гитлеровских лагерей смерти, особо останавливаясь на концентрационных лагерях Освенцим, Бельзен, Бухенвальд, Дахау, Нойенгамме, Равенсбрюк.

За время существования Освенцимского лагеря в нем одним было различными способами уничтожено не менее 3 миллионов граждан СССР, Польши, Чехословакии, Румы-

нии, Венгрии, Франции, Бельгии, Голландии и других стран.

Как свидетельствует Рассел, в концентрационном лагере в Бельзене многие тысячи людей были истреблены болезнями и голодом.

Лагерь в Бухенвальде «являл собой зрелище повседневного варварства и жестокости. Над заключенными производились эксперименты, как над подопытными кроликами. Тысячи людей были расстреляны. Многие сходили с ума из-за невыносимых условий существования, и, когда заключенных вели на работу, они пытались прорваться через кордон охраны, ища смерти как единственного выхода покончить с той физической и духовной мукой, которую они претерпевали».

Особенно широкое распространение имели так называемые медицинские опыты в концентрационном лагере в Дахау. Здесь многие совершенно здоровые люди, подвергнувшиеся операциям, умирали, а выжившие оставались обезображенными, искалеченными, неизлечимыми инвалидами.

Лагерь Равенсбрюк, предназначенный только для женщин, заслуженно был назван «Ад для женщин». Многие тысячи их погибли здесь от недоедания, каторжных условий труда, жестокого обращения, насилий, всевозможных издевательств и убийств.

Последняя, седьмая, глава книги посвящена описанию нацистских зверств, связанных с осуществлением чудовищной программы истребления еврейского населения. Всюду, где появлялись нацисты, они устраивали погромы и убийства евреев—мужчин, женщин и детей, единственная «вина» которых состояла в том, что в их жилах не течет арийская кровь. Свыше 5 миллионов евреев, проживавших в СССР, Польше, Франции, Бельгии, Голландии и других странах Европы, были истреблены.

Рассел указывает, что только в период с сентября 1941 года по февраль 1943 года специальный отряд полиции, состоявший из частей СС, СД, гестапо и других полицейских частей и приданный войскам, находившимся на территории Советского Союза, которыми командовал фон Манштейн, истребил много сотен тысяч евреев путем расстрела, повешения, отравления газом и потопления. Большое количество еврейского населения было расстреляно в Крыму и на Украине.

Так с бесчеловечной жестокостью гитлеровцы хладнокровно истребляли беззащитное мирное население. Итоговая цифра составляет 12 миллионов убитых.

История не знает таких чудовищных по характеру и масштабам преступлений, какие были совершены нацистами во время второй мировой войны.

III

Международные реакционные круги, заинтересованные в вооружении Западной Германии и развязывании новой мировой войны, предпринимают все меры к тому, чтобы заставить народы забыть об этих преступлениях. Но прогрессивное человечество, которое внимательно следит за происками поджигателей войны, не может забыть жертв гитлеровских злодеяний, миллионов мирных граждан—женщин, стариков, детей,—замученных, расстрелянных, повешенных, убитых в душегубках, отравленных, расстрелянных в тюрьмах и концентрационных лагерях, миллионов людей, погибших на фронтах, умерших от голода, пыток, болезней и других последствий гитлеровской оккупации. Об этом забыть нельзя.

Книга Рассела, представляя собой объективное изложение ужасающих зверств гитлеровской военщины, напоминает о том, к чему может привести проводимая в настоящее время западными державами политика возрождения гитлеровского вермахта.

Народы всего мира являются ныне свидетелями того, что американская агрессивная политика в Европе привела в Западной Германии к власти те самые империалистические реваншистские группы, которые в начале XX века сформулировали и осуществили политику развязывания первой мировой войны, породили Гитлера, его агрессивную политику и чудовищные преступления, а ныне готовятся их повторить в еще больших масштабах.

Приведенные в книге Рассела факты показывают, чем чревата политика восстановления германских милитаристских сил в Европе. Не случайно под давлением общественного мнения потерпел поражение во французском парламенте план создания «Европейского оборонительного сообщества», ядром которого должен был стать возрожденный германский вермахт.

Однако международные агрессивные круги все же надеются в иной форме легализовать вооружение Западной Германии. Этой цели, как известно, служат лондонские и парижские соглашения 1954 года, в соответствии с которыми уже в ближайшее время должна быть создана западно-германская армия в 500 тысяч человек с многочисленной авиацией, танковыми соединениями и военными штабами. Руководить вооруженными силами Западной Германии должны те же генералы, которые создавали гитлеровскую армию и вместе с Гитлером осуществляли агрессию против Чехословакии, Польши, Франции, Советского Союза, Англии и многих других европейских стран. Советское правительство в своей ноте от 23 октября 1954 года совершенно справедливо указывало, что эти соглашения представляют большую опасность для дела мира. Советская нота разоблачила попытки представить их как якобы содержащие в себе какие-то дополнительные гарантии по сравнению с договором о «Европейском оборонительном сообществе». «Было бы обманом общественного мнения утверждать, будто лондонский план создания новой военной группировки больше соответствует интересам безопасности народов Европы, нежели провалившийся план создания «Европейского оборонительного сообщества».

Народы Европы и всего мира с глубоким удовлетворением встречают каждую новую акцию советского государства, направленную на мирное, демократическое разрешение германского вопроса, на создание прочной и длительной системы европейской безопасности. Именно поэтому полную поддержку народов встретили советские предложения «О проекте мирного договора с Германией», «О подготовке мирного договора с Германией и о созыве мирной конференции по германскому мирному договору», «Об образовании временного общегерманского правительства и о проведении свободных общегерманских выборов», а также проект «Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе» и предложение «Об обеспечении безопасности в Европе».

Книга Рассела, в которой приведена летопись чудовищных и жестоких плодов германской агрессивной политики, показывает людям, какую огромную опасность таит в себе политика международной реакции, стремящейся развязать силы германского агрессивного империализма в Европе.

Эта книга еще раз напоминает английскому народу о мрачных днях, когда соединения гитлеровских бомбардировщиков зверски бомбили мирные английские города и когда нацистские головорезы распевали песенку «Bomben, Bomben auf England». Из опубликованных после войны данных англичане узнали также, что фашистские самолеты зачастую были заправлены американским бензином. Теперь же английскому народу преподносятся, как якобы соответствующие интересам Англии, планы восстановления германского вермахта, одним из главарей которого должен стать гитлеровский фельдмаршал Кессельринг, столь отличившийся в роли организатора варварских бомбардировок Лондона.

Книга Рассела напоминает английскому народу о зверской расправе гитлеровцев с пленными английскими летчиками. Она напоминает английским морякам и их семьям, как разбойничали на морях гитлеровские подводные лодки Деница, адмиралы которого ныне призываются к делу воссоздания агрессивного флота, извечного врага островной Англии.

Еще и еще раз французы почерпнут из книги Рассела зловещие факты гитлеровских расправ в период фашистской оккупации Франции. В этом смысле книга Рассела является новым напоминанием французскому народу о той опасности, которой чревата политика восстановления германского милитаризма. Дикий разгул фашизма в оккупированной Франции в прошлом переплетается ныне с агрессивными призывами бывших гитлеровских генералов. Все чаще слышатся голоса реваншистов, требующих отторгнуть от Франции Эльзас и Лотарингию, объявляющих Францию «больным человеком», с которым пришло-де время говорить «сильным языком». Зарвавшийся гитлеровский генерал фон Фалькенгаузен, недовольный позицией французов в вопросе о немедленной ремилитаризации Западной Германии, призывает осуществить военную оккупацию Франции, поскольку она «препятствует достижению единства».

Опасность возрождения германского милитаризма вызывает тревогу и в других европейских странах, являвшихся в период второй мировой войны объектами гитлеровской агрессии.

Вот почему книга Рассела, напоминающая о чудовищных злодеяниях фашистской военщины, приобретает особо

актуальное значение в современных условиях планирования возрождения германского милитаризма.

IV

В заключение нельзя не остановиться на некоторых положениях автора, недостаточная ясность которых может дать повод для неправильного их истолкования.

Во введении к книге автор указывает, что Международный Военный Трибунал отказался признать гитлеровский генеральный штаб и главное командование гитлеровской армии преступной организацией. Не комментируя по существу этого решения Трибунала, Рассел дальше пишет, что «главными орудиями тирании, которыми пользовался Гитлер, были руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД и СС». Спору нет, эти организации гитлеровской Германии были активными орудиями проведения гитлеровской человеконенавистнической политики. Но выделять только указанные организации—значило бы недооценить ту преступную роль, которую сыграли в истории варварской политики гитлеризма германский генеральный штаб и верховное командование. А между тем автор книги «Проклятие свастики» говорит о нацистском генштабе и ОКВ (верховное командование германских вооруженных сил) как о прочной опоре гитлеровской агрессии и военных преступлений. В то же время обширный фактический материал, тщательно отобранный автором, показывает ту зловещую и чудовищную роль, которую в общей системе преступных организаций гитлеровского рейха играли именно генштаб и ОКВ. Весьма важно было указать, что если СС, СД и гестапо возникли после прихода гитлеровцев к власти, то германский генштаб еще задолго до появления Гитлера зарекомендовал себя как верное орудие немецких экспансионистов в проведении их агрессивной политики. После прихода Гитлера к власти германский генштаб стал еще более реакционным, стал не только активным орудием агрессии, но и организатором массовых военных преступлений немецко-фашистских армий.

Именно поэтому советские представители в Международном Военном Трибунале настаивали на признании германского генштаба и ОКВ преступными организациями.

Реакционные круги США, делая ставку на привлечение Западной Германии к своим агрессивным замыслам, воспрепятствовали принятию такого решения, ибо это могло бы затруднить процесс воссоздания гитлеровской армии.

Поэтому отказ Международного Военного Трибунала признать германский генштаб преступной организацией был с восторгом встречен и реакционными кругами в США и гитлеровскими реваншистами. Пользуясь этим решением трибунала, американские и английские власти в Западной Германии освободили большинство гитлеровских генералов от ответственности—освободили для того, чтобы тут же использовать их для ускоренной ремилитаризации Западной Германии.

В своей книге Рассел, опираясь на многочисленные документальные данные, неоднократно и совершенно справедливо указывает, что гитлеровские преступления не являлись эксцессами отдельных лиц, а представляли собой продуманную систему организованного бандитизма, направляемого нацистской верхушкой. Поэтому представляется лишенным всякого основания утверждение автора, что «иногда, но не часто и, безусловно, не в достаточной мере часто, высшее начальство не одобряло методов, применявшихся его подчиненными». Хотя автор и добавляет в этой связи, что такие колебания вполне могли бы «вызвать удивление, если бы не тот факт, что в основе критики обычно лежали соображения целесообразности, а не гуманности» (стр. 258), тем не менее его утверждение может дать повод к неправильному толкованию.

Автор, рассматривая вопрос о гитлеровском приказе об уничтожении пленных комиссаров Советской Армии, приводит слова Манштейна, будто он был возмущен этим приказом и сообщил фельдмаршалу фон Леебу о своем отказе его выполнить. Автор, к сожалению, оставляет эти слова Манштейна без соответствующих комментариев, что создает впечатление их достоверности.

Между тем и Международный Военный Трибунал в Нюрнберге и английский трибунал, судивший Манштейна, располагали достаточными доказательствами того, что последний ревностно выполнял и этот преступный приказ Гитлера.

Автор резко осуждает гитлеровскую преступную практику взятия заложников. Но в то же время он утверждает, что «при известных обстоятельствах международное право

разрешало брать заложников...» (до заключения Женевской конвенции 1949 года). Такое утверждение Рассела неосновательно, ибо цитируемая им же самим ст. 50 Гагской конвенции 1907 года приводит к обратному выводу, то есть к выводу о незаконности взятия заложников.

Автор, говоря о Женевской конвенции 1929 года о режиме военнопленных, дает повод полагать, что соблюдение ее в отношении СССР во второй мировой войне для Германии не являлось обязательным, так как эта конвенция не была ратифицирована Советским Союзом. Такое истолкование является неправильным, ибо основные положения Женевской конвенции 1929 года лишь воспроизводят раздел IV Гагской конвенции 1907 года, которая была подписана и ратифицирована нашей страной. К тому же обязательность для Германии соблюдать международный правовой режим военного плена в отношении СССР вытекала и из официального заявления народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова от 27 апреля 1942 года, в котором указывалось, что советское правительство попрежнему придерживается обязательств, принятых на себя Советским Союзом по вопросу о режиме военного плена в соответствии с Гагской конвенцией 1907 года.

Эти замечания, однако, не могут изменить положительной оценки, которой заслуживает книга Рассела. Эта книга послужит общему делу борьбы народов за мир, против фашизма, против политики ремилитаризации Западной Германии и возрождения агрессивного германского милитаризма и руководимого гитлеровскими генералами вермахта.

Проф. П. С. Ромашкин.

ОТ АВТОРА

В своей вступительной речи на Нюрнбергском процессе по делу главных немецких военных преступников главный обвинитель от Великобритании и Северной Ирландии сэра Хартли Шоукросс заявил следующее:

«Защитники побежденных народов иногда могут играть на сочувствии и великодушии победителей в связи с тем, что подлинные факты, которые никогда с точностью не регистрируются,—искажаются и забываются. Достаточно только восстановить в памяти обстоятельства, последовавшие за первой мировой войной, для того чтобы увидеть, каким опасностям подвержены люди, отличающиеся терпимостью или доверчивостью в связи с таким отсутствием авторитетных, юридически проверенных документов.

С течением времени эти люди, отличающиеся терпимостью, проявляют тенденцию к тому, чтобы считать преувеличением, быть может, из-за того, что они так ужасны, эти факты агрессии и жестокостей, которые могут быть переданы потомству. Доверчивые люди, введенные в заблуждение фанатичными и бесчестными пропагандистами, приходят к убеждению, что это не они, а их противники виноваты в том, в чем они сами осуждают других.

И вот мы полагаем, что этот Трибунал, который, как мы знаем, несмотря на то, что он создан Великими Державами-победительницами,... будет действовать с полной юридической объективностью, и мы полагаем, что он заложит краеугольный камень в разрешении вопросов современности и явится авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды, а будущие политики в поисках предупреждения...»

Как всем известно, «авторитетные, юридически проверенные, документы», о которых говорит Шоукросс, представлены. Состоялись многочисленные процессы по делам

военных преступников¹; отчеты о них опубликованы, и каждый может прочесть их. Но у одних нет для этого времени, а другие не пожелали бы сделать это, даже если бы и располагали временем.

Настоящая работа написана с целью дать рядовому читателю правдивый и точный отчет о многих из этих военных преступлений немцев. Он составлен на основании показаний и документов, представленных на различных процессах по делам военных преступников, а также заявлений, сделанных очевидцами военных преступлений перед компетентными комиссиями по расследованию военных преступлений в тех странах, где они были совершены.

Приношу свою глубокую благодарность за любезное предоставление мне доступа к источникам официальной информации в соответствующих странах его превосходительству французскому послу г-ну Рене Массигли, кавалеру ордена Виктории (1-й степени), ордена Британской империи (2-й степени); его превосходительству бельгийскому послу маркизу дю Парк Локмариа, кавалеру ордена Виктории (2-й степени); послу Нидерландов д-ру Д. В. Стиккеру.

Я также весьма обязан Виолетте Лекок, ныне мадам Ружье-Лекок, за разрешение воспроизвести некоторые из сделанных ею замечательных зарисовок, изображающих жизнь и смерть в концентрационном лагере Равенсбрюк; бывшему главному переводчику отдела расследования военных преступлений при английской Рейнской армии майору Питеру Форесту за редактирование примечаний, касающихся немецких терминов, рангов и титулов, и, наконец, но не в последнюю очередь, бывшему руководителю английского отдела расследования военных преступлений в Германии Антони Сомерхоу, кавалеру ордена Британской империи (4-й степени), королевскому адвокату, за предоставление мне некоторых фотоснимков и за многие полезные советы.

¹ В одной только английской зоне оккупации Германии состоялось 356 процессов военных преступников, где рассматривались дела более чем одной тысячи военных преступников. Главный военный юрист вооруженных сил сэръ Генри Макги, кавалер ордена Виктории (1-й степени), ордена Бани (2-й степени), ордена Британской империи (2-й степени), королевский адвокат, который возглавлял английское отделение Комиссии ООН по расследованию военных преступлений, нес ответственность за рассмотрение дел всех вражеских военных преступников, представших перед английскими военными трибуналами.

ВВЕДЕНИЕ

До 1939 года в современных войнах между цивилизованными странами случались прискорбные инциденты, носившие характер военных преступлений. В начале первой мировой войны немецкие войска во время своего быстрого продвижения к Парижу допустили много эксцессов в Бельгии и во Франции. Они грабили и сжигали города и деревни, насиловали женщин, убивали ни в чем не повинных людей. Не являясь случайными «жестокостями» отдельных воинских частей или дивизий, эти преступления вместе с тем не были частью организованной кампании террора, подготовленной до начала военных действий и пунктуально выполнявшейся в соответствии с приказами.

Однако во время второй мировой войны военные преступления совершались нацистами в невиданных до того масштабах. Они составляли неотъемлемую часть нацистской концепции тотальной войны и совершались во исполнение заранее разработанного и согласованного плана с целью террора и грабежа жителей захваченных и оккупированных территорий и истребления тех элементов, которые могли бы оказать наибольшее сопротивление немецкому завоеванию и нацистскому господству.

До войны нацисты установили в своей собственной стране под знаком «фюрерства» тиранию, вряд ли имевшую себе равную в истории. Они поощряли и разжигали расовую ненависть, проповедуя принцип «расы господ» и ставя своей конечной и неизменной целью мировое господство. Они восстанавливали брата против брата, детей против родителей, христиан против евреев. Они пытались растлить всю нацию, а тех, кто сопротивлялся этому, терроризировали и, в конце концов, заключали в концентрационные лагеря.

Только припомнив, что происходило в Германии в период между 1933 и 1939 годами, можно представить себе истинные масштабы преступлений, совершенных во время войны на оккупированных территориях.

Подавление свободы слова, в том числе свободы печати, контроль над судебными органами, конфискация имущества, ограничение права мирных собраний, цензура над письмами и телеграммами, подслушивание телефонных разговоров, принудительное распределение рабочей силы, уничтожение свободы вероисповедания—вот цепи, в которые тиран заковывает своих подданных. Если Гитлер столь мало считался с «расой господ», то удивительно ли, что народы стран, захваченных его армиями, он считал более ничтожными, чем черви?

Бесспорно, не весь немецкий народ легко сдался или с готовностью принял нацистскую доктрину и программу. Если бы он это сделал, не было бы ни СС¹, ни СД², ни гестапо. Только с помощью страха, пыток, голода и смерти нацисты уничтожили внутри страны противников своего режима. И именно таким путем все эти организации угнетения прошли подготовку и приобрели опыт, который позднее они применяли за границей с таким неистовством и жестокостью, что стали кошмаром и проклятием оккупированной Европы.

Преступления, описываемые в данной книге, не были случайными; это должно быть очевидно из самых их масштабов. Порабощение миллионов людей и высылка их в Германию, убийства и жестокое обращение с военнопленными, массовые казни мирных жителей, расстрелы заложников и людей, заключенных в тюрьмы в порядке репрессий, а также «окончательное решение» еврейского вопроса—все это было результатом давнего планирования. Это доказано, и сами немцы представили неопровержимые данные в виде официальных записей, отчетов, инвентарных описей, приказов и других документов, которые тщательно хранились и попали в руки союзников после капитуляции германских вооруженных сил в Европе.

Ибо когда немцы использовали военнопленных на запрещенных работах, они представляли отчеты в соответствующие воинские соединения; когда они грабили, то соста-

¹ Охранные отряды нацистской партии.

² Служба безопасности.

вляли точные инвентарные описи награбленного; когда они уничтожали евреев и другие свои жертвы в газовых камерах, то посылали подробные отчеты в РСХА¹; когда они расстреливали заложников, то расклеивали их списки на общественных зданиях «в назидание другим»; когда они насильственно производили мучительные и отвратительные опыты над заключенными в своих концентрационных лагерях, они делали об этом подробные записи. Совершая все эти преступления, они с присущей им тщательностью собирали и классифицировали документальные данные о них.

В «Майн кампф» Гитлер писал за много лет до этого: «Более сильная раса вытеснит более слабые расы, ибо стремление к жизни в своей конечной форме сломает нелепые барьеры так называемой гуманности людей, чтобы расчистить место для гуманности Природы, которая уничтожает слабых, освобождая место для сильных». Это закон джунглей; неудивительно, что он повлек за собой столько несчастий, мучений, опустошений и смертей.

И эти преступные планы осуществлялись. Германское верховное командование и генеральный штаб также несут за них ответственность.

Когда старый маршал фон Гинденбург столь внезапно и неожиданно привел Гитлера к власти в 1933 году, многие из этих людей, несомненно, смотрели на Гитлера свысока. Но уже вскоре большинство их стало его сообщниками. А тех, кто этого не сделал, как, например, фон Фрич, с характерным бесстыдством убрали с дороги. С тех пор германский офицерский корпус, внушительную пирамиду которого завершал этот подхалим в форме военного, Кейтель, стала прочной опорой Гитлера. Эти люди помогали и содействовали ему в разработке планов и ведении агрессивных войн, в совершении бесчисленных военных преступлений и преступлений против человечности. Только когда волна нацистских побед явно пошла на убыль, в коридорах германского военного министерства впервые начали раздаваться приглушенные критические высказывания.

Международный Военный Трибунал, судивший в Нюрнберге главных немецких военных преступников, отказался признать генеральный штаб и верховное командование преступной организацией. Тем не менее в приговоре он заявил об этих людях:

¹ Главное имперское управление безопасности.

«Они были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными... они... представляли собой безжалостную военную касту... Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать».

Но главными орудиями тирании, которыми пользовался Гитлер, были руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД и СС.

Это были организации, совершавшие такие страшные преступления, как массовые убийства в концентрационных лагерях; убийства и жестокое обращение с военнопленными; угон иностранных рабочих для рабского труда; инквизиторские допросы; пытки; эксперименты над людьми, используемыми в качестве подопытных кроликов.

Эти «чернорубашечники» во главе с Генрихом Гиммлером на протяжении пяти долгих лет внушали ужас оккупированной Европе, подобно черной грозовой туче, несущей смертоносный дождь.

В первой главе этой книги описывается происхождение, создание, структура этих организаций и садистская жестокость, которая была их главным методом.

Глава I

ГИТЛЕРОВСКИЕ ОРУДИЯ ТИРАНИИ

С момента прихода Гитлера к власти он и нацистская партия начали претворять в жизнь общий план или заговор, цели которого уже были изложены в «Майн кампф», план, включавший преступления против мира, военные и другие преступления против человечности.

Оплотом этого заговора являлась нацистская партия; ее руководящий состав был тем главным звеном в системе гражданского командования, с помощью которого осуществлялся генеральный план. Каждого члена ежегодно приводили к присяге. «Я клянусь в вечной приверженности Адольфу Гитлеру. Я обязуюсь безоговорочно повиноваться ему и фюреру, назначенному им».

От фюрера, как главного источника, через гаулейтера, крейслейтера, ортсгруппенлейтера, целленлейтера и блоклейтера нацистская доктрина проникала в каждый дом. Гаулейтер отвечал за область, крейслейтер—за округ и, наконец, блоклейтер нес ответственность примерно за 50 семейств. Каждый из них, в свою очередь, имел штат, состоявший из лиц, занимавшихся всеми сторонами жизни гражданина: просвещением, пропагандой, журналистикой, финансами, юстицией.

Непосредственно за Гитлером шли рейхслейтеры: Розенберг, фон Ширах, Фрик, Борман, Франк, Лей, Геббельс и Гиммлер. Каждый непосредственно перед фюрером нес ответственность за определенную сторону нацистской политики. Они выполняли директивы Гитлера. Их главная задача состояла в сохранении партии «в качестве отточенного меча фюрера». Они занимались общей политикой, а не практическими вопросами управления.

Следующими по значению были администраторы, названные однажды «нисходящей иерархией цезарей».

Германия была разделена на ряд крупных административных областей, каждая из которых именовалась «гау». Во главе гау стоял политический руководитель—гаулейтер, который непосредственно перед фюрером нес ответственность за свою область.

В свою очередь, гау подразделялась на округа, городские и сельские районы, ячейки и кварталы (блоки). Таким образом, нацистские чиновники проникали во все области жизни, но самым большим тираном был самый мелкий цезарь—блоклейтер.

Он шпионил за каждым семейством; он имел осведомителя в каждой семье; именно через его посредство нацистская пропаганда всей своей тяжестью воздействовала на каждого человека.

Согласно партийному справочнику, в обязанность блоклейтера входило выявлять людей, распространяющих вредные слухи, и доносить на них своим начальникам. «Он должен быть не только проповедником и защитником национал-социалистской идеологии среди народа и членов партии, доверенных его политическому попечению, но также должен стараться добиться практического сотрудничества членов партии в своем квартале. Он должен вести карту-теку на каждое семейство».

В лице блоклейтера рядовой немец видел всего фюрера, а таких блоклейтеров было полмиллиона. Так Гитлер держал весь рейх в своих руках.

Во время войны дело обстояло так же, как и в мирное время. В Голландии, как и в Эльзасе, был гаулейтер; в Польше, прибалтийских государствах, на восточных территориях—всюду имелись свои гаулейтеры, и уроки, извлеченные на раннем этапе нацизма в самой Германии, практически использовались за границей. Система, подчинившая всех немцев воле фюрера, применялась для порабощения народов, живущих на территориях, подвергшихся вторжению и находившихся под немецкой оккупацией.

Бесспорно, многие немцы никогда не были ревностными нацистами и считали Гитлера наглым выскочкой, а его приспешников отвратительным сбродом. Однако таких людей нельзя было встретить в отрядах СС, представлявших собой ядро нацизма. Эти отряды состояли из слепых выучеников фюрера и, кроме него, не признавали никого—ни бога, ни чорта.

В начале процесса по делу главных немецких военных преступников в Нюрнберге на страницах местной газеты появился отчет о поездке некоего журналиста в лагерь, в котором были интернированы пленные эсэсовцы. Все они задавали ему один вопрос: «Что мы такого сделали, кроме выполнения своих обычных обязанностей?» Если содействие и содействие нескольким миллионам убийств можно счесть за выполнение обычных обязанностей, едва ли они совершали что-либо иное.

В некоторых главах этой книги говорится об истреблении евреев, порабощении и высылке рабочих с оккупированных территорий, о расстреле заложников и массовых казнях мирных жителей, убийстве и жестоком обращении с союзными военнопленными. Во всех этих преступлениях основными исполнителями были СС, СД и гестапо.

Нацистские руководители возложили на эти организации обязанность «обезвреживать»¹ в мирное время всякую оппозицию. Во время войны они должны были подавлять любое сопротивление немецкой оккупации.

Ввиду схожести методов, применявшихся для достижения этих целей, выполнение обычных обязанностей указанными организациями в мирное время служило им подготовкой к войне. С помощью преследований, террора, пыток и постоянной угрозы заключения в концентрационные лагеря они сделали Германию безопасной для Гитлера. Во время войны с помощью тех же проверенных и усовершенствованных методов они должны были держать в подчинении население территорий, которые могли быть захвачены и оккупированы немецкими войсками.

В 1929 году, за четыре года до прихода Гитлера к власти, Генрих Гиммлер был назначен рейхсфюрером СС и взял на себя контроль над отрядами СС, насчитывавшими тогда всего 280 человек. Он превратил эти отряды в свою личную армию и полицию, набирая в нее только надежных и фанатичных приверженцев фюрера. К тому времени, когда Гитлер стал рейхсканцлером, отряды СС насчитывали 52 тысячи человек. Была определена их миссия, состоявшая в защите фюрера и внутренней безопасности рейха, и рейхсфюрер Гиммлер не оставил ни у кого сомнения в методах ее осуществления.

¹ Употреблявшееся нацистами выражение вместо «убивать».

«Мы неукоснительно будем выполнять свою задачу—гарантировать безопасность Германии изнутри, подобно тому как вермахт защищает честь, величие и мир империи извне. Мы позаботимся о том, что никогда вновь в Германии—этом центре Европы—не будет раздуваться изнутри или при помощи посланцев извне еврейская большевистская революция низших существ. Без сожаления, как беспощадный меч правосудия, покараем мы все силы, о существовании и деятельности которых нам известно, в тот самый день, когда будет предпринята хотя бы малейшая такая попытка, будь то сегодня, через десять лет или через столетие».

Беспощадным мечом они, конечно, были, но честь и правосудие им были незнакомы.

Выполнение этой задачи требовало высокоорганизованной силы, и посему было учреждено верховное командование СС, состоявшее из 12 отделов. Основной частью СС была альгемайне СС (общая СС)—ствол, от которого отходили все ветви. Она была построена по военному образцу и подразделялась на воинские соединения областей и районов, полки и другие, более мелкие формирования, вплоть до взводов. В начале войны альгемайне СС насчитывала 240 тысяч отъявленных негодяев.

Она состояла главным образом из ээсовцев, лиц без специальности. Пользуясь военным термином, можно сказать, что они являлись рядовыми стрелками отрядов СС. Одной из их жестоких обязанностей была служба в концентрационных лагерях. Почти вся охрана этих лагерей комплектовалась из альгемайне.

Следующей по значению была служба безопасности, известная позднее во всей оккупированной Европе, так же как и в самом рейхе, под ненавистным сокращением СД. Первоначально она была просто разведывательной службой СС, но, после того как Гитлер стал рейхсканцлером, приобрела большее значение и к 1939 году была уже одним из главных отделов РСХА.

Возглавлявший эту организацию Рейнгард Гейдрих превратил ее к этому времени в обширную систему шпионажа, и она, подобно гигантскому хищнику, пристально следила за частной жизнью каждого немецкого гражданина, став единственным разведывательным и контрразведывательным органом нацистской партии.

Через три года после прихода Гитлера к власти Гиммлер, занимавший пост рейхсфюрера СС, стал также начальником германской полиции в министерстве внутренних дел, и тогда началась реорганизация германских полицейских сил, которые были подразделены на две части. Это была постоянная полиция, или полиция поддержания порядка (ОРПО), и полиция безопасности, или ЗИПО, объединенная в 1939 году с СД в рамках РСХА.

Тайная государственная полиция, или всем известное гестапо, представляла собой государственную организацию, впервые созданную Герингом в Пруссии в 1933 году. Это была политическая полиция. В отличие от обычной полиции она не занималась предотвращением и выявлением преступлений; в ее задачу входило подавление любой независимой политической мысли и политических убеждений, а также уничтожение всякой оппозиции гитлеровскому режиму. Сеть угнетения была окончательно соткана, и в центре этой паутины сидел паук Гиммлер, окруженный своими эсэсовцами, а за ним вставала тень концентрационного лагеря.

Так Германия была «полностью и окончательно завоевана национал-социализмом», как выразился Гитлер, выступая в рейхстаге в 1938 году. Так была мобилизована страна. С какой же целью? С целью агрессии, завоеваний, мирового господства и тотальной войны. И война началась: вторжение, успехи, пока две трети Европы не оказались под пятой Германии. СС, СД и гестапо были наготове, чтобы держать Европу в подчинении. Машина нацистской тирании была в полной исправности. Умело и тщательно разработанная и сконструированная за много лет, она была налажена и опробована в мирное время. Теперь наступал час торжества!

Германские армии, продвигавшиеся по территории противника, сопровождались специально сформированными оперативными частями ЗИПО и СД. Офицерский состав так называемых «эйнзацгрупп» комплектовался из гестапо и КРИПО¹, и ему присваивались офицерские звания СС.

Рядовыми же были солдаты Ваффен СС и агенты ОРПО. Эти группы прикомандировывались к армейским группам или армиям и действовали обычно в их тылу. Находясь под тактическим руководством командующего армией, они

¹ Уголовная полиция.

получали специальные задания от РСХА, которому непосредственно и подчинялись.

После выполнения этих специальных заданий и по мере перемещения военных действий оккупационные власти стали приобретать более постоянный характер. Тогда эйнзац-группы превратились в постоянные штабы ЗИПО и СД и получили подведомственные участки. Они имели собственное командование, подчиненное военному командующему оккупированной территории и в то же время независимое от него, так как у них был непосредственный доступ к начальнику полиции безопасности и СД.

В странах, оккупированных Германией, исполнительные функции обычно лежали на гестапо—гораздо более крупной организации, чем СД или КРИПО. В период с 1943 по 1945 год гестапо насчитывало около 50 тысяч человек, тогда как КРИПО и СД насчитывали соответственно всего 15 тысяч и 3 тысячи¹. Буквы «СД» обычно употреблялись германской разведкой и полицией официально и неофициально для обозначения ЗИПО и СД, и в следующих главах этой книги употребляются в этом смысле. В оккупированных странах гестаповцы, за исключением тех случаев, когда они надевали гражданскую одежду, обычно носили эсэсовские «черные мундиры» со знаками СД.

С начала войны и до ее окончания эсэсовцы считались мастерами самых подлых и мерзких дел, и не случайно именно им было поручено организовать инцидент, послуживший предлогом к вторжению в Польшу.

К агрессии все было готово. 22 августа 1939 года Гитлер выступил с речью в Оберзальцберге перед своими главнокомандующими.

«Прежде всего уничтожение Польши,—сказал он.— Задача—уничтожение живой силы, а не достижение какой-либо определенной географической линии. Я дам пропагандистский повод для начала войны—неважно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто не спросит, говорил ли он правду... Я опасюсь только того,

¹ В ЗИПО и СД входили гестапо, КРИПО и СД. Хотя общая численность собственно СД в период между 1943 и 1945 годами составляла всего 3 тысячи, буквы СД обычно употреблялись в качестве сокращенного обозначения ЗИПО и СД, а на оккупированных территориях гестаповцы часто носили форму со знаками СД.

что в последний момент какая-нибудь свинья сделает предложение о посредничестве... После того как я провел политическую подготовку, путь для солдата открыт».

Так нацистами при помощи эсэсовцев были спровоцированы пограничные инциденты. Одним из них было нападение на радиостанцию в Глейвице, близ польской границы. Цель этой провокации, известной под названием «операция Гиммлер», заключалась в том, чтобы создать видимость, будто поляки совершили налет на радиостанцию. Инструктируя агента СД, ответственного за эту операцию, Рейнгард Гейдрих сказал: «Фактические доказательства таких нападений поляков необходимы как для иностранной прессы, так и для целей германской пропаганды».

Нападение на радиостанцию должны были совершить пять или шесть агентов СД. Они должны были находиться там, пока сопровождавший их немец, говоривший по-польски, будет выступать по радио с речью на польском языке. Смысл речи должен был сводиться к тому, что пришло время войны между Германией и Польшей и что поляки должны объединиться и уничтожить всех оказывающих сопротивление немцев.

Получив такую инструкцию, руководитель операции отправился в Глейвиц для получения пароля от Гейдриха. Он зашел также к начальнику гестапо Генриху Мюллеру¹, находившемуся в этом районе. Мюллер обсуждал планы другого пограничного инцидента, который должен был создать видимость нападения польских солдат на германские пограничные части. Для этой операции гестапо должно было предоставить несколько осужденных. Их предполагалось одеть в польскую форму и оставить мертвыми на поле действий, сделав им предварительно смертельные инъекции и затем пристрелив. Необходимо было создать видимость, что эти мертвые—поляки, якобы убитые во время нападения на немецких солдат. Одно из подставных лиц предполагалось выделить для операции в Глейвице. В переписке они фигурировали под кодовым названием «консервы».

Инцидент в Глейвице произошел вечером накануне вторжения Германии в Польшу. Эсэсовец, руководивший группой налетчиков, описывает его следующим образом:

¹ Обергруппенфюрер Мюллер—начальник IV отдела РСХА.

«В полдень 31 августа 1939 года я получил по телефону от Гейдриха пароль, являвшийся сигналом к нападению, которое должно было произойти в 8 часов вечера в тот же день. Гейдрих сказал, что я должен пойти к Мюллеру за «консервами». Я это сделал, и Мюллер доставил тело на радиостанцию. Я положил его на землю у входа в здание. Человек был жив, но находился в совершенно бессознательном состоянии. Мы, согласно приказу, захватили радиостанцию, передали по передатчику, которым пользуются в чрезвычайных случаях, речь, продолжавшуюся 3 или 4 минуты, сделали несколько пистолетных выстрелов и ушли».

Эсэсовцы подняли занавес перед вторжением в Польшу, и они же опустили его по окончании спектакля. В апреле 1945 года обергруппенфюрер Кальтенбруннер разработал планы уничтожения концентрационных лагерей и ликвидации всех находившихся в них заключенных. Таким образом, должны были быть уничтожены все доказательства программы истребления. Эти планы, известные под кодовыми названиями «Облако А-1» и «Облако Огонь», так и не были выполнены. Драма закончилась до того, как занавес был опущен.

СД и гестапо совместно несут ответственность за массовые убийства сотен тысяч ни в чем не повинных мирных жителей оккупированных территорий, за пытки и жестокое обращение, которым они подвергали тысячи людей. Заключенные, отнесенные к категории «мрак и туман»¹, заложники, люди, попавшие в тюрьму в порядке репрессий, солдаты, моряки и летчики союзных войск, принимавшие участие в операциях отрядов командос,—все они передавались СД для «специальной обработки»². СД и гестапо также несут ответственность за истребление при помощи эйнзацгрупп миллионов евреев в порядке «окончательного решения» еврейского вопроса³.

¹ «Эти заключенные были целиком отрезаны от внешнего мира, и им не позволялось ни посылать писем, ни получать их. Они бесследно исчезали, и германские власти никогда ничего не сообщали об их судьбе». (Из обвинительного заключения Международного Военного Трибунала.)—*Прим. ред.*

² См. главу II.

³ «Окончательное решение» еврейского вопроса означало истребление евреев и было определенной частью нацистской политики.

В одной из глав настоящей книги содержится описание убийств на Украине и в Крыму, совершенных этими группами под началом обергруппенфюрера Олендорфа, по поводу показаний которого на Нюрнбергском процессе один из обвинителей от Соединенных Штатов Америки сказал следующее:

«Человечество не скоро забудет его отвратительное повествование... и тех закоренелых убийц, которых тошнило от ужасного зрелища, открывавшегося перед ними, когда они у вырытых могил отпирали дверцы душегубок¹. Таковы были люди, которые, сидя на краю противотанковых рвов с папиросой в зубах, спокойно стреляли из пистолетов-автоматов в затылок своим жертвам. Таковы были эти люди, которые, по словам их собственных статистиков, убили два миллиона мужчин, женщин и детей. Таковы были эти люди из СД».

Их методы иногда приводили в смятение даже гаулейтеров. После того как агентам СД была предоставлена свобода действий в Литве, гаулейтер Риги в извиняющемся тоне докладывал Розенбергу, бывшему в то время имперским министром по делам восточных территорий, что поведение агентов СД «буквально граничит с садизмом». Судя по фактам, содержащимся в докладе, это, пожалуй, слишком мягко сказано.

«Похоронить заживо тяжело раненных,—писал он,—которые затем выбрались из могил,—это такая гнусность, о которой следует доложить фюреру и рейхсмаршалу. Гражданская администрация Белорутении прилагает все усилия, чтобы привлечь население на сторону Германии в соответствии с инструкциями фюрера. Эти усилия невозможно совмещать с методами, о которых я упоминал».

Специальные отряды СД и гестапо были размещены в лагерях военнопленных с целью отбора и истребления лиц, признанных нежелательными в силу расовой принадлежности или по политическим соображениям. Этих пленных переводили в концентрационные лагеря для «специальной обработки», что на языке эсэсовцев означало убийство.

¹ Тысячи мирных жителей были убиты этими эйнзацгруппами в специально сконструированных душегубках.

СД вместе с гестапо несет ответственность за выполнение декрета «Пуля»¹. Этот декрет предписывал передачу СД после поимки всех бежавших военнопленных офицеров и унтер-офицеров, кроме английских и американских. Их надлежало отправлять в концентрационный лагерь Маутхаузен и убивать выстрелом в затылок.

Эти организации использовались также имперским министром Фрицем Заукелем для угона иностранных рабочих в рабство согласно разработанной им программе. Они помогали выполнять этот план на оккупированных территориях, и когда несчастные, которых они вербовали обманым путем, прибывали в Германию, гестаповцы держали их под наблюдением и ловили тех, кому удавалось бежать из трудовых лагерей, где их содержали, пока они были в состоянии работать.

В августе 1942 года Кейтель издал приказ, что СД и гестапо должны принимать немедленные контрмеры против парашютистов, сброшенных на оккупированные территории или в Германии для выполнения специальных заданий.

«Если отдельные парашютисты будут попадать в руки военнослужащих вооруженных сил, последним надлежит доставлять их в тот же день в ближайший орган, находящийся в ведении начальника полиции безопасности и СД после отправки донесения в соответствующее отделение Абвера».

Во время оккупации много «одиночек» было сброшено во Францию для установления связей и сотрудничества с французским движением сопротивления. Задача СД и гестапо состояла в том, чтобы выслеживать этих людей и расправляться с ними, если же их захватывали воинские части, то немедленно передавали СД. После допроса их отправляли в концентрационный лагерь, откуда возвращались лишь немногие.

Таким образом погибло несколько молодых женщин, доставленных из Англии и сброшенных на парашютах во Францию по распоряжению французского отдела военного министерства².

¹ Декрет «Пуля» от 4 марта 1944 года.

² См. «Одетта» Джерарда Тиккола (изд. «Чэпмен энд Холл», 1949) и «Суд в Натцвейлере» (изд. «Уильям Ходж энд К°»).

В октябре 1942 года Гитлер лично издал «приказ о командос», предписывавший умерщвлять всех союзнических военнослужащих, принимавших участие в операциях отрядов командос и захваченных немцами. В приказе говорилось о необходимости немедленно передавать СД отдельных бойцов отрядов командос, действующих в качестве агентов или диверсантов в какой-либо оккупированной немцами стране и попавших в руки воинских частей или гражданской полиции. Эти бойцы, одетые в военную форму и открыто приземлявшиеся во вражеской стране, имели право на обращение с ними как с военнопленными.

Однако, во исполнение этого приказа фюрера, много таких бойцов было передано СД захватившими их немецкими солдатами. Большинство их было казнено в течение 24 часов, и только небольшое число было переведено в концентрационные лагеря.

В некоторых оккупированных странах СД и гестапо были также наделены полномочиями казнить или заключать в концентрационные лагеря по собственной инициативе лиц, не совершивших никаких преступлений, но связанных с лицами, объявленными преступниками.

Эти действия—типичный образец несправедливости нацистов—получили громкое название «коллективной ответственности членов семей убийц и диверсантов». В действительности это был типично тевтонский метод отмщения ни в чем не повинным родственникам бойцов движения сопротивления, которым удавалось остаться на свободе.

Таковыми полномочиями было наделено в Польше в середине 1944 года гестапо, так как состояние внутренней безопасности к этому времени ухудшилось и нацисты начали применять «самые суровые меры» к «иностранным убийцам и диверсантам».

Поэтому рейхсфюрер СС, действуя в согласии с генерал-губернатором (Гансом Франком), приказал во всех случаях убийств немцев, покушений на них или уничтожения диверсантами важных сооружений расстреливать не только виновного, но и всех его родственников, кроме родственников женского пола старше шестнадцати лет, которых надлежало отправлять в концентрационные лагеря.

Гестаповцы подвергали военнопленных также допросам «третьей степени». Применялись следующие методы: «содержание на хлебе и воде; жесткая койка; темная камера;

лишение сна; изнурительная муштровка; порка». Чтобы заставить заговорить особо стойких военнопленных, у них срывали ногти на руках и ногах.

Почти во всех преступлениях, совершенных в отношении гражданского населения оккупированной Европы и самой Германии, эсэсовцы, гестапо и СД играли главную роль.

Они убивали сотни тысяч мужчин, женщин и детей; расстреливали пойманных после побега военнопленных под предлогом их попытки к новому побегу; создавали концентрационные лагеря и лагеря принудительного труда, поставляли для них персонал и управляли им; уничтожали и сжигали гетто и отправляли их обитателей в лагеря смерти; угоняли сотни тысяч иностранных рабочих в рабство в Германию; расстреливали захваченных в плен бойцов отрядов командос и парашютистов и брали под свою защиту немцев из числа гражданского населения, которые совершали самоубийство над союзными летчиками.

В своем выступлении в «день германской полиции» их глава Рейнгард Гейдрих сказал: «Тайная государственная полиция, уголовная полиция и СД все еще окружены глубокой секретностью... За границей людям этой профессии приписывают жестокость, беспощадность, бесчеловечность, граничащую с садизмом».

Третьим и последним отделом отрядов СС были Ваффен СС—боевые части, специально обученные для ведения агрессивной войны. К вопросу об их создании в официальном нацистском издании—«Организационная книга нацистской партии» (1943 год)—было сказано следующее:

«Вооруженные части СС были плодом идеи создания специального контингента с длительным сроком службы для выполнения особых заданий фюрера. Это должно было дать возможность членам альгемайне СС, а также добровольцам, отвечающим особым требованиям СС, бороться за осуществление национал-социалистской идеи с оружием в руках в собственных частях в составе армии».

Однако лишь после начала войны этот контингент стал известен как соединения Ваффен СС «Мертвая голова», позднее преобразованные в эсэсовские дивизии «Мертвая

голова», еще в самом начале войны—в мае 1940 года—покрывшие себя вечным позором в Паради, на побережье Па-де-Кале¹.

Ваффен СС были «войсками Гиммлера». Хотя они находились под тактическим командованием более крупных соединений вермахта, они оснащались и снабжались через административные отделы СС и находились под их дисциплинарным контролем. Гиммлер вовсе не предполагал, что они будут сражаться рыцарски, и однажды, выступая на совещании командиров СС, подчеркнул, что надо вбивать в голову каждому новобранцу до тех пор, пока он не усвоит ее, идею, что эсэсовцы должны твердо держаться и беспощадно вести расовую борьбу.

В последние годы в Германии появилось множество защитников Ваффен СС, и немецкие генералы, осужденные за военные преступления, но впоследствии освобожденные в порядке помилования, выступают с гневными речами в их защиту на собраниях «Стального шлема»².

Эти генералы утверждают, будто солдаты Ваффен СС—это честные бойцы, мужественно сражавшиеся за свое отечество и фюрера, и что клеймить как преступные соединения, в которых они имели честь служить,—значит оскорблять живых и мертвых.

Не таково было обдуманное мнение Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, который в вынесенном им приговоре заявил:

«Имеются доказательства того, что расстрел невооруженных военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях войск СС... Подразделения войск СС... были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях... Дивизии войск СС ответственны за множество убийств

¹ См. главу II.

² «Стальной шлем», якобы являющийся ассоциацией старых боевых товарищей, был создан примерно в 1920 году. Он скоро превратился в крайнюю националистическую организацию, поддерживал Гитлера с самых первых дней его деятельности и вскоре примкнул к национал-социалистической партии (НСДАП). Многие члены НСДАП были, подобно Герингу, членами обеих организаций. По мере того как НСДАП становилась все более могущественной, «Стальной шлем» утрачивал свое значение и позднее слился с СА (штурмовые отряды, гитлеровские коричневорубашечники).

и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице...

Действия некоего солдата войск СС, убившего в сентябре 1939 года, исключительно по собственной инициативе, 50 еврейских рабочих, которых он охранял, следующим образом объясняются в заявлении одного эсэсовца: он был «особенно нетерпимым к виду евреев» и действовал «необдуманно, побуждаемый юношеским духом авантюризма»; трехлетнее заключение, к которому был присужден этот человек, было отменено по амнистии».

Все это верно; но о Ваффен СС можно сказать еще следующее. В одном отношении Ваффен СС отличались от собственно СС. Они были лишь дилетантами в области преступлений. По своей профессии они были солдаты; их задача состояла в том, чтобы воевать, и такие дела, как резня в Орадур-сюр-Глан, носили побочный характер.

Профессиональными преступниками были альгемайне СС, гестапо и СД. Хотя сравнение звучит весьма неуместно, Ваффен СС можно назвать любителями, в то время как других—профессионалами.

Описание этих преступных организаций было бы неполным без упоминания об организации «Гитлерюгенд» («Гитлеровская молодежь») — рассадики будущих эсэсовцев.

Эта организация молодых фанатиков была создана Бальдуром фон Ширах на первых этапах нацистского движения. Они проходили усиленную программу нацистской пропаганды, включавшую идеи о несправедливости Версальского договора, о необходимости жизненного пространства, теорию расы господ, принцип фюрерства и много других неудобоваримых нацистских доктрин, и были одержимы идеей, как сказано в приговоре нюрнбергского трибунала, о «благородном предназначении германской молодежи— умереть за Гитлера».

Фон Ширах «внедрял среди молодого поколения великую традицию смерти во имя священного дела, сознание, что своей кровью они проложат путь к свободе, о которой мечтают»¹.

¹ Эти слова взяты из речи адмирала Редера в «день памяти немецких героев» в 1939 году. Свобода, о которой он упоминает, определяется в другой части речи как «свобода перевооружаться».

В период, предшествовавший 1933 году, когда нацистская партия находилась в загоне и ношение ее формы было запрещенным, фон Ширах разъезжал по всей Германии и призывал немецкую молодежь вступать в «Гитлерюгенд».

«Именно в этот период,—заявил он,—«Гитлерюгенд» накопила свой лучший человеческий материал. Те, кто пришел к нам в этот период нелегального положения, рисковал всем... С револьверами в карманах мы разъезжали по районам Рура, а вслед нам сыпался град камней».

В то время было еще много людей, видевших в Адольфе Гитлере всего лишь выскочку Шикельгрубера. Среди немцев старшего поколения, помнивших традиции Германии Гогенцоллернов и тосковавших по ним, все еще оставалось много таких, кто хотя и не выступал активно против нового режима, но не желал с энтузиазмом сотрудничать с ним. Поэтому было весьма желательно, чтобы подросло новое поколение, которое не знало никакой Германии, кроме гитлеровской.

Но «Гитлерюгенд» предназначалась не только для воспитания молодежи в духе целей, идеологии и задач нацистской партии наряду с общим образованием; она была организована в 1938 году таким образом, чтобы служить естественным источником кадров для СС. Начало этому было положено созданием патрульной службы, которая фактически представляла собой собственную полицейскую службу этой организации.

В документе, озаглавленном «Организация патрульной службы», составленном Гиммлером и фон Ширахом, указывалось, что, поскольку патрульная служба в рамках «Гитлерюгенд» должна выполнять задачи, подобные задачам СС, она будет построена в качестве специальной части, с тем чтобы обеспечивать рекрутов для альгемайне СС. Более того, документ предусматривал необходимость вербовки из патрульной службы рекрутов для соединений Ваффен СС «Мертвая голова» и для офицерских училищ.

С этого времени милитаризация «Гитлерюгенд» пошла быстрыми темпами. Организация была построена по военному образцу, одета в военную форму и имела полувоенные звания, и в августе 1939 года Кейтель отметил, что «30 тысяч руководителей «Гитлерюгенд» уже проходят ежегодную боевую подготовку. Соглашение с вермахтом сделает возможным удвоить их число».

Цель этой подготовки заключалась, по словам заместителя фон Шираха, в том, чтобы «для немецкого юноши было так же естественно держать в руках пулемет, как и перо».

Во время войны, начавшейся вскоре после заключения этого соглашения, тысячи бывших членов «Гитлерюгенд», перешедших в ряды Ваффен СС, совершали на всех оккупированных территориях военные преступления, подобные резне в Орадур-сюр-Глан и Пароди. Другие тысячи кровавых молодых головорезов с нетерпением ожидали возможности занять место погибших членов «Гитлерюгенд».

Таковы были орудия гитлеровской тирании. На всем протяжении этой книги вновь и вновь встречаются их имена и описания их злодеяний. Они являлись нитями в широкой ткани нацистских военных преступлений. Они были главными виновниками всех зверств, всех жестокостей. Гиммлер имел все основания гордиться ими, а Европа—страшиться их.

Г л а в а II

УБИЙСТВА И ЗВЕРСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ

В древние времена военнопленных либо убивали, либо брали в рабство. В средние века их заключали в тюрьму, обменивали или освобождали за выкуп. Впервые как пленников государства, а не как личную собственность их стали рассматривать в XVII веке, но даже и тогда с ними нередко обращались с крайней жестокостью, подвергали тяжким лишениям и многочисленным унижениям.

Лишь в XVIII веке получил всеобщее признание принцип, что цель захвата в плен, в отличие от обычного заключения,—лишить военнопленных возможности присоединиться к своим войскам и вновь взяться за оружие.

Международноправовой основой обращения с военнопленными к началу войны 1939 года была Конвенция об обращении с военнопленными 1929 года. Она была подписана в Женеве 27 июля и впоследствии ратифицирована всеми воюющими сторонами, за исключением СССР.

В преамбуле к конвенции говорится, что подписавшие ее стороны желают по мере возможности облегчить неизбежные тяготы войны и улучшить положение военнопленных.

Тем не менее во время второй мировой войны положения конвенции неоднократно нарушались Германией. Пленные подвергались жестокому, зверскому обращению, использовались на запрещенных и опасных работах, передавались СД для «специальной обработки», были случаи, когда немецкое население совершало над ними самосуд, их отправляли в концентрационные лагеря, расстреливали при поимке после побега, их убивали даже в тех случаях, когда они складывали оружие и сдавались в плен.

26 мая 1940 года, шестнадцать дней спустя после того, как Гитлер начал широкое наступление на Западе, английская экспедиционная армия отступала по всему фронту.

Часть английских войск все еще находилась в районе Па-де-Кале, прикрывая порты Ла-Манша.

С наступлением ночи 1-й батальон 2-го полка эсэсовской дивизии «Мертвая голова» форсировал канал Ла-Бассе и занял позиции близ Мон-Бернешон. На следующее утро он пошел в наступление через Корне-Мало и еще до полудня достиг деревушки Паради, где все еще удерживали свои позиции остатки 2-го батальона Норфолкского полка, включая штаб батальона.

В 11. 30 утра старший из оставшихся в живых офицеров, майор Райдер, командовавший тогда батальоном, получил сообщение из штаба бригады, что батальон отрезан и не может в дальнейшем рассчитывать на помощь бригады и на связь с ней. К полудню вышли все боеприпасы и дальнейшее сопротивление стало невозможным, поэтому майор Райдер подтянул выдвинутые вперед подразделения и решил, что следует предпринять попытку сдаться в плен.

Первая попытка была безуспешной. Она была предпринята тремя солдатами батальона, вышедшими на открытую местность без огнестрельного оружия, подняв белое полотенце. Они сразу же были сражены немецкими пулями. Затем была предпринята вторая попытка, увенчавшаяся успехом, и капитуляция была принята.

С церковного двора и из близлежащих домов немцы согнали около ста оставшихся в живых англичан и взяли их в плен. Несколько тяжело раненных были оставлены на попечение военного врача в подвале здания, где помещался штаб батальона, а остальных провели через Паради и погнали в западном направлении.

Когда пленные прошли небольшое расстояние, их остановили и обыскали. Во время обыска они подверглись различным унижениям и избиениям. Эсэсовцы били пленных по голове прикладами винтовок в присутствии своих офицеров, которые их не останавливали.

Прежде чем сдаться, солдаты Норфолкского батальона уничтожили все свое оружие и при обыске имели лишь небольшое количество вещей. У них отобрали эти вещи и снаряжение.

Прошло довольно много времени, и ничего не подозревавших пленных погнали обратно по дороге на небольшое поле близ фермы, где и произошла кровавая расправа.

Посреди поля были установлены два пулемета, принадлежавшие 4-й роте батальона «Мертвая голова». Командир

роты Фриц Кнохлейн стоял с группой офицеров и унтер-офицеров на дороге, ведущей к полю. По его приказу пленных повели на поле; руки они держали на затылке.

Затем Кнохлейн дал команду открыть огонь, повторенную фельдфебелем, командовавшим отделением пулеметчиков.

Оба пулемета открыли огонь одновременно, поливая пулями справа налево колонну англичан, которая двигалась как раз по линии огня.

Пленные падали, подкошенные пулями; некоторые из них упали в небольшую яму. Это, видимо, и спасло жизнь двум солдатам, рядовым Пули и О'Калагену, хотя оба они были ранены. Когда пулеметы прекратили огонь, немецкие солдаты, примкнув штыки, подбежали к распростертым телам и прикончили тех, кто еще проявлял признаки жизни. Офицеры и унтер-офицеры также стреляли по ним из револьверов и винтовок.

Владелец фермы, покинувший ее во время боев, вернулся на следующий день и нашел на том месте, где стояли пулеметы, более 200 стреляных гильз.

Два оставшихся в живых солдата неподвижно лежали до ночи, а затем выбрались из-под груды тел. В течение трех дней они прятались в сгоревшем здании фермы. Там и нашла их одна француженка, которая потом ухаживала за ними по мере сил и приносила им пищу, несмотря на то, что это было сопряжено для нее с большой опасностью. Впоследствии их забрала французская санитарная машина, которая доставила их в госпиталь в Байёль, где они снова попали в руки немцев и позднее были увезены в Германию в качестве военнопленных.

Рядовой Пули, как тяжело раненный, был в соответствии с положениями Женевской конвенции о военнопленных репатрирован в Англию в 1943 году, и когда по возвращении он впервые рассказал свою историю английским военным властям, никто ему не поверил.

Рота Кнохлейна не потрудились даже захоронить трупы и в ознаменование события пьянствовала всю ночь в нескольких шагах от места преступления.

Трупы, позднее захороненные, были в 1942 году эксгумированы французскими властями и перевезены на кладбище в Паради. После эксгумации около 50 трупов было опознано, остальные похоронены в братских могилах. Осмотром трупов было установлено, что многие из расстре-

лянных были легко ранены еще в бою, ибо у них сохранились остатки повязок на руках и ногах.

Во время этой кровавой расправы¹ дивизия «Мертвая голова», в которую входила часть Кнохлейна, находилась в составе XVI армейского корпуса под командованием одного из генералов вермахта. Кто-то сообщил об этом происшествии в штаб корпуса, и командиру дивизии было приказано представить донесение. Поскольку его объяснение было сочтено неудовлетворительным, был прислан вопросник с требованием немедленно на него ответить.

Когда дивизия «Мертвая голова» покинула район расположения корпуса, ответа на вопросник еще не поступало. Позднее командир корпуса представил начальству полный доклад, но никаких дальнейших действий не было предпринято, хотя этот документ впоследствии был направлен в Берлин.

Тот факт, что не было принято никаких мер, несомненно, объясняется личным вмешательством не более, не менее как самого главы Ваффен СС рейхсфюрера Генриха Гимmlера, ибо, бесспорно, его прибытие в расположение дивизии «Мертвая голова» 29 мая, когда она была расквартирована в Байёле, не было простой случайностью.

Расстрел солдат Норфолкского батальона в Паради был не единственным случаем убийства невооруженных союзных военнопленных после капитуляции.

17 декабря 1944 года в Бельгии во время наступления в Арденнах нацистских армий Рундштедта на поле в Бенье было убито 129 американских военнопленных. Колонна американских автомашин, двигаясь по дороге близ Сен-Вита, неожиданно попала под ожесточенный артиллерийский и пулеметный огонь. Она вынуждена была остановиться, и солдаты, выпрыгнув из машин, укрылись от обстрела в канаве у обочины дороги.

Обстрел продолжался в течение четверти часа, затем со стороны Вейсме появились два немецких танка и несколько бронемашин. Достигнув перекрестка дорог, они повернули на юг, в направлении Сен-Вита. Канава, в которой укры-

¹ Это преступление известно как «резня в Паради». Английский военный трибунал в 1948 году судил Кнохлейна и приговорил его к смертной казни.

лись американские солдаты, оказалась под продольным огнем немецких танков и бронемашин, и после того как многие были убиты, оставшиеся в живых американцы бросили оружие, вышли из канавы с поднятыми вверх руками и сдались в плен. Их повели по дороге до перекрестка, отобравав по пути личное имущество, и собрали на поле близ дороги, ведущей в Сен-Вит.

В официальном американском донесении об этом, выдержки из которого приводятся ниже, содержится описание происшедшей затем позорной кровавой расправы:

«Другие немецкие солдаты, прибывшие в танках и бронемашинах, остановились на перекрестке дорог, обыскали некоторых пленных американцев и отняли у них ценные вещи... Примерно в это же время легкий немецкий танк сманеврировал и занял позицию на дороге так, что его пушка была направлена на группу пленных, находившихся в поле... Некоторые из этих танков остановились против поля, на котором безоружные американские пленные стояли, подняв руки вверх или сложив их на затылке. Немецкий военный—офицер или унтер-офицер—в одной из этих машин поднялся, выхватил револьвер, не спеша прицелился и выстрелил в группу пленных. Один из американцев упал. Тогда он выстрелил вторично, и другой американский солдат упал на землю.

Примерно в то же время пулеметы с двух машин, стоявших на дороге, открыли огонь по группе американских пленных. Все они или большинство из них упали на землю и продолжали лежать, пока в течение 2—3 минут длился обстрел. Большинство солдат, находившихся в поле, было сражено пулями. Затем немецкие машины повернули на юг; за ними следовали также машины, появившиеся со стороны Вейсме. Подъезжая к полю, на котором лежали американские солдаты, они также с ходу стреляли по распростертым на поле телам... Затем несколько немецких солдат, очевидно из группы, находившейся на посту у перекрестка дорог, подошли к раненым американским солдатам, которые продолжали лежать на земле... и пристрелили из пистолетов и винтовок или же прикончили прикладами и другими тяжелыми предметами американцев, которые еще проявляли признаки жизни».

В некоторых случаях в жертв стреляли в упор, ибо позже, когда перевозили трупы, было обнаружено, что многие убиты выстрелом между глаз, в висок или затылок.

Зверские расправы в Паради и Сен-Вите были ничем не оправданным нарушением законов и обычаев войны, касающихся военнопленных.

В 1941 и 1942 годах английские отряды командос совершили ряд успешных налетов на суда и сооружения в Норвегии, в результате чего был нанесен значительный ущерб военным усилиям Германии.

Встревоженный этими операциями, Гитлер решил положить им конец и с этой целью 18 октября 1942 года издал приказ об обращении с некоторыми категориями военнопленных. Этот приказ получил широкую известность под названием «приказа о командос».

Он содержал следующие пункты:

«П а р а г р а ф I

В течение некоторого времени наши противники применяют в военных действиях методы, противоречащие Международной Женевской конвенции. Особенно жестокими и вероломными являются действия так называемых командос, которые, как установлено, частично вербуются из числа освобожденных уголовных преступников во вражеских странах. Захваченные приказы показывают, что им даны указания не только заковывать пленных в кандалы, но также убивать беззащитных пленных на месте, если они считают, что последние мешают дальнейшему осуществлению их цели или могут в ином отношении оказаться помехой. Наконец, обнаружены приказы, в которых от них в принципе требуют убивать пленных.

П а р а г р а ф II

По этой причине в приложении к докладу о вооруженных силах от 7 октября 1942 года было заявлено, что в будущем Германия будет прибегать в отношении этих диверсионных войск англичан и их сообщников к такой же процедуре, то есть немецкие солдаты будут беспощадно уничтожать их в бою, где бы они ни появлялись.

П а р а г р а ф III

Поэтому я приказываю, чтобы отныне все противники, которых немецкие войска заставят принять бой во время операций так называемых отрядов командос в Европе или Африке, даже когда они внешне имеют вид солдат, одетых в военную форму, или отрядов диверсантов, независимо от того, вооружены они или нет, уничтожались до последнего человека в бою или во время отступления. В этих случаях не существенно, были ли они высажены для проведения операций судами или самолетами или сброшены с парашютами. Даже если эти люди, будучи обнаружены, делают вид, что хотят сдаться в плен, принципиально следует отказывать им в пощаде. Относительно каждого отдельного случая надлежит направлять подробное донесение в ОКВ¹ для публикации в сводке вооруженных сил.

П а р а г р а ф IV

Если отдельные члены таких отрядов командос, действующие в качестве агентов, диверсантов и т. д., попадут в руки вермахта другим путем, например через полицию в любой из стран, оккупированных нами, то их надлежит немедленно передавать СД. Строжайше запрещается держать их в военной тюрьме или в лагере для военнопленных даже временно.

П а р а г р а ф V

Этот приказ не распространяется на обращение с вражескими солдатами, захваченными в плен в открытом бою и сдавшимися во время обычных военных действий (широкие наступательные действия, десантные операции и авиадесантные операции). Он не относится также к вражеским солдатам, попавшим в плен после боев на море или пытавшимся спастись, выбросившись с парашютом после воздушного боя.

П а р а г р а ф VI

В случае невыполнения этого приказа я буду предавать военному суду всякого командира или другого офицера, который либо не довел этот приказ до сведения солдат, не выполнив тем самым своего долга, либо действовал вопреки ему.

Подпись: *Адольф Гитлер*».

¹ Верховное командование вооруженных сил.

«Приказ о командос» грубо нарушал законы и обычаи войны, применявшиеся в тот период всеми воюющими сторонами, и Гитлер, повидимому, питал известные опасения относительно того, как он будет принят теми, для кого он предназначен¹, ибо в тот же день, когда приказ был издан, Гитлер разослал сопроводительное письмо, разъясняющее, почему он счел необходимым издать приказ, настолько противоречащий правилам войны в отношении военнопленных.

Он заявлял, что, в отличие от прошлых войн, теперь применяется новый тактический метод нарушения линий коммуникаций, запугивания части населения, работающей на Германию, и уничтожения промышленных предприятий и сооружений на оккупированных территориях, используемых немцами для нужд своей военной экономики.

На Востоке эти методы приняли характер партизанской войны, которая дорого обошлась немцам в отношении живой силы, транспорта и материалов. Англия и Америка вели аналогичную войну, хотя и под другим названием, и использовали авиацию, чтобы сбрасывать войска, продовольствие и снаряжение, высаживали диверсионные группы с подводных или резиновых лодок.

Гитлер разъяснял, что такая деятельность имеет исключительно серьезные последствия. Например, разрушение какой-либо электростанции может привести к тому, что авиационная промышленность лишится многих тысяч тонн алюминия и, следовательно, много самолетов не будет построено. Такого рода война, утверждал Гитлер, не опасна для противника. Ибо, поскольку он высаживает свои диверсионные войска, одев их в военную форму и, кроме того, снабдив их гражданской одеждой, они могут выступать, по мере надобности, то в качестве солдат, то в качестве гражданских лиц.

В письме далее говорилось:

«Чтобы военные усилия Германии в результате этих действий не потерпели самого серьезного ущерба, надо ясно дать понять противнику, что все диверсион-

¹ Этот приказ предназначался для верховного командования вооруженных сил трех родов; главнокомандующего вооруженными силами в Норвегии; главнокомандующего вооруженными силами на Юго-Востоке; главного командования на Западе; главного командования на Юге; главного командования 20-й горной армии; танковой армии в Африке; рейхсфюрера СС и начальника ЗИПО.

ные группы до последнего человека будут уничтожаться... Ни при каких обстоятельствах нельзя допускать, чтобы группы подрывников, диверсантов или террористов просто капитулировали и, попадая в плен, пользовались положениями «Женевской конвенции об обращении с военнопленными»... Я поэтому ожидаю не только от главнокомандующих и от армий, которыми они командуют, но и от отдельных командиров, что они не только осознают необходимость таких действий, но и будут самым решительным образом выполнять данный приказ... Если окажется желательным первоначально оставить в живых одного-двух человек для допроса, то впоследствии их надлежит немедленно расстреливать».

Автор письма мог не опасаться за выполнение приказа. Почти повсеместно он выполнялся буквально, и на многих театрах военных действий участников английских отрядов командос и особого авиадесантного полка, которые в случае пленения имели право на обращение как с военнопленными, незаконно расстреливали во исполнение этого приказа¹. Главнокомандующим германскими войсками в Норвегии в момент издания приказа был генерал фон Фалькенхорст, в свое время получивший экземпляр № 4 приказа вместе с сопроводительным письмом Гитлера.

Генерал фон Фалькенхорст не только передал содержание сбших этих документов нижестоящим командирам, но несколько месяцев спустя счел необходимым напомнить им о положениях приказа. Соответственно он издал приказ, помеченный «совершенно секретно» и адресованный «только офицерам», относительно «обращения с военнопленными». Ссылаясь в нем на приказ фюрера от 18 октября 1942 года, он писал:

«У меня создалось впечатление, что формулировки упомянутого выше приказа, который надлежало уничтожить, уже изгладились из памяти, и я поэтому вновь обращаю особое внимание на параграф III. Невыполнение приказа будет жестоко караться. [Затем цитировался параграф III²]. Если человека оставляют в жи-

¹ За исключением Северной Африки, где Роммель сжег приказ без исполнения.

² См. выше.

вых для допроса, он не должен пережить своих товарищей более чем на 24 часа.

Естественно, что надо любой ценой скрывать это от всего гражданского населения, норвежской полиции и нежелательных элементов вермахта. Следует избегать переброски военнопленных. Соблюдение строжайшей секретности—первейший долг всех командиров, к которым это относится... В исключительных случаях, если диверсантов вылавливают в присутствии норвежцев или с их помощью (например, проводников, полицейских), то их не надо расстреливать на месте, а брать в плен и передавать возможно скорее СД».

Таким образом, фон Фалькенхорст не только повторил приказ фюрера, но и дополнил его¹.

В сентябре 1942 года 2 офицера и 10 военнослужащих других званий совершили нападение на городок Гламфорд в Норвегии. У начальника отдела военного планирования при объединенном оперативном штабе² эта операция значилась под названием «Мушкетон». Цель операции заключалась в уничтожении гидроэлектростанции. Выполнив свою миссию, группа должна была пробраться в Швецию, откуда, как предполагалось, ее должны были репатриировать.

11 сентября группа отбыла из Англии на подводной лодке, принадлежавшей силам Свободной Франции, четыре дня спустя высадилась в Норвегии и 20 сентября совершила нападение на электростанцию, причинив значительный ущерб. Все члены группы были в военной форме.

¹ В 1946 году Фалькенхорст за участие в выполнении «приказа о командос» предстал в Брауншвейге перед английским военным трибуналом, заседавшим при участии военного обвинителя, и был признан виновным по восьми предъявленным ему статьям обвинения, в частности в том, что побуждал войска, находившиеся под его командованием, не предоставлять пощады союзным солдатам, морякам и летчикам, принимавшим участие в операциях командос, а убивать их после захвата в плен и способствовал убийству большого числа союзных военнопленных, передавая их службе безопасности (СД) для расстрела. Трибунал приговорил его к смертной казни, но главнокомандующий английскими оккупационными войсками в Германии (тогда им был маршал авиации Шолто Дуглас) заменил этот приговор пожизненным тюремным заключением.

² Бригадир Антони Хед, кавалер ордена Британской империи «Военного креста», ныне военный министр Англии.

После успешного завершения операции, находясь на пути в Швецию, группа подверглась нападению, и все, кроме четверых, были захвачены немецким патрулем. Один из них был ранен и позднее умер; остальные, в том числе два офицера, были доставлены в штаб гестапо в Осло, а оттуда в Германию.

О том, что произошло с ними впоследствии, некоторое время не было точно известно, хотя были получены сведения, что офицеров отправили в Офлаг IV (A) (известный среди английских военнопленных как «лагерь для непослушных»), из которого они исчезли через день. Родители одного из этих офицеров, наведявшие справки через Красный Крест, получили от коменданта Офлага IV (A) сведения, что их сын бежал. Это не соответствовало действительности. О причине такого ответа стало известно лишь впоследствии. Другие пленные в лагере знали этого офицера, и поэтому немцы не могли сослаться на его смерть в бою. Из захваченного немецкого документа ныне известно, что оба офицера были расстреляны СД «за участие в диверсионной операции».

Та же судьба постигла участников «операции Фрешмен», вылетевших в Норвегию в ноябре 1942 г. на двух планерах с целью нападения на гидростанцию в Веморке (Южная Норвегия). Оперативная группа состояла из двух офицеров и 27 военнослужащих других званий. Все они были одеты в военную форму. Ни один из них не возвратился, а в немецкой сводке, опубликованной в то время, было сказано, что «произошел бой с диверсантами, которые были уничтожены». Однако они были уничтожены не в бою. Из-за плохой видимости планеры потеряли друг друга из виду, и один из них потерпел аварию вблизи Эгернсунда. Одиннадцать из находившихся на нем военнослужащих остались в живых, были взяты в плен частями вермахта, доставлены в лагерь и затем расстреляны. Второй планер потерпел катастрофу близ Ставангера, и хотя несколько человек спаслось, все они были взяты в плен и в дальнейшем, после спора между вермахтом и гестапо, расстреляны как диверсанты.

Другая операция командос была предпринята весной 1943 года против судов, находившихся в норвежских портах и прибрежных водах. Группа, участвовавшая в операции, известной как «операция Чекмейт», состояла из одного офицера и шести военнослужащих других званий, одетых в военную форму. Три или четыре недели спустя после того,

как группа покинула берега Англии, она была целиком захвачена в плен и доставлена в тюрьму в Грини. Местопребывание этих людей в течение последующих двух лет так и не установлено, но известно, что в 1945 году всего за несколько недель до капитуляции Германии пятеро были расстреляны в концентрационном лагере в Заксенхаузене и один в Бельзене. Судьба седьмого неизвестна, так как после его пленения о нем ничего не было слышно.

В рейдах на побережье Норвегии участвовали не только английские войска. В 1943 году налет был совершен группой из нескольких норвежских моряков и английского телеграфиста. Все они были в военной форме—походной форме цвета хаки и головных уборах военно-морского образца. У норвежцев на левом рукаве была вышита их эмблема—красный якорь, а у телеграфиста—эмблема английского военно-морского флота: молния. Что произошло с этими людьми, стало известно из заявления бывшего оберштурмфюрера ЗИПО Ганса Бломберга, который позднее был предан суду как военный преступник и приговорен к смертной казни за причастность к их убийству.

В июле 1943 года Бломберг возглавлял ЗИПО в Бергене, и немецкий адмирал фон Шрадер сообщил ему, что германские военно-морские силы захватили близ Бергена норвежский торпедный катер и что часть экипажа, в том числе несколько раненых, взята в плен. Шрадер сообщал, что эти моряки—«пираты, а не солдаты» и что они должны быть расстреляны ЗИПО в соответствии с приказом главнокомандующего. Бломберг выполнил приказ: на следующий день после допроса пленных расстреляли.

Заявление Бломберга заканчивалось следующими словами: «Команда, расстрелявшая пленных, доставила трупы на грузовике в гараж в Кальмарусе и сложила их там. На следующий день они были уложены в гробы и доставлены на борт корабля. Помощником капитана корабля был обервахтмейстер из вассершуцполиций¹ Тидман из Гамбурга. К гробам прикрепили заряды и затем, в соответствии с обычной практикой, взорвали под водой».

Все эти моряки и солдаты были военнослужащими союзных войск, одетые в военную форму; и принимавшие участие в законных военных действиях и как таковые они имели

¹ Буквально—водная полиция. Этот термин употреблялся для обозначения одного из отделов гестапо.

право на защиту Конвенции об обращении с военнопленными 1929 года, обязательной для воюющих сторон.

В сентябре 1944 года несколько групп парашютистов из полка парашютно-десантных войск особого назначения¹ были сброшены в районе Вогез, где они проводили операции по нарушению вражеских железнодорожных коммуникаций в Восточной Франции. Одна такая группа в составе офицера и 10 солдат, скрывавшаяся в деревушке Раонл'Этап, подверглась нападению превосходящих сил и после короткого боя, в котором был ранен офицер, попала в плен.

Захватившая ее часть принадлежала к войскам СС, но по каким-то неизвестным причинам пленные после допроса были переданы вермахту, а не расстреляны в соответствии с «приказом о командос».

Когда об этом стало известно местному командиру СС, он пришел в ярость. Немедленно были приняты меры, чтобы вернуть пленных; через 48 часов это было сделано, и все они были упрятаны в лагерь службы безопасности близ Страсбурга. Через неделю все пленные были доставлены в специально выбранное неподалеку место, где их заставили вырыть себе могилы и затем расстреляли. В 1945 году трупы их были обнаружены английской группой по расследованию военных преступлений и эксгумированы. Каждый из них был убит выстрелом в затылок.

Во время аналогичных случаев большее число бойцов САС в нарушение Конвенции об обращении с военнопленными 1929 года было убито после пленения в бою.

Группа из 32 военнопленных, принадлежавших к 1-му полку САС и одетых в военную форму, была взята в плен в департаменте Вьенна германским 80-м корпусом и доставлена в тюрьму в Пуатье. Там они были допрошены членами ЗИПО под началом некоего д-ра Герольда. Затем были получены инструкции передать пленных СД в соответствии с «приказом о командос». Д-р Герольд, к его чести и к удивлению всех остальных, отказался передать их. Начальник штаба корпуса полковник Кёстлин предостерег Герольда насчет серьезных последствий, которые может повлечь за собой невыполнение приказа, но доктор упорно продолжал отказываться.

Таким образом, судьбу этих пленных должен был решить командир корпуса генерал Курт Галленкамп, и начальнику

¹ В дальнейшем обозначаются — САС.

штаба было приказано расстрелять их, причем одному из офицеров штаба корпуса было поручено проследить за выполнением приказа.

Спустя два дня, на рассвете, лейтенант К. и 29 его бойцов были доставлены на грузовике из Пуатье к месту расстрела. По их прибытии представитель командования корпуса капитан Шёниг заявил офицеру, что он и его солдаты будут расстреляны «по приказу Гитлера». Шёниг добавил при этом, что он стыдится своей формы немецкого офицера, но тем не менее присутствовал до конца расстрела, собрал личные номера пленных и в свое время сообщил Красному Кресту, что все они были убиты в бою¹.

Примерно в это же время другая группа английских парашютистов была сброшена с самолета вблизи объекта в окрестностях Парижа. Все они также были в полной походной военной форме.

Вскоре после приземления парашютисты были окружены германскими частями и, после того как несколько человек было убито, семь членов группы были взяты в плен и доставлены в пользовавшийся мрачной славой штаб гестапо на улице Фош в Париже. Там их подвергли допросу.

В дальнейшем, видимо, возникли сомнения в отношении того, следует ли возвращать их вермахту, захватившему их, или же расправиться с ними в соответствии с «приказом о командос». Поэтому донесение о допросе было послано в РСХА в Берлин наряду с запросом о их дальнейшей судьбе. Поскольку ответа не поступало, было послано два напоминания.

Примерно месяц спустя был получен ответ. В нем говорилось, что военнопленных надлежит расстрелять в 24 часа, причем они должны быть одеты в «гражданскую одежду». На следующий день их заставили переодеться и вывезли на грузовике из штаба гестапо. Всех снабдили бутербро-

¹ Генерал Галленкамп, полковник Кёстлин, капитан Шёниг и другие предстали перед английским военным трибуналом в Германии в 1946 году по обвинению в причастности к убийству этих военнопленных. Все они были признаны виновными. Генерал Галленкамп был приговорен трибуналом к смертной казни через повешение, но приговор был заменен пожизненным тюремным заключением; полковник Кёстлин был приговорен к пожизненному тюремному заключению, а капитан Шёниг — к пяти годам тюремного заключения.

дами и сказали, что они «отправляются в длительную дорогу». Поездка продолжалась четыре часа. Машина остановилась в поле, близ Ноай. Пленным приказали сойти с грузовика и повели их к поляне в ближнем лесу. Конвоиры, вооруженные автоматами, выстроили пленных в ряд, а команда, которая должна была расстрелять их, встала напротив.

Командир немецкого подразделения вынул листок бумаги и, прочтя его, сообщил английским солдатам через переводчика, что они признаны виновными в сотрудничестве с французскими маки и приговорены к смертной казни через расстрел. В действительности же никакого суда не было и, во всяком случае, подобное заключение не соответствовало фактам. Кроме того, английская авиадесантная группа, совершившая законную высадку, была вооружена и одета в военную форму.

О том, что произошло дальше, мы узнаем со слов двух оставшихся в живых солдат. Один из них был чех, служивший в английской армии. «Я открыл наручники ключиком от часов,—рассказал он,—и побежал вниз с пригорка. Пули в меня не попали. Позднее я пробрался во французскую деревню, где прятался в течение нескольких дней, а затем примкнул к французскому движению сопротивления».

Другой спасшийся, рядовой Джонс, рассказал: «Я попытался спастись бегством. Пробежав около 15 ярдов, я упал, потеряв равновесие из-за того, что был закован в наручники. Началась стрельба, но меня не ранило. Через некоторое время я дополз до деревьев и прислонился к одному из них. Я видел распростертые на земле тела четырех моих товарищей, но немцев не было видно. Усиленная стрельба слышалась близ дороги, примерно на расстоянии 150 ярдов. В течение некоторого времени я прятался в лесу. Затем мне удалось пробраться во французскую деревню».

Те, кто нес прямую ответственность за этот расстрел, прекрасно знали, что берлинский приказ, несомненно, был незаконным, ибо он ясно гласил, что пленных надо расстреливать в гражданской одежде, чтобы их могли принять за членов отрядов маки. Кроме того, расстрел произошел в лесу, примерно в четырех часах езды от Парижа, и всем было хорошо известно, что их жертвы были одеты ранее в военную форму английские военнопленные, захваченные в честном бою.

В 1943 году, когда усилилась бомбардировка Германии союзниками, главнокомандующий германскими военно-воздушными силами отдал приказ создавать лагеря для военнопленных в жилых кварталах крупных городов, ибо предполагалось, что жителям тем самым будет обеспечена известная защита. Если бы этот маневр не удался, то можно было бы утешаться сознанием, что с гибелью жителей этих районов гибнут и пленные союзные летчики.

«Из ставки фюрера
3 сентября 1943 г.

Главнокомандующий военно-воздушными силами предлагает создавать лагеря для пленных летчиков в жилых кварталах крупных городов, что одновременно будет служить защитой для населения городов, и все существующие лагеря военнопленных, в которых находится около 8 тысяч английских и американских летчиков, перевести в более крупные города, находящиеся под угрозой вражеских воздушных налетов».

Ясно, что этот приказ противоречил духу статьи 9-й Конвенции об обращении с военнопленными 1929 года, запрещающей использование военнопленных с целью защиты присутствием их некоторых пунктов или районов от бомбардировок.

Кроме того, статья 2 предусматривала, что военнопленные «находятся во власти правительства вражеской страны, но не отдельных лиц или воинских частей, захвативших их в плен. С ними следует всегда обращаться гуманно и защищать их, особенно от актов насилия, оскорблений и любопытства публики. Репрессивные меры против них запрещены».

В явное нарушение этих положений со многими союзными летчиками, выбросившимися с парашютами из поврежденных самолетов над Германией, немецкие жители обращались не как с военнопленными, а подвергали их жестокостям, избивали и убивали их, нередко подстрекаемые и всегда оправдываемые высшими властями.

Герингом, Гиммлером и Кальтенбруннером был проведен ряд важных совещаний, на которых был составлен перечень воздушных операций, представлявших «акты терроризма» в отличие от обычных военных действий. Всякая бомбардировка гражданского населения должна была рас-

смагиваться как терроризм, и было решено, что «следует взять за правило самосуд».

В приказе 10 августа 1943 года, отданном Гиммлером всем высшим должностным лицам, эсэсовским и полицейским офицерам и переданном ими устно своим подчиненным, говорилось: «В задачи полиции не входит вмешиваться в столкновения между немецкими гражданами и английскими и американскими летчиками—участниками террористических налетов, выбросившимися с парашютами».

Население Германии подстрекали расправляться с союзными летчиками сбитых над Германией самолетов. В статье, опубликованной в газете «Фелькишер беобахтер» 29 мая 1944 года, Геббельс писал:

«Только при помощи огнестрельного оружия можем мы защищать жизнь вражеских летчиков, сбитых во время бомбардировок. В противном случае эти люди будут убиты населением, выведенным из терпения.

Кто же прав? Убийцы, которые после своих трусливых злодеяний ожидают гуманного отношения от своих жертв, или жертвы, которые хотят защищаться по принципу: «Око за око, зуб за зуб»? На этот вопрос ответить нетрудно. Нам представляется недопустимым использовать солдат и полицию против немецкого народа, который лишь расправляется с убийцами детей так, как они этого заслуживают».

В мае 1944 года Мартин Борман разослал подобный же циркуляр всем рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам.

Заявив, что английские и американские летчики часто обстреливали на дорогах женщин и детей, он писал:

«Имело место несколько случаев, когда над членами экипажей таких самолетов, выбросившимися с парашютами или совершившими вынужденную посадку, немедленно после их захвата гражданское население, находившееся в состоянии крайнего возмущения, приняло самосуд. Против немецких жителей, принимавших участие в таких инцидентах, не принималось никаких полицейских мер».

По получении этого циркуляра гаулейтер Южной Вестфалии Альберт Гоффман разослал следующие инструкции

всем представителям округов, бургомистрам и полицейским чиновникам своей области:

«Летчиков со сбитых истребителей-бомбардировщиков в принципе не следует защищать от гнева населения. Я предлагаю всем полицейским офицерам отказывать в защите этим бандитам. Власти, действующие вразрез с настроениями населения, будут отвечать передо мной. Все чины полиции и жандармерии должны быть немедленно информированы о моих взглядах».

Гаулейтер Бадена и Эльзаса пресловутый Роберт Вагнер¹ издал приказ по своей «гау» о том, что все союзные летчики, совершившие вынужденную посадку или выбросившиеся с парашютами, должны уничтожаться. Он заявлял, что они причиняют огромные опустошения в Германии, что это бесчеловечная война и что ни с одним захваченным в плен летчиком не следует обращаться как с военнопленным, ибо они не заслуживают никакого милосердия.

Такое подстрекательство не осталось безрезультатным. В 1944 и 1945 годах немецкие жители много раз расправлялись самосудом с союзными летчиками, имевшими право на то, чтобы с ними обращались как с военнопленными, или же их расстреливала полиция или фольксштурм².

Подчиненный Вагнера по фамилии Грюнер в заявлении, сделанном члену американской комиссии по расследованию военных преступлений, показал, что, проезжая через Рейнвейлер, он увидел четырех английских летчиков, спасенных немецкими солдатами, вытащившими их из Рейна. Солдаты отказались расправиться с пленными, и Грюнер, во исполнение приказа Вагнера, решил сам застрелить их. Всех четверых он убил выстрелами в спину из автомата и затем бросил трупы обратно в Рейн.

21 июня 1944 года два бомбардировщика типа «либерейтор» были сбиты близ Мекленбурга. Экипаж обоих самолетов, общим числом 15 человек, остался невредим. Все эти люди были застрелены под обычным предлогом «по-

¹ Роберт Вагнер предстал перед французским постоянным военным трибуналом в Страсбурге в 1946 году и был приговорен к смертной казни за убийства союзных летчиков и за многие другие военные преступления.

² Фольксштурм—вспомогательная военная организация, несколько напоминавшая отряды местной обороны в Англии.

пытки к бегству». Это преступление было подтверждено документом, найденным в архивах штаба Управления 11-го военно-воздушного округа. В нем указывалось, что шесть членов экипажа были застрелены при попытке к бегству, а остальные девять переданы полиции в Варене. Семь из них были застрелены по пути в концентрационный лагерь при попытке к бегству, а два офицера—лейтенанты Х. и Л.—были застрелены позднее, в тот же день, на том же основании.

Одно из наиболее трусливых нападений такого рода совершили альгемайне СС с «Гитлерюгенд».

В феврале 1945 года город Пфорцгейм в Южной Германии подвергся ожесточенной бомбардировке союзников и был сильно разрушен. Имелось много жертв, и большое число жителей, оставшихся без крова, пришлось эвакуировать в расположенный поблизости город Гухенфельд.

Примерно три недели спустя самолет «летающая крепость» с английским экипажем возвращался после налета на Лейпциг и был сбит огнем зенитной артиллерии близ Баден-Бадена. Члены экипажа, состоявшего из 10 офицеров и старшин, выбросились с парашютами и благополучно приземлились. Семь из них были взяты в плен и временно помещены в гражданскую тюрьму в Буле.

На следующее утро их провели по улицам Пфорцгейма, и местные жители издевались над ними; затем их доставили в Гухенфельд, где поместили в котельной, в подвале новой школы. Они уже готовились устроиться на ночь, но не успели лечь, как толпа немцев взломала дверь и ворвалась в подвал. В толпе находился бургомистр, которого притащили прямо со свадьбы.

Стража оставила пленных во власти разъяренной толпы, которая жестоко их избивала, затем выволокла на улицу и потащила на кладбище. По дороге троим летчикам удалось бежать, но один из них—старший лейтенант авиации—был позднее вновь схвачен и посажен под арест в ближайшем полицейском участке. На следующий день его повели мимо толпы немцев, стоявших перед бомбоубежищем. Толпа набросилась на него и превратила его в кровавое месиво. В конце концов его прикончил шестнадцатилетний член «Гитлерюгенд», который, как он выразился, «из жалости выстрелил в голову офицера». Немецкая полиция не приняла никаких мер, чтобы обуздать толпу и не произвела арестов.

Остальные четверо пленных, которым не удалось бежать, были приведены толпой на кладбище и там расстреляны.

«Гитлерюгенд» играла в этом деле главную роль. Один из членов организации писал впоследствии: «Банфюрер¹ произнес краткую речь, от которой наша молодая кровь вскипела, затем он роздал оружие и патроны. Нам сказали, что в здании школы в Гухенфельде находится семь английских летчиков и что мы должны вытащить их оттуда и пристрелить».

Когда толпа ворвалась в подвал, она явно намеревалась убить пленных на месте, и только в результате вмешательства бургомистра летчиков повели на кладбище. Но он заботился вовсе не о летчиках. Он решительно возражал только против их расстрела в подвале школы. «Наши дети всегда будут бояться входить в здание»,—сказал он.

После расстрела летчиков бургомистр вернулся на свадьбу, с которой его так внезапно вытащили в начале вечера.

В ночь с 24 на 25 марта 1944 года из «Шталага Луфт III» в Загане (Силезия) бежало 76 пленных офицеров военно-воздушных сил. Пятнадцать были вскоре пойманы и доставлены обратно в лагерь, троим удалось бежать, восемь были арестованы гестапо, остальные 50 были расстреляны немцами.

Первые сведения об их судьбе были получены 6 апреля, когда исполняющий обязанности коменданта лагеря зачитал старшему английскому офицеру в лагере заявление ОКВ, в котором говорилось, что 41 человек были застрелены, «поскольку некоторые из них оказали сопротивление при аресте, а остальные пытались бежать во время доставки обратно в лагерь». Фамилии не были приведены.

9 дней спустя английскому офицеру вручили список 47 застреленных, а через месяц было сообщено еще три фамилии. В каждом случае приводились одни и те же причины.

Совершенно неверно, что эти люди были застрелены при оказании сопротивления во время их поимки или при вторичной попытке к бегству. Все они были расстреляны гестапо по прямому приказу Гитлера.

¹ Младший офицерский чин в СС

Первой вестью, достигшей внешнего мира, была нота, переданная в июне швейцарскому посланнику в Берлине г-ну Навилю в ответ на запрос, который он сделал в качестве представителя державы, защищающей интересы Англии. В этой ноте говорилось, что 37 пленных английской и 13 не английской национальности, бежавшие из «Шталага Луфт III», были застрелены при оказании сопротивления во время поимки или при вторичной попытке к бегству, и урны с их прахом отправлены в Заган для захоронения.

Однако германская нота не обманула г-на Навиля. В своем ответе он подчеркивал, что кремация является «необычной процедурой, поскольку военнопленных принято хоронить в гробах с военными почестями», и указывал, что если, как утверждают немцы, эти 50 офицеров, пойманные после побега в различных частях Германии, оказали сопротивление или пытались вторично бежать, то возможно, что некоторые из них были ранены, и совсем невероятно, чтобы все они были убиты.

Со стороны немцев было настолько же глупо не подумать об этом изъятие своей версии, насколько разумно было отказаться сообщить державе, защищавшей интересы Англии, как это было принято, подробности подлинных обстоятельств гибели этих офицеров. Предоставим теперь слово самому Кейтелю:

«Однажды утром мне сообщили, что совершен побег и что примерно 15 офицеров были пойманы вблизи лагеря. Я не намеревался сообщать об этом случае на утренней совещании в Берхтесгадене, так как это был третий массовый побег за весьма короткий срок».

Однако Гиммлер опередил его и в присутствии Кейтеля сообщил об инциденте фюреру. Гитлер пришел в ярость и заявил, что пленных после поимки надо оставить в распоряжении СД и не возвращать вермахту. Он приказал Гиммлеру проследить за этим.

После совещания Кейтель послал за начальником отдела ОКВ, в ведении которого находились военнопленные, а также за генералом фон Гревенитцем. Когда они вошли в кабинет Кейтеля, он был возбужден, нервничал и сказал, что Геринг только что отчитал его в присутствии Гитлера за то, что он допустил новый побег пленных. «Надо положить конец этим побегам,—сказал Кейтель.—Мы будем принимать самые суровые меры... Бежавшие будут расстреляны. Быть может, большинства их уже нет в живых».

Генерал фон Гревенитц сразу же запротестовал, заявив, что это невозможно сделать и что Женевская конвенция 1929 года ясно говорит, что побег не является бесчестным поступком. Протест был оставлен без внимания.

Пленные были расстреляны гестапо. После утреннего совещания у Гитлера Гиммлер пустил гестаповскую машину в ход, и Кальтенбруннер разослал приказы соответствующим отделам начать поиски по всей стране¹. Через несколько дней все бежавшие, за исключением трех офицеров, были пойманы, большинство из них в Силезии, некоторым же удалось добраться до Киля и Страсбурга.

Затем приступило к действиям гестапо. Ниже приводится описание расстрела одной из жертв—лейтенанта авиации Х., представленное обвинением на судебном процессе Макса Вилена и семнадцати гестаповцев, привлеченных за участие в этих преступлениях.

Лейтенант авиации Х. достиг Эльзаса, где его захватила КРИПО и передала в штаб гестапо в Страсбурге. В тот момент приказ о расстреле еще не был получен в Страсбурге, но позднее в тот же день из РСХА был получен по телеграфу следующий приказ:

«Гестапо, Страсбург.

Английский военнопленный, переданный гестапо уголовной полицией Страсбурга, по приказу свыше должен быть немедленно вывезен в направлении Бреслау и застрелен в пути при попытке к бегству. Надлежит поручить гробовщику доставить труп в крематорий и там кремировать. Урна должна быть отослана начальнику штаба уголовной полиции РСХА. О содержании данного приказа и о самом деле следует довести до сведения только должностных лиц, непосредственно участвующих в выполнении приказа, и с них должно быть взято обязательство соблюдать особую секретность. О выполнении задания должно быть доложено немедленно. Приказ должен быть тотчас уничтожен».

Было условлено, что лейтенант авиации Х. будет убит на пути в концентрационный лагерь Натцвейлера и что тело будет кремировано там. Пленный был вывезен в автомашине двумя гестаповцами—Дризнером и Хилькером.

¹ Grossfahndung—погоня; буквально—повсеместные поиски.

Третьим был шофер. По дороге Х. разрешили выйти из машины, зайти в лес оправиться, и в то время как Дризнер отвлекал его разговором—Хилькер пристрелил его сзади. Тело было доставлено в Натцвейлер, где коменданту сообщили, что это военнопленный, застреленный при попытке к бегству.

Примерно такая же процедура была применена к другому военнопленному, который имел несчастье быть пойманным всего лишь в полумиле от германо-швейцарской границы.

Так же как и в предыдущем случае, местом кремации был избран Натцвейлер. Перед самым прибытием туда начальник конвоя остановил машину под предлогом, что хочет оправиться, и закованного в наручники пленного спросили, не имеет ли он желания выйти. Он вышел, и его пристрелили так же, как лейтенанта Х.

Еще четыре бежавших офицера были пойманы близ Киля. Принимавший участие в их убийстве агент гестапо в Киле Оскар Шмидт показал следующее: «Однажды утром мой начальник послал за мной и шестью другими—Постом, Каллером, Якобсом, другим Шмидтом, Денкманом и Штруве. Нам приказали выехать на машине во Фленсбург, где мы должны были получить четырех английских пленных офицеров. Мы должны были увести их и в случае малейшей попытки к бегству применить огнестрельное оружие».

Затем им разъяснили, что четыре офицера должны быть «ликвидированы», что невыполнение приказа будет караться смертью и покроет позором семьи и что такая же судьба ожидает всякого, кто разгласит это дело. Приказы были получены от Кальтенбруннера.

Пост был назначен начальником группы, которая прибыла во Фленсбург около полудня и приняла после завтрака четырех офицеров. Руки у них были скованы за спиной наручниками. Их провели к двум машинам, стоявшим наготове во дворе штаба КРИПО. Пост посадил одного офицера к себе в машину, а остальных трех в другую, в которой, кроме шофера, находились Якобс и оба Шмидта.

Метод расстрела, видимо, был выбран в высших сферах, потому что в этом случае, как и при убийствах в Эльзасе и близ швейцарской границы, было условлено, что офицерам в указанном месте пути дадут возможность выйти, чтобы оправиться, и расстрел начнется по сигналу

Оскара Шмидта. Когда вторая машина прибыла на место преступления, машина Поста уже находилась там, и Денкман, стоявший на дороге, дал знак шоферу второй машины остановиться. Затем Оскар Шмидт велел пленным выйти из машины, чтобы опраться. Они вышли, и их повели в поле, а Шмидт шел в нескольких шагах за ними. Что произошло дальше, видно из рассказа Шмидта:

«Когда я был на расстоянии примерно шести шагов от этой группы, один из офицеров неожиданно вскрикнул, и все они разбежались. В то же время раздались выстрелы, офицеры упали и остались лежать ничком. Я увидел Франца Шмидта и Якобса, стоящих непосредственно за офицерами с пистолетами в руках. У меня также был в руке пистолет; он был заряжен и предохранитель спущен... Пост крикнул мне: «Вы не выстрелили, человек жив». В это время один из офицеров приподнялся, и Пост, выхватив винтовку из рук Калера, дважды выстрелил в офицера, припавшего к земле. Я не успел в него выстрелить, так как он бросился на землю, как только раздались первые выстрелы. После того как Пост дважды выстрелил в спину этого офицера, он еще по разу выстрелил из винтовки в голову каждого из офицеров, лежавших на земле, очевидно, уже мертвых. Затем он снял с них наручники. Мне было приказано дожидаться похоронных дрог и затем доставить трупы в крематорий для кремации, что я и сделал».

Спустя примерно три месяца эти немцы узнали от своего начальника, что должна прибыть комиссия Красного Креста для расследования дела. Все они вновь были доставлены на место расстрела, и им было сказано, что если их будут допрашивать, они должны говорить, что офицеры пытались бежать к изгороди, чтобы захватить автомашины, и в это время были застрелены. Им вновь напомнили о печальных последствиях, которые повлечет за собой рассказ любого из них о происшедшем в действительности. Так было хладнокровно убито 50 английских офицеров, и в каждом случае следовало официальное донесение в РСХА о том, что они убиты при попытке к бегству.

Когда стало известно об этом преступлении, цивилизованный мир был потрясен, и в приговоре Международ-

ного Военного Трибунала в Нюрнберге оно было расценено как «явное убийство, совершенное в явное нарушение международного права».

В ноябре 1944 года ОКВ издало инструкции о передаче некоторых категорий военнопленных СД. Декрет «Пуля», как назывались эти предписания, предусматривал передачу ЗИПО и СД следующих категорий военнопленных:

1) Все советские военнопленные, пойманные после побега.

2) Все советские пленные офицеры, отказывающиеся работать.

3) Все советские военнопленные, специально отобранные расквартированными в лагерях для военнопленных отборочными командами СД (эйнзацкоманды).

4) Все военнопленные, содержащиеся в концентрационных лагерях, совершившие преступления, для наказания которых комендант, по его мнению, не располагает надлежащей дисциплинарной властью.

5) Все военнопленные, в отношении которых издан специальный приказ ОКВ.

Вышеперечисленные категории военнопленных передавались гестапо для «специальной обработки». Она состояла в том, что военнопленных лишали их статуса, отправляли в концентрационный лагерь Маутхаузен и убивали выстрелом в затылок.

В Маутхаузене они были известны как пленные «К»¹. Прибыв в лагерь, они не подвергались обычной регистрации, и их фамилии не были известны никому, кроме «поли-тише абтейлунг»².

Их сразу же доставляли в тюремный блок, заставляли раздеться, затем вводили в камеру, которая в целях маскировки называлась баней, в действительности же представляла тюремную камеру возле крематория, специально предназначенную для расстрелов или удушения газом.

Об одном из методов расстрела пленных «К» рассказал французский офицер, сам находившийся в заключении в Маутхаузене: «Расстрел производился с помощью измерительного аппарата. Пленного ставили спиной к верти-

¹ От слова «кугель»—пуля.

² «Политический отдел», ведавший так называемыми «политическими» пленными.

кальной измерительной рейке с автоматическим устройством, которое стреляло в затылок пленного, как только деревянная рейка, отмечавшая рост, касалась макушки его головы».

Иногда их выводили группами в каменоломню в одном белье и расстреливали из пулеметов. В каждом случае изготовлялись свидетельства о смерти, гласившие: «Убит при попытке к бегству».

С самого начала русской кампании было очевидно, что немцы намереваются игнорировать все законы и обычаи войны, касающиеся пленнх.

СССР первоначально не являлся участником Женевской конвенции об обращении с военнопленными, но участвовал в Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Он был также участником Гагской конвенции. На процессе главных военных преступников в Нюрнберге был выдвинут довод, что эта конвенция не распространялась на русскую кампанию, но Международный Трибунал вынес определение, что распространялась.

Еще в конце прошлого века Гагская конвенция установила некоторые правила, касающиеся прав и обязанностей воюющих сторон в отношении военнопленнх; высокие договаривающиеся стороны заявили в этой конвенции, что «в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания... Договаривающиеся Державы дадут своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к настоящей конвенции Положением о законах и обычаях сухопутной войны».

В приложенном к конвенции Положении имеются следующие статьи:

Статья 3. Вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленнх.

Статья 4. Военнопленнх находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц

или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво.

Статья 6. Государство может привлекать военнопленных к работам, сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям.

Статья 7. Содержание военнопленных возлагается на правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими сторонами не заключено особого соглашения, то военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен.

Статья 23. Воспрещается убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался.

С начала войны с Россией Германия, по крайней мере, была связана международным обязательством рассматривать всех взятых в плен военнослужащих вооруженных сил, сражающихся или несражающихся, как военнопленных; относиться к ним во время их пребывания в плену человеколюбиво; обеспечивать их надлежащим помещением, одеждой и пищей; не принуждать их к слишком обременительным работам и не использовать их на работах, связанных с военными действиями. Неприятеля нельзя лишать крова и нельзя убивать после сдачи в плен. Это было хорошо известно каждому немецкому солдату, ибо среди «десяти заповедей», напечатанных в его расчетной книжке, имелась и такая: «Не убивай сдавшегося неприятеля».

В новом издании германского пехотного устава, которое вышло в свет 1 августа 1939 года, ровно за месяц до вторжения в Польшу, были приведены многие из упомянутых выше положений; но с момента нападения на Россию немцы открыто нарушали эти положения, и зверства над беззащитными пленными напоминали средневековое варварство. Они обращались с пленными с крайней жестокостью: морили их голодом; держали под открытым небом на всем протяжении долгой, суровой зимы в России; убивали их непосильной работой; использовали тысячи пленных на работах, непосредственно связанных с военными действиями, часто под артиллерийским обстрелом против-

ника; расстреливали всех политических комиссаров и политруков, взятых в плен.

Все эти нарушения международного права были запланированы еще до начала кампании. Перед нападением на Россию Гитлер заявил своим генералам, что в новой войне будут применяться особые методы и что, поскольку русские не подписали Конвенции об обращении с военнопленными, в отношении них нет надобности соблюдать ее положения.

За несколько месяцев до начала вторжения генерал-лейтенант Рейнеке, возглавлявший Управление ОКВ по делам военнопленных, отдал приказ соответствующим властям, что если не удастся в срок создать «лагери с крытыми бараками», то для русских военнопленных следует устраивать лагеря под открытым небом, огороженные только колючей проволокой, и дал инструкции всем ответственным за охрану пленных стрелять «без предупреждения» в тех, кто попытается совершить побег.

Главнокомандующий германскими вооруженными силами в брошюре «О поведении войск на Востоке», изданной до начала вторжения, писал, что снабжение русских военнопленных питанием является «ложной гуманностью».

Наконец, в высших сферах было решено, что политические комиссары Красной Армии не будут рассматриваться как военнопленные или эвакуироваться в тыловые районы. Их надлежит «ликвидировать» самое позднее в транзитных лагерях для военнопленных.

Только одно видное лицо во всей Германии выступило с протестом против этих решений—это был адмирал Канарис. Он писал на имя ОКВ:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они постепенно устанавливались на основе, что пребывание в военном плену не является ни мезтью, ни наказанием, а исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии

с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно отличной точке зрения.

Этот слабый голос остался неуслышанным и не возымел действия, ибо Кейтель, которому был представлен меморандум, содержащий протест, попросту написал на документе следующую резолюцию: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Я одобряю и поддерживаю эти меры».

В марте 1941 года, за три месяца до вторжения Гитлера в Россию, он провел совещание в рейхсканцелярии в Берлине, на котором в общих чертах изложил присутствовавшим видным военным, включая фельдмаршала Кейтеля и фон Лееба и генералов Гальдера, фон Манштейна и Хоппнера, свою идею новой войны против России, ее цель и методы, при помощи которых она будет вестись. Это будет идеологическая война, заявил он им, война с целью уничтожения «азиатского варварского большевизма». Таким образом, она будет отличаться от войны на Западе и в ней будут неуместны рыцарство и военная честь. Большевизм в Красной Армии, сказал он, поддерживается политическими комиссарами, находящимися во всех советских воинских соединениях. Поэтому они должны быть ликвидированы. Комиссары, утверждал Гитлер, будут сражаться нечестно и не будут подлежать юрисдикции какого-либо военного суда.

Таким образом, за три месяца до начала войны с Россией Гитлер обрек на смерть всех советских политических комиссаров.

В 1941 году при каждом соединении и во всех крупных подразделениях Красной Армии находились политические комиссары в чине офицера. Среди рядовых такие же функции выполняли политруки¹.

Обе категории лиц были военнослужащие русских вооруженных сил и имели право в случае сдачи в плен пользоваться статусом военнопленных.

В июле ОКВ издало «Директиву об обращении с политическими комиссарами».

¹ Так в тексте.—Прим. ред.

Преамбула директивы начиналась с пророчества, что политические комиссары будут воевать нечестно и будут жестоко обращаться с немецкими военнопленными. В ней указывалось, что с комиссарами не следует обращаться как с солдатами и что они не пользуются защитой международного права. «Поэтому к ним надлежит немедленно применять самые жестокие меры без всяких церемоний. Так, при захвате в плен, если они будут оказывать сопротивление, их следует тут же ликвидировать».

В приказе далее указывалось, что все политические комиссары имеют особую эмблему на рукаве военной формы, что их следует отделять от других военнопленных сразу же после взятия в плен и затем «их надо уничтожать». При решении вопроса о том, виновно или невиновно лицо, в котором подозревают комиссара, «личные впечатления и поведение комиссаров в принципе будут считаться более важными, чем обстоятельства дела, которые могут быть недоказуемы». Если комиссаров захватывали в тыловых районах, то их передавали зондеркомандам СД¹ и их судьба решалась немедленно.

Этот приказ, изданный Кейтелем по инструкциям фюрера, был объявлен по германской армии за подписью и с вступлением главнокомандующего фельдмаршала фон Браухича, в котором говорилось, что ликвидация политических комиссаров должна осуществляться по приказу офицера после их отбора вне района боев, причем незаметно.

Таким образом, эта директива была распространена по всей германской армии. Никто—от генералов, отдавших ее своим войскам, и до младших офицеров, которым предстояло выполнять ее,—не мог питать ни малейшего сомнения в преступности этой директивы. Но Гитлера не беспокоило, понимают они это или нет. Он сказал однажды, что вовсе не ждет от офицерского корпуса понимания его приказов, а только требует их безоговорочного выполнения.

Приказ о комиссарах был осужден, как незаконный, несколькими трибуналами, рассматривавшими дела военных преступников, в том числе Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге, который в приговоре назвал его «систематическим планом совершения убийств», каковым он и являлся. Во исполнение этого приказа убийство комис-

¹ Отряды особого назначения службы безопасности

саров происходило в течение всей русской кампании на всем фронте.

В первые три месяца кампании эти инструкции выполнялись с такой точностью, что в конце сентября 1941 года один немецкий генерал заявил протест ОКВ, мотивируя его тем, что выполнение их препятствует наступлению.

Знаменательно, что этот протест, так же как протест генерала фон Фалькенгаузена в Бельгии против расстрела заложников¹, был заявлен не потому, что приказ был сочтен бесчеловечным или нарушающим законы войны, а просто по соображениям целесообразности.

К этому времени в Красной Армии стало известно, что политические комиссары, взятые в плен, не пользуются правами военнопленных. Зная об этом, они имели все причины побуждать солдат сражаться до последней капли крови. Спротивление русских соответственно усилилось, продвижение немецких войск замедлилось и потери немцев возросли. Приказ о комиссарах был по меньшей мере близоруким, но Гитлер не желал отменять его, и бойня продолжалась.

Имеются данные, доказывающие что 11-я германская армия с сентября 1941 года, когда командование принял фельдмаршал фон Манштейн, и до ноября 1942 года, когда он ушел с этого поста, в исполнение этого приказа «ликвидировала» большое число комиссаров.

Этот генерал, очевидно, не направил ни одного письменного протеста против приказа, хотя признался, что по получении его был крайне возмущен, ибо, по его мнению, приказ противоречил всем военным традициям.

Однако на суде фон Манштейн заявил, что его заботила не незаконность этого приказа, а лишь честь его войск и что он обратился к фельдмаршалу фон Леебу, в то время главнокомандующему армейской группой, и сказал, что не может выполнять этот приказ. Лееб, повидимому, разделял взгляды фон Манштейна.

В Международном Военном Трибунале в Нюрнберге, давая показания относительно приказа о комиссарах, фельдмаршал заявил:

«Впервые у меня возник конфликт между воинским понятием о чести и долгом повиновения... Практически приказ не выполнялся. Мои дивизионные командиры, уже полу-

¹ См. главу IV.

чившие этот приказ помимо меня перед отгравкой из Германии, разделяли мою точку зрения. Солдатам этот приказ очень не нравился».

Каким образом солдаты узнали о нем? Когда приказ был издан, то подлежал распространению только среди высшего командования до главнокомандующих армиями и военно-воздушными частями и должен был передаваться нижестоящим инстанциям устно. Напрашивается вывод, что содержание его могло стать солдатам известно лишь через посредство офицеров.

Остается фактом — и имеются подтверждающие данные, — что немецкие армии умертвили в России большое число комиссаров во время наступления в 1941 и 1942 годах и что число жертв начало уменьшаться лишь позднее, когда нацисты отступали и когда комиссары были уже не преследуемыми, а преследователями.

Статья 6 Положения Гаагской конвенции предусматривает, что государство, во власти которого находятся военнопленные, захваченные его войсками, может привлекать их к работам сообразно их чину и способностям, за исключением офицеров. Работы не должны быть слишком обременительными и «не должны иметь никакого отношения к военным действиям».

Толкование понятия «запрещенные работы» представляет некоторые трудности. Согласно соответствующей статье Положения Гаагской конвенции, запрет распространяется не только на опасные работы. Запрещение опасных работ косвенно вытекает из положения о необходимости человеколюбивого отношения, но об этом специально не упоминается.

В статье 6 формулировка «никакого отношения к военным действиям» настолько всеобъемлюща, что в условиях современных войн, когда почти все людские ресурсы государства мобилизуются для удовлетворения военных нужд, трудно было бы назвать какие-либо работы, которые можно считать не имеющими отношения к военным действиям.

Однако статья 31 Женевской конвенции 1929 года, не обязательная для Германии в войне с Россией, предусматривала, что работы, выполняемые военнопленными, не должны иметь прямого отношения к военным действиям. Невозможно установить точно критерий того, имеют ли работы прямое

или косвенное отношение к военным действиям. Но не вызывает никаких или почти никаких сомнений то, что строительство укреплений в зоне военных действий имеет прямое отношение к военным действиям и что очистка минных полей сопряжена с определенной опасностью.

На процессе членов верховного командования¹ Трибунал расценил использование военнопленных боевыми частями в районах боев на строительстве полевых укреплений как «использование на опасных работах в условиях современной войны» и далее констатировал, что привлечение пленных к таким работам, а также к расчистке минных полей безусловно запрещается международным правом и представляет собой военное преступление.

В ноябре 1941 года германское верховное командование издало директиву всем армейским группам и армиям в России по вопросу о «батальонах всеннопленных».

В директиве, в частности, говорилось:

«Нужды военной экономики требуют, чтобы немцев, по возможности, использовали только в тех случаях, когда их нельзя заменить иностранцами или военнопленными. Ряд обязанностей в армии и на поле боя, которые до сих пор отвлекали много немецких солдат, могут выполняться военнопленными, если они будут строго и эффективно включены в рамки всенной организации. Посему верховное командование будет создавать батальоны всеннопленных».

Эта директива выполнялась всеми подчиненными верховному командованию соединениями на русском фронте, издававшими на основании ее приказы.

Еще до получения директивы ОКВ нижестоящие командиры издавали приказы о создании трудовых рот. По этому вопросу командованием 11-й армии была разослана дирек-

¹ Генерал-фельдмаршал фон Лееб и 13 других бывших высокопоставленных офицеров германской армии и военно-морского флота были судимы американским военным трибуналом в Нюрнберге с 30 декабря 1947 года по 28 октября 1948 года. Им были предъявлены обвинения в участии в многочисленных преступлениях по отношению к военнопленным и гражданскому населению оккупированных территорий. Один из обвиняемых, генерал-полковник Бласковиц, покончил с собой в тюрьме 5 февраля 1948 года. Двое были оправданы, 11 осуждены за военные преступления и преступления против человечности и приговорены к различным срокам тюремного заключения—от двух лет и до пожизненного.

тива за подписью начальника штаба Велера. В ней указывалось, что пленные представляют собой ценную рабочую силу, и предусматривалось создание трудовых рот, чтобы пленных можно было быстрее использовать «для военных нужд войск в зоне военных действий».

Пленных из лагерей перебрасывали в артиллерийские, саперные части и подразделения связи для использования на передовой линии. Пехотные полки имели право оставлять у себя из числа захваченных пленных нужных им для работ на передовой линии. Ездовые на повозках, доставляющих продовольствие, и на машинах, подвозящих боеприпасы, были заменены советскими пленными и отправлены в боевые части.

Все это явно противоречило положению Гаагской конвенции, но с самого начала кампании германское верховное командование явно намеревалось использовать русских военнопленных в нарушение законов войны. В июле 1941 года ОКВ издало приказ, что некоторые категории пленных не должны эвакуироваться в Германию, а должны использоваться на театре военных действий, и директива 11-й армии от 3 августа 1941 года, цитированная выше, представляла собой претворение в жизнь этого решения.

Уже через месяц 43 тысячи таких военнопленных использовались службой снабжения на передовой линии и 13 тысяч—на строительстве оборонительных сооружений. Эти работы как в зоне военных действий, так и в тылу армии носили явно военный характер. Военнопленные подвозили материалы, снаряжение и боеприпасы войскам на передовой линии и работали на строительстве оборонительных укреплений. Сами немцы заявляли, что эта работа имеет «величайшее значение для ведения военных действий».

Нет сомнения, что такая политика проводилась систематически. В журналах боевых действий германских воинских частей, как крупных, так и мелких, имеются записи об использовании большого числа военнопленных на строительстве укреплений на всем протяжении 1942—1943 годов.

Но этим дело не ограничивалось. Пленных широко использовали по расчистке минных полей. Приказ, изданный германским 30-м корпусом в связи с директивой ОКВ, гласил: «Делается упор на решение главнокомандующего, чтобы в целях сохранения германской крови поиски мин и расчистка минных полей производились только русскими пленными, за исключением случаев, обусловленных харак-

тером военных действий или непосредственной опасностью. Это положение относится также и к поискам немецких мин и расчистке немецких минных полей. Для этой цели будут формироваться специально части военнопленных».

Еще более недопустимым было использование пленных в качестве проводников, которые должны были идти впереди наступающих немецких войск через вражеские минные поля. Если бы их использовали в подобных случаях только для того, чтобы провести немецких солдат через известные им проходы в минных полях, то это едва ли подлежало бы критике, хотя формально являлось бы нарушением Положения Гаагской конвенции. Однако они использовались не с этой целью, а в качестве людского заслона, для того чтобы взрывать и обезвреживать мины для наступающих немцев. Приказы, касающиеся отбора и использования пленных для взрыва мин, предписывали внимательно следить за ними, чтобы они «не обходили мин, делая слишком большие шаги».

Было расследовано и подтверждено множество примеров жестокого обращения с русскими военнопленными. Некоторых пытали раскаленным железом, выкалывали глаза, вспарывали животы, отрезали ноги, руки, пальцы, уши и носы—зверства, которые были бы еще понятны среди дикарей «мау-мау», но никак не среди носителей германской культуры.

После отступления немцев за Днепр были обнаружены трупы одного русского командира батальона и его комиссара. Их руки и ноги были пригвождены к кольям, а на теле у них были вырезаны, очевидно ножами, пятиконечные звезды; неподалеку был найден труп русского солдата с обгоревшими ногами и отрезанными ушами.

Захваченные в плен медицинские сестры и санитарки часто подвергались насилиям и надругательствам. Большое число раненых близ Смоленска русских пленных, ожидавших медицинской помощи, было заколото штыками или расстреляно.

Зимой немецкие солдаты и офицеры обычно снимали с пленных, в том числе и с женщин, всю теплую одежду, а мертвых раздевали даже догола.

В деревне Поповка Тульской области немецкие солдаты, загнав 140 пленных красноармейцев в сарай, подожгли его,

а неподалеку от Ленинграда немцы, отступая, расстреляли разрывными пулями после побоев и пыток 150 советских военнопленных. Трупы они потом изуродовали.

В декабре 1941 года, опять-таки близ Смоленска, немцы расстреляли за Кондровом 200 военнопленных, которых они провели через город раздетыми и разутыми, расстреливая на месте обессиленных, не могущих идти дальше, и местных жителей, выносивших им хлеб.

Были также отданы приказы клеймить пленных. «Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого постоянного знака. Клеймо имеет форму острого угла, примерно в 45 градусов, с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием книзу, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь».

Невозможно описать условия в немецких лагерях в России для военнопленных. Заключенных в лагерях убивали тысячами. Больные никогда не получали медицинской помощи. В одном лагере под Смоленском от голода, тифа, дизентерии и мороза ежедневно погибало 200 человек. На смоленской городской электростанции заставляли работать истощенных больных пленных, а тех, кто падал, изнуренный голодом, стража тут же пристреливала. Лагерный госпиталь представлял собой настоящую бойню. Врач, работавший там в начале 1942 года, в разгар русской зимы, рассказал, что помещение не отапливалось, раненые лежали на полу без перевязок, одежда и подстилка у них были перепачканы гноем и испражнениями.

Один лагерь для военнопленных был размещен в Орле, в здании тюрьмы. Когда немцы отступили, часть медицинского персонала лагеря дала показания врачебной комиссии. Питание пленных состояло из 200 граммов хлеба и литра супа из гнилых соевых бобов и заплесневелой муки. К муке, из которой выпекался хлеб, примешивались опилки. Дневной рацион содержал максимум 700 калорий.

При таком питании пленные должны были работать по 11—12 часов в день. Они, конечно, не в состоянии были выдержать, и многие из них умирали просто от физического истощения. Сотни пленных в этом лагере страдали отеками, вызванными исключительно голодом, но ставить подобный диагноз в лагере не разрешалось. Отеки всегда относили за счет сердечных или почечных явлений, и самое упоминание о «голодных отеках» запрещалось.

Полностью отсутствовали топливо и свежая вода, лагерь кишел вшами. Смертность приняла массовый характер, и от одного только недоедания погибло, по меньшей мере, 3 тысячи человек. Ежедневно умирало человек 6, и живые спали рядом с мертвыми.

Не лучше было положение и в других лагерях, ибо в первые месяцы кампании германское верховное командование не заботилось о том, выживут или умрут русские военнопленные. Лишь позднее, когда оно осознало их значение как подневольной рабочей силы, стали прилагать больше усилий для сохранения их в живых.

Минимальная норма на 28 дней, установленная ОКВ для военнопленного, не была чрезмерной. Она состояла из 6 килограммов хлеба, 400 граммов мяса, 400 граммов жиров и 600 граммов сахара. Для пленных, занятых на особо тяжелых работах, норма была несколько выше.

Пленных лишали также одежды. В изданном одной германской дивизией приказе «Положение об обмундировании» предлагалось, не задумываясь, снимать с русских пленных годные сапоги. Неудивительно, что полуголодные, лишенные одежды, оставленные под открытым небом в жестокую стужу зимой 1941/42 года, пленные умирали как мухи.

Но они погибали не только от голода, плохого обращения и отсутствия крова. 24 июля 1941 года, спустя месяц после вторжения гитлеровских армий на советскую территорию, германское верховное командование издало основной приказ об обращении с русскими военнопленными на театре военных действий. Приказ касался отбора, деления на группы и решения их судьбы. Военнопленных надлежало делить на пять категорий. Одна из них характеризовалась как «элементы политически нетерпимые: подозрительные лица, комиссары и агитаторы». С ними следовало поступать в соответствии с «особыми инструкциями». Это означало, что зондеркоманды, гестапо и СД, прикомандированные к каждому лагерю для военнопленных, отбирали указанные «политически нетерпимые элементы». Согласно формулировке самого приказа, эти части СД должны были действовать «возможно менее заметно» и ликвидация пленных должна была производиться безотлагательно на таком расстоянии от транзитных лагерей и деревень, чтобы об этом не стало известно другим военнопленным или гражданскому населению.

Таковы были инструкции; но практически почти всех военнопленных посылали в концентрационные лагеря. В последнее путешествие их отправляли в битком набитых, закрытых вагонах, как убойный скот, часто без всякой пищи и воды; вагоны не открывались по 3—4 дня.

Однажды, когда эшелон с военнопленными, состоявший из 50 вагонов, прибыл к месту назначения и вагоны открыли, на далекое расстояние разнесся трупный запах; половина пленнх была мертва; многие были при смерти; те немногие, которые еще имели силы броситься к воде, были пристрелены охраной. В другом случае, когда эшелон с пленными, в котором было 30 вагонов, прибыл к месту назначения, было обнаружено, что в нем не осталось ни одного живого человека,—из эшелона было выгружено 1500 трупов.

Глава III

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТКРЫТОМ МОРЕ

К началу войны между Англией и Германией в 1939 году более чем трехсотлетней практикой было установлено, что вражеское торговое судно может быть захвачено военным кораблем другой воюющей стороны и доставлено в порт, чтобы призовой суд мог при соответствующих обстоятельствах вынести решение о судне и его грузе.

Таким же образом можно было остановить нейтральное судно и обыскать его с целью обнаружения контрабанды. При обнаружении контрабанды судно подлежало захвату и конфискации призовым судом.

Международной практикой, равносильной обычаю войны, было также установлено, что, за исключением судов, плавающих в заранее объявленных «зонах военных действий», уничтожение судна допускалось только после захвата, если не было вооруженного сопротивления осмотру и обыску.

Считалось, что суда, плавающие под конвоем, оказывают вооруженное сопротивление осмотру и обыску военными кораблями противника. Поэтому их разрешалось топить тотчас по обнаружении. Однако торговое судно, идущее без конвоя, воспрещалось топить без предупреждения и требования остановки с целью осмотра и обыска.

Этот твердо установившийся принцип международного морского права подвергался столь частым нарушениям во время первой мировой войны, что его подтверждение было сочтено чрезвычайно желательным. Это было сделано в статье 22 Лондонского договора о морских вооружениях 1930 года между США, Великобританией, Францией, Италией и Японией¹.

¹ Краткое изложение правовых принципов, касающихся топления вражеских торговых судов во время войны, представ-

Статья 22 гласила:

«1) В своих действиях по отношению к торговым судам подводные лодки должны сообразовываться с правилами международного права, которыми руководствуются надводные военные корабли.

2) В частности, за исключением случая упорного отказа остановиться после надлежаще сделанного предложения об остановке или в случае действительного сопротивления осмотру или обыску, военный корабль, надводный или подводный, может потопить торговое судно или лишить его возможности плавания лишь в том случае, если он предварительно доставит пассажиров, экипаж и судовые бумаги в безопасное место. В этой связи судовые шлюпки рассматриваются как безопасное место лишь в том случае, если при существующем состоянии моря и при существующих условиях погоды, ввиду близости земли или присутствия другого судна, имеющего возможность принять пассажиров и экипаж, обеспечена их безопасность».

Эти правила были ясны и недвусмысленны. Не могло быть никакого веского предлога для непонимания их. Тем не менее через несколько часов после начала второй мировой войны стало ясно, что немцы намерены их целиком игнорировать, ибо вечером 3 сентября 1939 года идущий в Америку пароход «Атения» был потоплен германской подводной лодкой, причем погибло около 100 человек.

Газета нацистской партии «Фелькишер беобахтер» вышла 23 октября 1939 года с кричащим заголовком: «Атению» потопил Черчилль».

Под фотографией судна можно было прочесть следующее:

«На помещенном выше снимке вы видите гордую «Атению», океанского гиганта, потопленного в результате преступления Черчилля. Ясно видна большая радиустановка на борту судна. Однако никто не слышал сигнала бедствия с «Атении». Почему же судно молчало? Потому что его капитану было запрещено сообщать что бы то ни было. Он весьма осмотрительно воздержался сообщить всему миру, что Уинстон Черчилль пытался

ляет собой пересказ меморандума английского министерства иностранных дел от 8 октября 1940 года.

потопить судно с помощью бомбы замедленного действия. Капитану это было хорошо известно, но он должен был хранить молчание. Погибло бы почти 1500 человек, если бы первоначальный план Черчилля осуществился. Да, он всей душой надеялся, что находившиеся на судне 100 американцев погибнут в волнах и что гнев обманутого им американского народа будет направлен против Германии как против предполагаемого виновника. К счастью, большинство пассажиров избегло судьбы, уготованной им Черчиллем. На нашем снимке справа показаны два раненых пассажира. Они были спасены грузовым судном «Сити оф Флинт» и, как вы видите, переданы на американское судно береговой охраны «Гибб» для оказания им дальнейшей медицинской помощи. Они—немая улика против преступника Черчилля. Как они, так и тени погибших призывают его на суд всего мира и вопрошают английский народ: «Как долго один из славнейших в истории Великобритании постов будет занимать убийца?»

Какой обман, какая бравада со стороны нации, которой позднее пришлось отвечать перед судом истории за 12 миллионов убийств!

В действительности все обстояло иначе. Пароход «Атениа» был торпедирован поздно вечером 3 сентября 1939 года германской подводной лодкой «U-30» под командованием обер-лейтенанта Лемпа, позднее убитого на войне. Не было сделано ни одного предупредительного выстрела. Лодка поднялась на поверхность только с наступлением темноты. Одного из членов экипажа, свидетеля потопления, заставили подписать под присягой обязательство, что он «изгладит из своей памяти все события этого дня».

Как только стало известно о потоплении, со стороны адмирала Редера и германского адмиралтейства последовало официальное опровержение, в котором отрицалось местонахождение какой-либо из германских подводных лодок в данном районе в момент нападения.

В середине сентября 1939 года адмиралы Редер и Дениц уже знали со слов самого Лемпа о потоплении «Атениии». Затем была сделана попытка создать впечатление, что командир подводной лодки ошибочно принял «Атениию» за патрулирующее вооруженное судно. Дениц заявил, что он приказал всем офицерам подводного флота зорко следить за

появлением таких судов, но не сообщил им, какого типа суда могут быть использованы для несения такой службы, и не назвал конкретно ни одного судна.

В высшей степени невероятно, что есть хотя бы доля истины в утверждении, что лодка «U-30» потопила «Атению», приняв ее за вспомогательный крейсер. Приказом от 22 сентября 1939 года было установлено, что во всех случаях «потопление торгового судна должно быть оправдано в журнале военных действий тем, что оно было ошибочно принято за военный корабль или вспомогательный крейсер». Эта директива была дана за 5 дней до возвращения лодки «U-30» на базу в Вильгельмсхафен. Отсюда видно, что Дениц явно имел в виду такое оправдание по меньшей мере за 5 дней до того, как получил возможность опросить Лемпа о данном инциденте.

Примечательно также, что командир не был подвергнут дисциплинарному взысканию: ОКМ—командование военно-морского флота «нашло, что военно-полевой суд не нужен, поскольку капитан действовал добросовестно». Во всяком случае, сам Дениц считал, что военно-полевой суд может лишь оправдать Лемпа, но это «повлечет за собой излишнюю огласку и потерю времени».

В журнале боевых действий, который вел командующий подводным флотом, за день 27 сентября 1939 года записано: «Возвратилась «U-30». Она потопила пароход «Блэрлоджис» и пароход «Фанац». Кроме того, судовой журнал лодки «U-30» был фальсифицирован. Первая страница журнала была вырвана и вместо нее вклеена другая. Подделка была не столь тщательной, как можно было ожидать при немецкой аккуратности. В то время как на подлинных страницах журнала все даты были вписаны римскими цифрами, на первой, подделанной странице цифры были арабскими. На этой странице было опущено всякое упоминание о потоплении парохода «Атения».

«Атения» была потоплена менее чем через 12 часов после начала войны между Германией и Великобританией. Не теряя времени, Германия дала понять всему миру свое намерение игнорировать протокол 1936 года¹ и вернуться к своим пиратским обычаям первой мировой войны.

¹ После истечения срока лондонского договора о морских вооружениях 31 декабря 1936 года, статья 22 оставалась обязывающей для участников договора в силу статьи 23. Тем не менее 6 ноября 1936 года США и Великобритания (включая доминионы и Индию)

Худшее, однако, было впереди.

В начале войны Дениц командовал подводным флотом германских военно-морских сил. Подводные лодки были основным оружием флота. В ходе войны германские подводные лодки потопили союзнические и нейтральные суда водоизмещением в миллионы тонн.

Нельзя было ожидать, что руководимые Деницем командиры подводных лодок будут проявлять чрезмерную щепетильность в методах ведения подводной войны. Дениц был рьяным нацистом. В «Журнале германского военно-морского флота» за 1944 год он был охарактеризован как постоянный «руководитель и вдохновитель всех подчиненных ему сил». Его публичные высказывания доказывают его фанатизм, такие же убеждения он внушал своим подчиненным. Это видно из политики беспощадной и неограниченной подводной войны, проводимой ими в течение всей войны.

Подготовленный адмиралом Редером и германским военно-морским штабом в октябре 1939 года меморандум под названием «Возможности будущей войны на море» ясно определял курс морской стратегии. После заявления, что против английских морских коммуникаций должны применяться самые беспощадные методы и что желательнее основывать все принятые меры на существующем международном праве, в этом документе указывалось, что любые другие меры, которые «считаются необходимыми с военной точки зрения, при условии, что они могут принести решающий успех, должны быть приняты, даже если они не предусмотрены существующим международным правом. Поэтому в принципе сопротивление противника должно быть обосновано каким-то юридическим понятием, даже если это приведет к созданию нового кодекса войны на море». Снова цель явно должна была оправдывать средства.

Подводная война против союзнических и нейтральных торговых судов велась по безжалостному образцу, установленному адмиралом Редером. Немцы с самого начала войны топили без предупреждения торговые суда воюющих и нейтральных стран и, за редкими исключениями, не делали попыток спасти пассажиров или экипаж. На более позднем этапе войны, когда вступила в силу система объявления

подписали в Лондоне протокол, дословно включавший статью 22. Была предусмотрена возможность присоединения других государств. Германия присоединилась в 1936 году, а Советская Россия — в 1937 году.

опасных оперативных зон, атаки подводных лодок без предупреждения все еще продолжались и за пределами этих зон.

Первое потопление без предупреждения нейтрального торгового судна германской подводной лодкой произошло 30 сентября 1939 года, когда был торпедирован датский пароход «Вендиа», направлявшийся с грузом балласта к устью Клайда. Подводная лодка сделала для проформы два предупредительных выстрела, но почти немедленно за ними была выпущена торпеда, которая потопила пароход, хотя капитан последнего уже сигнализировал о подчинении приказу подводной лодки об обыске.

К концу ноября потопление нейтральных судов при подобных же обстоятельствах стало широко распространенным явлением. 12 ноября германская подводная лодка потопила в Северном море норвежское судно «Арне Кьоде». Никакого предупреждения сделано не было. Это был танкер, направлявшийся из одного нейтрального порта в другой. Капитан и четыре человека команды были подобраны другим судном, после того как они провели много часов в открытых шлюпках. Сам командир подводной лодки не сделал попыток к спасению экипажа норвежского судна.

В январе 1941 года Гитлер объявил, что любое судно, «которое появится перед нашими торпедными аппаратами», будет торпедировано независимо от того, идет ли оно под конвоем или нет. Угрозы, предшествовавшие заявлению, давали основание полагать, что они предназначались главным образом для американцев. Заявление вызвало значительное осуждение по ту сторону Атлантического океана; и немцы стали утверждать, что приказ касался только судов, которые вступят в «зону военных действий».

Однако и судно, находившееся за пределами такой зоны, не было гарантировано от незаконного нападения, как доказало потопление «Сити оф Бенарес» 17 сентября 1940 года. Это был пассажирский пароход водоизмещением в 11 тысяч тонн. На нем находился 191 пассажир, в том числе около 100 детей. Судно было потоплено без предупреждения за пределами «военной зоны», причем погибло 258¹ пассажиров, в том числе 77 детей. Нападение было совершено при ужасной погоде. Наблюдалось сильное волнение, налетали шквалы дождя и града. Судно было торпедировано примерно в 10 часов вечера. В смятении, вызванном темно-

¹ Так в тексте.—Прим. перев.

той и бурей, при спуске четыре шлюпки опрокинулись, другие позднее захлестнуло сильными волнами. Много детей умерло позднее от простуды.

В течение первой зимы росло число ни в чем не повинных жертв германской беспощадности. Члены экипажей и пассажиры дрейфовали по многу дней в открытых шлюпках среди бурь Атлантики или цеплялись за обломки, пока не шли ко дну, когда их закоченелые пальцы не могли уже больше держаться; подводные лодки расстреливали из пулеметов моряков во время спуска шлюпок или когда шлюпки беспомощно дрейфовали в море, покрытом масляными пятнами.

Был ли это безжалостный новый кодекс войны на море, «рожденный военной необходимостью», о котором адмирал Редер упомянул в своем меморандуме 1939 года? Те, кто мог припомнить мрачные дни 1917 года, знали, что все это отнюдь не новость.

Торпедирование английского парохода «Шиф Мид» 27 мая 1940 года, когда погиб 31 член экипажа, характерно черствым, безжалостным отношением командира подводной лодки к морякам, цеплявшимся после потопления судна за рангоут и перевернутые шлюпки.

Командиром был капитан-лейтенант Охрн, а его лодка носила номер «U-37». Главный механик «Шиф Мид» так описал командира подводной лодки: «Молодой, около 28 лет, хорошо сложен. У него светлые волосы и довольно красивое лицо. Он хорошо говорил по-английски своим очень низким голосом». Из следующей записи за соответствующее число в дневнике¹ этого молодого человека видно, что он как будто был очень доволен собой.

«27 мая

1252 Замечен пароход, идущий в западном направлении, водоизмещением в 5 тысяч тонн. Скорость 10 узлов. Начал преследование.

1444 Лодка находится сейчас впереди парохода. Погрузился. Волнение мешает сохранять глубину и препятствует наблюдению... иду полной скоростью на траверсе... До выстрела осталось совсем немного... Дистанция сокращается. Аппарат наготове—стрелять или нет?

¹ Дневник был найден при нем, когда Охрн впоследствии был взят в плен.

Артиллерийские расчеты тоже готовы... Ура! На корме судна орудие, возможно, зенитное. Огонь! Промых невозможен. Поднял перископ, веду наблюдение... Попадание 30 к корме. Дистанция 320 метров. Корма значительно погружается. Экипаж прыгает в шлюпки. Нос поднимается кверху. Я осматриваюсь.

1554 На поверхности. Корма под водой. Носовая часть поднимается еще выше. Шлюпки спущены на воду. Им повезло. Картина полного порядка. Носовая часть судна поднялась совсем высоко. Откуда-то на носовой части появляются 2 человека, которые бегут по палубе к корме. Корма исчезает. Одна из шлюпок перевернулась. Взрыв котла, 2 человека взлетают на воздух, раскинув руки и ноги... все кончено. Всплывает большая груда обломков. Мы приближаемся с целью опознать судно. Экипаж спасся на обломках и перевернутых лодках. Вылавливаем буй, на нем нет названия.

1648 Я спрашиваю человека, находящегося на плоту. Почти не поворачивая головы, он отвечает: «Никак не называется». Юноша, находящийся в воде, кричит: «Помогите, помогите!». Остальные очень спокойны. Они промокли и выглядят усталыми. На их лицах выражение холодной ненависти... Лег на прежний курс.

Потопив свою добычу, подводная лодка находилась в этом районе около получаса. Два человека стояли на палубе с баграми, чтобы отталкивать шлюпки. Экипаж подводной лодки также находился на палубе, молчаливо фотографируя спасшихся. Позднее подводная лодка погрузилась, не предложив никакой помощи¹.

В январе 1940 года верховное командование вооруженных сил опубликовало директиву, в которой говорилось, что в дальнейшем флоту разрешается с помощью подводных лодок топить все суда в водах близ вражеских берегов, где

¹ Некоторые командиры германских подводных лодок вели себя вначале совершенно иначе. В одном случае экипажу английского траулера было приказано сесть в шлюпки, так как его судно подлежало потоплению. Когда командир подводной лодки увидел, в каком положении экипаж, он сказал: «13 человек в такой шлюпке! Подумать только—отправили судно в море с подобной шлюпкой. Вы, англичане, никуда не годитесь!» Затем шкиперу траулера было предложено принять экипаж обратно на судно и идти полной скоростью в свой порт. Кроме того, ему была передана бутылка немецкой водки «с приветом от командира».

возможно применение мин. Командирам подводных лодок было предложено вести себя так и применять такое оружие, чтобы создать впечатление, что суда подорвались на минах.

Инструкции покидать на произвол экипажи потопленных торговых судов были, повидимому, впервые изданы в мае 1940 года. Оперативный приказ № 154 по подводному флоту содержал следующие инструкции:

«Не подбирайте людей и не берите их с собой. Не беспокойтесь о шлюпках торговых судов. Условия погоды и расстояние от земли не имеют значения¹. Заботьтесь только о своем собственном корабле... Мы должны быть суровы на войне. Противник начал войну с целью уничтожить нас, поэтому все остальное не существенно».

По вступлении США в войну Германия столкнулась с фактом значительного увеличения тоннажа, имевшегося для немедленного использования, и с почти неистощимой способностью союзников строить новые суда. Тогда последовали еще более решительные приказы. Командирам подводных лодок было предложено не только не спасать экипажи, но истреблять их.

Меньше чем через месяц после нападения японцев на Пирл-Харбор Гитлер получил возможность разъяснить эту новую фазу японскому послу в Берлине. Он сказал, что, сколько бы судов ни строили американцы, главной трудностью для них будет комплектование экипажей и что он намерен топить все торговые суда без предупреждения. Германия борется за свое существование, сказал Гитлер, и чувство гуманности не должно иметь места. Он отдаст приказ, чтобы после торпедирования судна подводные лодки поднимались на поверхность и обстреливали спасательные шлюпки. Согласно стенограмме этого обмена мнениями, «посол Осима охотно согласился с комментариями фюрера и сказал, что японцы также вынуждены применять такие методы».

¹ Напомним, что морской протокол 1936 года предусматривал, что судовые шлюпки рассматриваются как безопасное место лишь в том случае, если при существующем состоянии моря и при существующих условиях погоды, ввиду близости земли или присутствия другого судна, имеющего возможность принять пассажиров и экипаж, обеспечена их безопасность.

В сентябре следующего года штаб Деница направил всем командирам подводных лодок совершенно секретный приказ:

«Не должно делаться никаких попыток спасти экипажи потопленных судов. Под этим подразумевается подборение лиц, находящихся в воде, и посадка их в спасательные шлюпки, подъем перевернувшихся шлюпок и снабжение продовольствием и водой. Спасение противоречит основным требованиям войны на уничтожение вражеских судов и экипажей... Будьте суровы, помня, что противник не думает о женщинах и детях, когда бомбит германские города».

В день передачи вышеприведенного приказа в журнале военных действий Деница появилась следующая запись:

«Внимание всех командиров снова обращается на тот факт, что всякие попытки спасти членов экипажей потопленных судов противоречат самым элементарным требованиям ведения войны на уничтожение судов и их экипажей».

Командующий пятой флотилией подводных лодок в Киле¹ Гейнц Мёле, считая, что приказ носит двусмысленный характер, просил разъяснения у одного из старших офицеров штаба Деница. Смысл приказа был разъяснен ему на двух примерах. Первый касался подводной лодки, действовавшей в Бискайском заливе. Во время патрулирования лодки с нее была замечена резиновая шлюпка, на которой находились люди, спасшиеся с английского самолета. Поскольку лодка только что вышла на выполнение задания и была полностью загружена, не могло быть и речи, чтобы принять на борт экипаж самолета. Поэтому командир подводной лодки далеко обошел шлюпку и продолжал патрулирование. Когда по возвращении на базу он доложил об обстоятельствах этого инцидента, ему сказали, что, поскольку он не мог доставить спасшихся для допроса, следовало потопить их, с тем чтобы они «не могли больше воевать ни одного дня».

¹ Капитан третьего ранга Карл Гейнц Мёле. Этот офицер предстал перед английским военным судом в Гамбурге в октябре 1946 года по обвинению в передаче этих приказов командирам лодок своей флотилии и был приговорен к 5 годам тюремного заключения.

Второй пример. В течение первого месяца кампании подводной войны против американских судов были потоплены суда весьма значительного тоннажа на мелководье, у побережья Америки, и большинство экипажей спаслось благодаря близости земли. По мнению штаба Деница, это было в высшей степени прискорбно.

Международный Военный Трибунал в Нюрнберге пришел к выводу, что так называемый приказ «Лакония» непосредственно не призывал убивать людей, спасшихся с судов, потопленных подводными лодками. Однако в своем решении трибунал заявил, что приказ был, несомненно, двусмысленным и заслуживал самого глубокого осуждения.

При передаче этого приказа командирам подводных лодок Мёле, инструктируя их перед выполнением задания, читал приказ без комментариев и разъяснял его с помощью двух вышеприведенных примеров. Поэтому у командиров могло только создаться впечатление, что верховное командование военно-морских сил требует убивать членов экипажей. Возможно, с целью несколько успокоить свою совесть, Мёле обычно добавлял: «Командование подводного флота не может дать вам такого приказа официально! Каждый должен действовать согласно своей совести».

Немцы всегда утверждали, что единственной целью приказа «Лакония» было запретить командирам подводных лодок рисковать своими кораблями при спасении экипажей кораблей, подвергшихся атаке. Если бы это соответствовало действительности, достаточно было бы обратить внимание командиров на оперативный приказ № 154¹. Приказ не оставил бы никаких сомнений на этот счет, потому что при составлении подобных инструкций всегда принимается во внимание возможность их захвата противником.

Подлинные взгляды, которых гросс-адмирал придерживался в то время по этому вопросу, видны из речи, произнесенной им в начале октября 1942 года, во время инспектирования второго учебного дивизиона подводных лодок². Обращаясь к офицерам, являвшимся в то время слушателями курсов, Дениц сказал, что успехи подводных лодок уменьшились. Пообещав слушателям в скором времени улучшение дел, он сказал, что союзники испытывают боль-

¹ См. стр. 89.

² Показания об этой речи были даны на Нюрнбергском процессе главных военных преступников бывшим мичманом Петером Йозефом Гейзигом.

шие затруднения при укомплектовании судов экипажами. Моряки считают путь через Атлантику опасным, так как германские подводные лодки все еще топят большое количество судов. Многие из этих моряков были с кораблей, неоднократно торпедированных, и не хотели больше идти в море. Затем Дениц заявил, что он не может понять, как германские подводные лодки все еще продолжают спасать экипажи потопленных ими торговых судов, ставя таким образом под угрозу свои корабли. Этим они работают на противника, ибо спасенные экипажи вновь будут плавать— на других судах. Мы достигли теперь такого этапа войны, продолжал Дениц, на котором тотальная война должна вестись и на море. Экипажи судов, как и сами суда, являются объектом действий подводных лодок.

Слушатели, присутствовавшие на этом выступлении, заключили, что тотальная война должна вестись теперь не только против судов, но и их экипажей. Вряд ли их можно осуждать за это. Решение нюрнбергского трибунала, рассмотревшего утверждение обвинения, что гросс-адмирал сознательно приказал убивать людей, спасшихся с торпедированных судов, бесспорно, не было несправедливым.

Через 6 месяцев после издания приказа «Лакония» пароход «Пелеус»—греческое судно, зафрахтованное английским министерством военного транспорта,—был потоплен в Атлантическом океане подводной лодкой «U-852» под командованием капитан-лейтенанта Гейнца Экка.

«Пелеус», выйдя из Фритауна 8 марта, шел с грузом балласта к Ла-Плате. Вечером 13 марта 1943 года пароход шел в западном направлении немного южнее экватора и находился в 300 милях от ближайшей точки африканского побережья. На «Пелеусе» был экипаж из 35 человек, в большинстве греки. Из них спаслись только трое.

Примерно в 5 часов 50 минут дня с левого борта были замечены две торпеды. Обе они попали в судно, и оно затонуло меньше чем за 3 минуты. Большинству членов экипажа удалось, однако, спастись, и они цеплялись за плававшие вокруг обломки.

Затем подводная лодка поднялась на поверхность и подошла к одной из шлюпок «Пелеуса», в которой находились три человека. Офицеру подводной лодки, знавшему английский язык, капитан приказал выяснить название торпеди-

рованного судна. Один из спасшихся был затем взят на борт «U-852» и сообщил необходимые сведения: название судна, фамилию капитана, характер груза, порт отправки, порт назначения, а также о замеченных поблизости судах.

Офицер, которому было поручено получить эту информацию, вернулся в боевую рубку для доклада командиру, который сообщил ему о решении уничтожить все следы потопления, истребив тех, кто спасся.

Тем временем у третьего помощника капитана «Пелеуса», взятого на подводную лодку, отняли спасательный пояс и спустили на обломок, с которого он был снят.

Затем Экк открыл пулеметный огонь по обломкам судна, а матросы бросали в спасшихся ручные гранаты. Насколько известно, все, кроме троих, были убиты. Эти трое в течение 25 дней плавали на обломках судна в открытом море, пока их не подобрало португальское судно. Все они под присягой дали письменные показания о том, что им пришлось пережить.

Один из них, грек по фамилии Лиосис, заявил, что стоял на вахте, когда увидел след двух торпед, приближавшихся с левого борта. Он сразу же приказал рулевым лечь на параллельный курс. Тем не менее обе торпеды попали в «Пелеус». Лиосис оказался в воде и плыл, пока не нашел какой-то обломок, за который можно было уцепиться. К нему скоро присоединился другой член экипажа—тоже грек, и вместе они поплыли к видневшемуся впереди плоту. Через короткое время подводная лодка поднялась на поверхность, обошла вокруг обломков, и с нее окликнули плот, на котором находился третий помощник капитана. Ему было приказано подняться на борт подводной лодки, где его допросили, как описано выше. Тем временем Лиосис привязал свой плот к другому крупному обломку, на котором находилась группа спасшихся. Снова появилась подводная лодка, и им было предложено подойти ближе. Думая, что их, может быть, подберут, Лиосис и его товарищи приблизились к германской подводной лодке, но она внезапно начала обстрел из пулемета. Один из друзей Лиосиса получил несколько ранений, плот был пробит во многих местах, но не затонул. Затем немцы стали бросать ручные гранаты. Пулеметный обстрел и метание гранат с подводной лодки по обломкам продолжались долгое время, и только перед рассветом лодка ушла.

На суде¹ командир лодки «U-852» заявил, что он решил потопить обломки пулеметным огнем и так и сделал. Он, однако, присягнул, что никого из членов экипажа «Пелеуса» в то время не было видно и что он не приказывал стрелять в людей. Командир признал, что главный механик упрекнул его за решение уничтожить все следы, почему и «была утрачена возможность спасения жизней», поскольку приказом ему было запрещено брать спасшихся на подводную лодку. По словам командира, он получил приказ «Лакония».

Вряд ли можно сомневаться, что в отличие от командира лодки «U-156» капитана третьего ранга Гартенштейна, потопившего шесть месяцами раньше пароход «Лаконию», капитан-лейтенант Экк по возвращении на базу получил бы от гросс-адмирала поздравление за свою беспощадность. Этому, однако, не суждено было случиться. Патрулирование, при котором он потопил «Пелеус», было его первой и последней операцией. Вместо того чтобы вернуться в Киль и получить благодарность своего адмирала и фюрера, Экк выбросился со своей лодкой на берег в Сомали после атаки его с воздуха 2 мая 1944 года и был взят в плен.

С другой стороны, командир лодки, потопившей «Лаконию», спас группу людей и получил легкий выговор за риск потерять свой корабль. Как говорилось в донесении гросс-адмирала об операции Гартенштейна, «этот инцидент снова доказал, какой помехой может оказаться гуманное отношение к противнику».

5 июля 1944 года подводная лодка «U-247» в 18 милях западнее мыса Рот потопила паровой траулер «Норин Мэри». Судно занималось рыбной ловлей у западного побережья Шотландии и имело на борту 325 ящиков рыбы. Оно покинуло Эр четыремя днями раньше и вышло к рыболовным отмелям у мыса Батт-сф-Люис.

Примерно в 8 часов вечера палубный матрос Джеймс Макалистер заметил две торпеды, которые прошли с левого борта в 10 футах от судна и на расстоянии 8 футов друг от

¹ Дело командира и четырех членов экипажа было рассмотрено английским военным судом в Гамбурге в октябре 1945 года. Они обвинялись в убийстве членов экипажа «Пелеуса». Все были признаны виновными. Командир и трое других были приговорены к расстрелу.

друга. В тот же момент прямо за кормой, примерно в 150 ярдах, он заметил боевую рубку подводной лодки.

Макалистер вызвал всех наверх, но к этому времени подводная лодка погрузилась, и старший помощник отказался ему поверить. Однако примерно через час подводная лодка поднялась на поверхность справа от судна и тотчас же открыла по «Норин Мэри» огонь из пулемета. Траулер шел со скоростью трех узлов, погода была ясная, видимость хорошая, море было спокойно. Судно немедленно увеличило скорость до 10 узлов, но подводная лодка начала его преследовать и продолжала стрелять. Первыми очередями из пулемета были убиты три человека из команды, включая шкипера.

Затем подводная лодка открыла огонь из орудия, установленного в боевой рубке. Первый снаряд пробил котел, судно потеряло ход и окуталось паром.

Остальные члены экипажа укрылись от огня, но вскоре еще трое были убиты. Подводная лодка обошла траулер с носа и прошла вдоль левого борта, стреляя из орудия и пулемета.

Макалистер и старший помощник попытались спустить шлюпку, но последний при этом был убит, а Макалистер спустился вниз, чтобы укрыться в кладовой, находившейся ниже ватерлинии. Траулер имел к этому времени сильный крен на правый борт. В 10 часов 10 минут вечера он перевернулся и затонул. Четверо оставшихся в живых очутились в море. Макалистер плавал, пока не натолкнулся на нос перевернутой шлюпки, на которую и взобрался.

Подводная лодка, все еще находившаяся на поверхности, подошла к перевернутой шлюпке и выпустила по ней короткую очередь. Когда лодка находилась на расстоянии 70 ярдов, Макалистер соскользнул в воду и оставался там, пока лодка не прекратила огонь и не погрузилась.

На следующий день, примерно в 5 часов утра, военный транспорт «Леди Мадлен» подобрал оставшихся в живых Макалистера и второго механика траулера. Из остальных 8 членов экипажа «Норин Мэри» 6 были убиты, а 2 пропали без вести, видимо, утонули¹.

«U-247» была одной из новейших германских подводных лодок, и это было ее первое оперативное патрулирование.

¹ Этот рассказ взят из показания, данного Джеймсом Макалистером под присягой перед нотариусом в Эдинбурге 25 декабря 1945 года.

Она была снабжена двумя крупнокалиберными орудиями—одно на задней палубе, а другое в передней части боевой рубки. На фордеке было установлено орудие поменьше, напоминавшее «эрликон». «Норин Мэри» была обыкновенным рыболовным траулером, занимавшимся своей обычной, законной деятельностью. Однако, подобно всем другим малым судам, траулер во время войны был снабжен пулеметом Льюиса на зенитном лафете для защиты от германских самолетов, готовых нападать на всех и вся.

В командирском журнале боевых действий об этом незаконном нападении сообщалось в следующих словах:

«1943 Рыболовное судно. Двойной выстрел из торпедных аппаратов I и IV. Судно повернуло влево вскоре после выстрелов и заняло позицию под углом 180 градусов. Поскольку море было совершенно спокойно, судно, видимо, заметило следы торпед.

2055 Поднялся на поверхность. Рыболовные суда. Атаковал ближайшее. Судно остановилось через 3 минуты. Выпустил торпеду Т-3а из аппарата III по остановившейся «Норин Мэри». Неудача, осечка.

2151 Потоплено огнем зенитных орудий по борту. Затонуло с кормы».

Начальник оперативного отдела командования подводного флота, повидимому, был весьма доволен этими «доблестными» действиями, потому что эту запись в журнале военных действий он снабдил следующими комментариями: «Потопление рыболовного судна зенитным огнем в этом районе свидетельствует о хорошем наступательном духе и энергии... Хорошо проведенная операция в трудных условиях». На самом деле это было самое гнусное убийство.

С первого и до последнего дня войны денно и ночью продолжались эти убийства в открытом море. Как и во время первой мировой войны, Германия вела ничем не ограниченную подводную войну против воюющих и нейтральных стран, игнорируя протокол 1936 года и законы и обычаи цивилизованного мира.

Глава IV

ЗВЕРСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ И ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕГО НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

В прежние времена воюющие стороны пользовались всей полнотой власти над оккупированной ими территорией. Они могли опустошать ее, убивать или уводить в плен жителей и присваивать себе их имущество. Однако в течение XVIII и XIX веков произошли великие перемены, завершившиеся Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны, принятой на Гаагской мирной конференции 1907 года.

Статья 46 этой конвенции предусматривала, что «честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность, равно как и религиозные убеждения и отправление обрядов веры, должны быть уважаемы». На всех территориях, оккупированных немцами во время второй мировой войны, наблюдались массовые нарушения этой статьи.

Миллионы людей были уведены в рабство; тысячи заложников и людей, арестованных в знак репрессий, были убиты; проведены сотни необоснованных репрессий; десятки городов и деревень были сравнены с землей; тысячи акров плодородных земель были опустошены в результате проведения политики выжженной земли; миллионы евреев были подвергнуты истреблению; сотни тысяч ни в чем не повинных граждан были убиты во время массовых казней; гетто уничтожались, а их жители были убиты или увезены в концентрационные лагеря и лагеря истребления. Все сырье, лом и машины были вывезены и использованы в интересах германской экономики; со всех подвергшихся вторжению территорий были увезены произведения искусства, мебель и одежда.

Выступая на совещании представителей германских оккупационных властей в августе 1942 года, Геринг ска-

зал: «Богу известно, что вы посланы туда не для того, чтобы заботиться о благосостоянии доверенного вам народа, но чтобы извлечь из него максимум, для того чтобы мог жить германский народ. Именно этого я и ожидаю от вас. Вечная забота о чужих народах должна теперь прекратиться раз и навсегда. Мне совершенно безразлично, если порученные вам люди будут умирать с голоду».

Целью политики оккупационных властей было терроризировать жителей и беспощадно использовать всех и вся для военных усилий Германии.

Хотя до заключения Женевской конвенции 1949 года международное право при известных обстоятельствах разрешало брать заложников, казнь их, кроме как по приговору суда за заслуживающие казни преступления, ясно запрещалась статьей 50 Гаагской конвенции 1907 года, где говорилось: «Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния единичных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения».

Обсуждая этот вопрос в статье, помещенной в «Английском ежегоднике международного права» за 1948 год, лорд Райт писал: «На основе принципов и мнений авторитетных лиц я лично твердо убежден, что умерщвление заложников, в том числе лиц, арестованных в знак репрессий, противоречит законам войны, что оно недопустимо ни при каких обстоятельствах и является простым убийством».

Более того, этот принцип как будто был установлен еще в XVII веке таким авторитетом, как Гроций, в его труде «*De Jure Belli ac Pacis*», и лорд Райт цитировал его высказывания в своей статье:

«Заложников не следует убивать, если они сами не совершили преступления... В прежние времена считалось, что каждый человек имеет на свою жизнь такое же право, как на все другое свое имущество, и что это право по молчаливому или специальному согласию переходит от отдельных лиц к государству. Поэтому не следует удивляться, если мы читаем, что лично невинные заложники умерщвлялись за преступления, совершенные их государством. Однако теперь, когда более глубокие знания показали нам, что

власть над жизнью человека принадлежит богу, следует, что никто не может своим личным согласием предоставить другому право как на свою собственную жизнь, так и на жизнь своего соотечественника.

Расстрелы заложников и арестованных в знак репрессий¹ широко практиковались германскими властями во всех странах, оккупированных германскими войсками.

После заключения перемирия с Францией в 1940 году германские оккупационные власти вначале заняли примирительную позицию. Они надеялись вовлечь французов в войну против Англии, а затем против США и всеми доступными им средствами стремились достигнуть наибольшего сотрудничества с французским народом.

Это была тщетная надежда, и мягкий подход должен был кончиться неудачей. Поскольку сопротивление французов росло, немцы быстро сбросили маску разумной снисходительности. Эта маска всегда была лживой и притворной, и нацисты вновь показали свое истинное лицо. Расстрелы заложников в Динане, Лаоне и Санлисе, которые потрясли цивилизованный мир в 1914 году, показались ничтожными по сравнению с кровавыми расправами в Орадур-сюр-Глане, Лидице, на Балканах, в Варшаве, России и Ардеатинских пещерах.

Еще до конца 1940 года во Франции стали привычным зрелищем красные плакаты в черной рамке, расклеенные на стенах Парижа и других городов и деревень страны. Эти плакаты извещали о первых расстрелах заложников в знак репрессий против антигерманских инцидентов.

В сентябре 1940 года главнокомандующий германскими войсками во Франции определил заложников как «жителей страны, которые своей жизнью гарантируют безупречное поведение населения. Таким образом, ответственность за их судьбу передана в руки их соотечественников. Поэтому нужно публично угрожать населению тем, что заложники будут нести ответственность за враждебные акты отдельных лиц».

¹ Между заложниками и арестованными в знак репрессий существует разница, хотя для жертв она не имеет значения. Первых арестовывают для того, чтобы они своей жизнью гарантировали дальнейшее хорошее поведение общины, к которой они принадлежат; вторых арестовывают после какого-либо инцидента и казнят в знак репрессий. В обоих случаях невинные жертвы отвечают своей жизнью за преступления, совершенные другими.

Ответственность ни в чем не повинных людей за проступки, совершенные другими, была официальной политикой оккупационных властей. Последние приняли меры к тому, чтобы обеспечить приведение этих угроз в исполнение. «Угрозы, которые не могут быть выполнены,—говорилось в приказе,—создают впечатление слабости».

В сентябре 1941 года эта доктрина получила официальное одобрение свыше в виде общего приказа за подписью Кейтеля. Этот приказ, адресованный командующим германскими войсками во Франции, Бельгии, Норвегии, Голландии, Дании, на Украине, в Сербии, Салониках, Греции и на Крите оставался в силе на протяжении всей войны.

Что касается России, то приказ требовал казнить от 50 до 100 коммунистов за каждого убитого германского солдата. В том же месяце этот приказ был подтвержден и приспособлен к местным условиям Штюльпнагелем в его известном приказе, названном во Франции «кодексом заложников».

Приказ имеет важное значение, поскольку он ясно показывает отношение германского командования во Франции к политике, касающейся заложников. Ниже следуют выдержки из приказа:

«I. 22 августа 1941 года я опубликовал следующее извещение: «Утром 21 августа 1941 года служащий германских вооруженных сил был убит в результате нападения убийцы».

Ввиду этого приказываю:

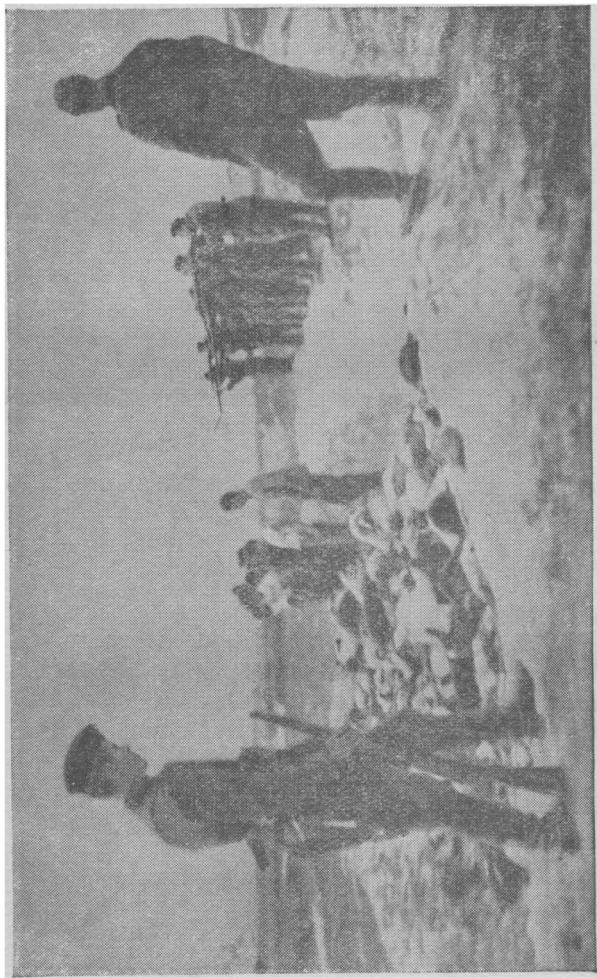
1) Все французы, содержащиеся в заключении германскими властями или по распоряжению германских властей во Франции, рассматриваются с 23 августа как заложники.

2) В случае нового инцидента некоторое число этих заложников, в зависимости от серьезности покушения, подлежит расстрелу.

III. На основе моего извещения от 22 августа 1941 года и моего приказа от 19 сентября 1941 года [этот приказ был изложен в параграфе II] следующие группы лиц являются заложниками. [Перечислено 6 таких групп.]

VI. Списки заложников:

В случае инцидента, который потребует в соответствии с моим извещением от 21 августа 1941 года



Этот фотоснимок, изображающий стену массовой казни, найден у немецкого военнопленного.

расстрела заложников, немедленно за приказом должна последовать казнь. Командующие округами должны поэтому выбрать из общего числа заложников в своих округах лиц, практически могущих быть казненными, и включить их в список заложников. Эти списки будут служить основой для рекомендаций, представляемых мне в случае казни.

Как показывают проведенные наблюдения, организаторы этих покушений принадлежат к коммунистическим или анархистским шайкам террористов. Командующие округами поэтому должны выбирать среди заключенных лиц, которые ввиду их коммунистических или анархистских взглядов в прошлом или их положения в таких организациях больше всего подходят для казни. При выборе нужно учитывать, что чем более широкой известностью пользуются подлежащие расстрелу заложники, тем более устрашающее влияние на самих преступников и на тех лиц во Франции или за границей, которые несут моральную ответственность за акты террора и вредительства.

Следует подготовить список заложников из числа заключенных, сочувствующих де Голлю».

Был также создан «фонд заложников».

«Эти списки должны включать примерно по 150 человек из каждого округа и около 400 от округа Большого Парижа. Окружные начальники должны постоянно отмечать в своих списках лиц, постоянно или в последнее время проживающих в данных округах, так как лица, подлежащие казни, должны по мере возможности подбираться из числа жителей округа, где совершено преступление».

Затем шли инструкции о порядке казней, и последний параграф заканчивался следующими словами:

«Следует избегать захоронения большого числа людей в общей могиле на одном кладбище, чтобы не создавать мест для паломничества, которые сейчас или позже могут явиться центрами антигерманской пропаганды. Поэтому в случае необходимости похороны должны производиться в разных местах».

Аналогичные приказы были изданы в Бельгии генералом фон Фалькенгаузенем, в Голландии гаулейтером Зейсс-Инквартом и в Норвегии генералом фон Фалькенхорстом.

Последствия этой политики не всегда оправдывали ожидания ее создателей. Фалькенгаузен послал Кейтелю из Бельгии следующее письмо, в котором критиковал данный принцип не по гуманным соображениям, а с точки зрения целесообразности:

«Прилагаю список заложников, расстрелянных до сих пор в моем районе, а также инцидентов, в связи с которыми были произведены расстрелы. В значительном числе случаев и в особенности в наиболее серьезных случаях виновники были позднее обнаружены и приговорены.

Результаты, бесспорно, весьма неудовлетворительны. Расстрелы не столько оказывают устрашающее действие, сколько уничтожают у населения сочувствие законности и порядку: раскол между людьми, находящимися под влиянием коммунизма, и остальным населением уменьшается. Все круги проникаются чувством ненависти к оккупационным войскам, а вражеская пропаганда получает эффективный материал для подстрекательства.

Подпись: *Фон Фалькенгаузен*».

Фалькенгаузен неоднократно жаловался верховному командованию на прискорбные результаты приказа Кейтеля. Он снова указывал, что в нескольких случаях диверсанты были обнаружены после расстрела ни в чем не повинных заложников и что истинные виновники часто принадлежали к иным кругам, чем казненные заложники. Это привело к возмущению те слои населения, которые до сих пор держались пассивно.

К концу 1942 года Кейтель получил новое предупреждение—от командующего германскими войсками в Голландии. Сообщив о расстреле в Роттердаме ряда весьма видных заложников, последний заявил, что это произвело весьма неблагоприятное впечатление на общественное мнение. Никакие действия немцев с начала оккупации—а они совершили почти все возможные преступления—не произвели такого впечатления и не вызвали такого возмущения. Германский штаб получил много писем, с подписями

и анонимных. Доклад заканчивался словами: «Короче говоря, подобного неодобрения даже среди очень немногих действительно прогермански настроенных голландцев никогда раньше не было, и никогда не возникало подобной ненависти».

Однако Кейтеля все это не беспокоило. Его приказ от 16 сентября 1941 года так и не был отменен на протяжении всей войны, и в одной только Франции было казнено свыше 29 тысяч заложников.

Время от времени германские оккупационные власти обращались к населению с призывами отказаться от сопротивления, а к потенциальным предателям и осведомителям из французов—с призывом доносить на своих честных соотечественников.

Ниже приводится текст такого призыва, опубликованного в сентябре 1941 года:

«Я признаю, что значительное большинство населения сознает свой долг, то есть обязанность помогать властям в их неустанных усилиях по поддержанию спокойствия и порядка в стране в интересах ее жителей.

Однако среди вас есть наемные агенты враждебных Германии держав, преступные коммунистические элементы, у которых только одна цель—сеять раздоры между оккупирующей державой и французским населением... Я не намерен дольше допускать, чтобы эти убийцы угрожали жизни германских солдат. Я не остановлюсь даже перед самыми суровыми мерами, для того чтобы выполнить свой долг... Я призываю вас всех, вашу администрацию и вашу полицию содействовать аресту виновных путем проявления чрезвычайной бдительности и личного активного вмешательства. Путем выявления и разоблачения этой преступной деятельности нужно избежать создания критической ситуации, которая принесет несчастье стране.

Тот, кто стреляет из засады по германским солдатам, которые лишь выполняют здесь свой долг и обеспечивают нормальную жизнь,—не патриот, а трусливый убийца и враг всех честных людей.

Французы, я надеюсь, что вы поймете эти меры, которые я принимаю в ваших собственных интересах.

Подпись: *Фон Штюльпнагель*,

Нужно удивляться, что нация, которая трижды на протяжении 70 лет вторгалась во Францию, столь плохо знала психологию своего противника.

Расстрелы в Шатобриане и Бордо произошли в октябре 1941 года. 21 октября в газете «Фар» появилось следующее сообщение:

«Объявление. Трусливые преступники, агенты Англии и Москвы, вчера утром выстрелом в спину убили начальника полевой комендатуры Нанта. Убийцы до сих пор не арестованы. В искупление этого преступления я приказал для начала расстрелять 50 заложников. Ввиду серьезности преступления будут расстреляны еще 50 заложников, если до полуночи 23 октября 1941 года виновники не будут арестованы».

Список содержащихся в заключении в Шатобриане 60 французов, которые считались опасными коммунистами, был подготовлен министром внутренних дел вишійского правительства Пюше¹ и передан генералу фон Штюльпнагелю.

Из этих 60 заложников 27 были расстреляны в Шатобриане. Аббат Муайон, присутствовавший при казни, записал на следующий день:

«Был прекрасный теплый осенний день. С самого утра ярко светило солнце. Все в городе занимались обычными делами. Наблюдалось большое оживление, ибо была среда, то есть базарный день. Из газет и по сведениям, полученным из Нанта, жители знали, что убит германский высший офицер, но отказывались верить, что будут применены такие жестокие репрессии в столь широких масштабах. Несколькими днями раньше германские власти в лагере Шуазель перевели в особое помещение людей, которые должны были служить заложниками в случае нападения на оккупационные войска. Именно среди них были выбраны подлежащие в тот вечер расстрелу.

Священник в Бере только что закончил завтрак, когда в приходский дом явился начальник лагеря

¹ Пюше был судим французским военным трибуналом в Алжире в 1944 году. Он был приговорен к смерти и позднее казнен.

Шуазель г-н Моро и в нескольких словах разъяснил цель своего визита. Помощник префекта Шатобриана Лекорню послал его уведомить священника, что в этот день 27 человек из числа «политических заключенных» в Шуазеле подлежали расстрелу. Помощник префекта просил священника немедленно пойти туда и напугать их.

Священник согласился и сейчас же отправился в лагерь. Помощник префекта уже находился там, чтобы сообщить заключенным об их ужасной судьбе... Внезапно послышался шум автомобилей. Дверь, которую я закрыл, войдя в комнату, чтобы нам не мешали, внезапно открылась и вошли французские полицейские с наручниками. Прибыл немецкий войсковой священник. Он сказал мне: «Г-н кюре, ваша миссия окончена, и вы должны немедленно удалиться».

Всем французам был строго запрещен доступ в каменоломню, где состоялась казнь. Я знаю лишь, что заложники были казнены тремя группами по 9 человек, что все они не захотели, чтобы им завязали глаза, что молодой Моске упал в обморок и что последним пламенным возгласом этих героев было: «Да здравствует Франция!»

Французский полицейский по фамилии Руссель видел, как после полудня осужденных везли через Шатобриан на четырех немецких грузовиках. Впереди в штабной машине ехал немецкий офицер. Осужденные были в наручниках и пели патриотические песни, «Марсельезу» и «Прощальную песню». На одном из грузовиков находилась группа вооруженных немецких солдат.

Примерно через два часа автоколонна вернулась из каменоломни, где состоялась казнь, и въехала во двор замка. Тела заложников положили в подвал, пока для них не были изготовлены гробы.

На следующий день, 23 октября, согласно заявлению Русселя, «тела были положены в гробы; при этом не присутствовал ни один француз. Все входы в замок охранялись германскими часовыми. Затем мертвые были похоронены на девяти различных кладбищах в окрестных коммунах. Немцы тщательно выбрали места, с которыми не было регулярного автобусного сообщения, повидимому, с целью

предотвратить массовое паломничество населения к могилам этих мучеников».

Спустя всего два дня еще 50 арестованных были расстреляны немцами в Бордо в знак репрессий. Они были отобраны из группы в 100 человек, арестованных 22 октября, и известны своими симпатиями к коммунистической партии или движению де Голля. Об этих репрессиях было сообщено префекту департамента Жиронда в письме генерала фон Фабер дю Фор:

«Бордо, 23 октября 1941 года.
Префекту департамента Жиронда, Бордо.

В искупление за трусливое убийство военного советника Рейнерса командующий войсками во Франции приказал казнить 50 заложников. Казнь состоится завтра.

В случае, если убийцы не будут арестованы в самом ближайшем времени, будут приняты дополнительные меры, аналогичные принятым в Нанте. Имею честь сообщить вам об этом.

Подпись: Начальник районной военной администрации

фон Фабер дю Фор».

Было много и других расстрелов заложников в знак репрессии. В сентябре 1942 года в кинотеатре «Рекс» в Париже было совершено нападение на немецких солдат. В ответ на это было расстреляно 116 заложников.

Форт Ромэнвиль в окрестностях Парижа стал после войны местом паломничества парижан. В период оккупации он использовался для содержания заложников, из числа которых выбирались жертвы для расстрела в знак репрессий за какой-либо акт против оккупирующей державы.

Один из заложников, г-н Рабат, которому посчастливилось остаться в живых, рассказал о судьбе некоторых из них.

«Некоторые из нас были переведены в германское отделение Сантэ (тюрьма в Париже), но большинство было отвезено в военную тюрьму Шерш-Миди (также в Париже). Нас поочередно допрашивал офицер гестапо на улице Соссэ. У некоторых в результате пыток были переломаны руки и ноги. Допрашивая меня, офицер гестапо сказал: «Рабат, здесь вам при-

дятся говорить. Зять профессора Ланжевена Жак Соломон пришел сюда высокомерным. Отсюда он выполз на брюхе».

После краткого, пятимесячного пребывания в Шерш-Миди 24 августа 1942 года мы были переведены в форт Ромэнвиль. Нам не разрешали писать или получать письма, и на дверях наших камер было написано: *Alles verboden* (все запрещено). Нам давали $\frac{3}{4}$ литра овощного супа и 200 граммов черного хлеба в день. Сухари, присылаемые в тюрьму для политических заключенных Красным Крестом и обществом квакеров, мы так и не получали. В Ромэнвиле мы содержались как заключенные категории «NN»¹.

То же самое происходило в Северной Франции, где, как и в Бельгии, управлял генерал фон Фалькенгаузен. То же было в Голландии и Норвегии. Во всех странах Западной Европы немцы производили систематические казни заложников как месть за акты сопротивления.

Ни в одном случае эти казни не совершались по закону. Людей всегда казнили до того, как были предприняты хоть какие-либо попытки обнаружить и задержать истинных виновников. Во многих случаях виновников арестовывали вскоре после того, как ни в чем не повинные заложники были лишены жизни, чтобы, как выражались немцы, «искупить» сопротивление своих соотечественников².

К концу 1941 года Гитлер пришел к выводу, что меры, предпринятые для наказания тех, кто совершал преступления против германских оккупационных войск, недостаточны. Поэтому он решил, что в будущем на рассмотрение германских военных судов будут передаваться только дела, которые могут быть подготовлены в течение 8 дней после совершения преступления и по которым бесспорно будет вынесен смертный приговор.

В соответствии с этим он опубликовал так называемый декрет «Мрак и туман» от 7 декабря 1941 года. Целью декрета было ввести положение, при котором гражданские лица не германской национальности на оккупированных

¹ «Nacht und Nebel»—«Мрак и туман».—Прим. перев.

² Вряд ли можно удивляться, что статья 3 Женевской конвенции 1949 года решительно запрещает брать заложников «где бы то ни было и когда бы то ни было».

территориях, якобы совершившие преступления против оккупационных войск, вывозились в Германию тайно (отсюда название декрета), если нельзя было гарантировать вынесение им смертного приговора в случае рассмотрения дела в военном суде у них на родине.

Гитлер придерживался мнения, что в таких случаях любой более мягкий приговор будет рассматриваться жителями оккупированных территорий как признак слабости и что, кроме смертного приговора, единственным способом предотвращения преступления является принятие мер, которые оставляли бы в неведении относительно судьбы арестованного его семью и местное население.

В секретном письме, содержащем инструкции фюрера абверу¹ по поводу данного декрета, новые методы обращения с такими заключенными были охарактеризованы следующим образом: «В будущем заключенные должны доставляться в Германию тайно... эти меры будут иметь устрашающее влияние, потому что а) заключенные будут исчезать бесследно и б) не будет сообщаться никаких сведений об их местонахождении или судьбе».

Эта идея позднее получила дальнейшее развитие под официальным наименованием «коллективной ответственности членов семей убийц и диверсантов». В каждом случае убийства служащего оккупационных войск или диверсии на важных объектах не только надлежало расстреливать виновных, но и отправлять в концентрационные лагеря их родных старше 16 лет. Если сами виновные не были задержаны, то вместо них могли быть привлечены к ответственности их родственники.

Не следует думать, что на основании этого декрета все заключенные категории «NN» подлежали суду по прибытии в Германию. В большинстве случаев суда вообще не было. Если заключенные предстали перед гражданскими или военными судами на основании процедуры «NN», их обычно лишали права очной ставки со свидетелями обвинения и им не разрешалось вызывать свидетелей в свою защиту. Часто даже не предъявлялось никакого обвинительного акта, и лишь за несколько минут до суда обвиняемый узнавал о характере предъявляемых ему обвинений. Судебные заседания происходили при закрытых дверях и были по существу фарсом.

¹ Контрразведка.

В 1944 году по приказу Гитлера рассмотрение дел категории «NN» было передано из судов в гестапо. Бесспорно, что на основании этого декрета многие тысячи жителей на оккупированных территориях были арестованы, вывезены в Германию, судимы, приговорены к смерти и казнены или же заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря, из которых они редко возвращались.

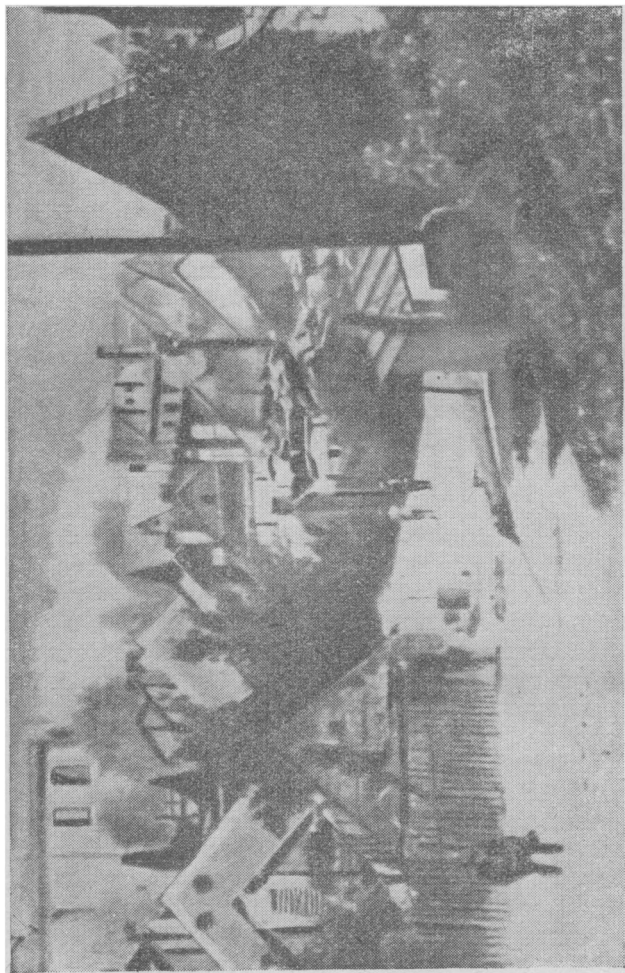
Одно из военных преступлений, которое дольше других не изгладится в памяти, было уничтожение чехословацкой деревни Лидице и убийство большого числа ее жителей в знак репрессии за убийство партизанами протектора Чехии и Моравии Рейнгарта Гейдриха.

Немцы явились в деревню поздно вечером 9 июня 1942 года. Всем жителям сразу же было приказано покинуть дома, взяв с собой деньги и другие ценные вещи, и собраться на площади. Все повиновались, а одна женщина и ее ребенок, пытавшиеся по пути бежать, были застрелены. Женщины и дети были доставлены гестаповцами в школу, где они провели ночь.

С рассветом 10 июня все мужчины деревни были собраны в сараях и во дворе одной фермы. Оттуда их выводили в сад группами по 10 человек и расстреливали. Расстрелы продолжались, пока не были убиты 172 взрослых мужчины. Палачи затем сфотографировались с трупами у своих ног, как охотники с добычей.

Группа женщин была отвезена в Прагу и там расстреляна. Остальные 195 женщин были отправлены в концентрационный лагерь Равенсбрюк, где 42 из них умерли от зверского обращения, 7 были задушены газом, а трех никто больше не видел. Четырех женщин, имевших новорожденных детей, также отправили в концентрационный лагерь, а их младенцы были убиты.

Все дети через несколько дней после уничтожения деревни были разлучены с матерями. 90 детей были отправлены в концентрационный лагерь Гнейзенау, и их больше никто и никогда не видел. Дети младшего возраста были отвезены в германскую больницу в Праге. После того как «расовые эксперты» осмотрели и измерили их с целью выяснить, подходят ли они под нацистские арийские стандарты «расы господ» и годятся ли для усыновления в германских семьях, те, кто выдержал эту псевдонаучную



Деревня Лицице.

проверку, были отправлены в Германию, где их должны были воспитывать как немцев, под немецкими фамилиями. Всякий след их потерян. Те, кто не выдержал испытание, были отправлены в Польшу для Sonderbehandlung¹.

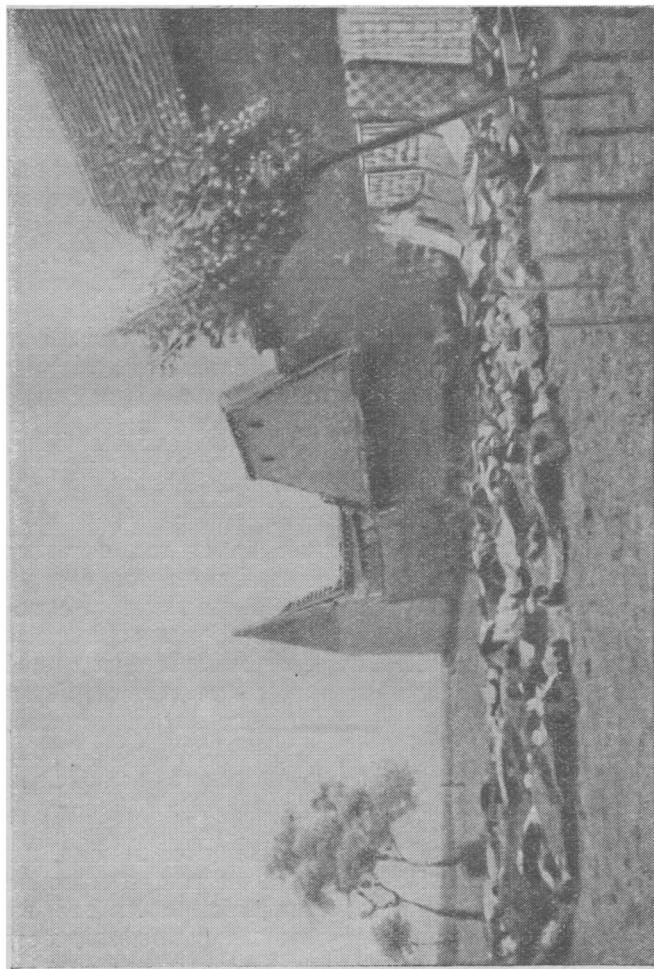
Деревенскому священнику по фамилии Штернбек, семидесяти трех лет, предложили свободу при условии отречения от своей паствы. Когда же он отказался сделать это, его подвергли пыткам, и церковь была осквернена у него на глазах. Священник был расстрелян вместе со своими прихожанами, после того как он заявил, что прожил со своей паствой 35 лет и намерен умереть вместе с ней.

К вечеру 10 июня в деревне не осталось ни одной живой души. Трупы мужчин были брошены в общую могилу. Дома были разграблены, а затем сожжены. Стены были разрушены, чтобы не оставалось камня на камне. Затем место было расчищено от обломков, земля вспахана и окружена забором из колючей проволоки, чтобы в предостережение чехам она навеки оставалась пустырем.

Немцы опубликовали официальное сообщение об этом преступлении в газете «Дер Нейе Таг» от 11 июня 1942 года.

«В ходе розысков убийц обергруппенфюрера СС Гейдриха были найдены неопровержимые доказательства, что население Лидице близ Кладно оказывало поддержку и помощь организаторам убийства. Соответствующие доказательства, помимо допросов, были собраны без помощи жителей. Выявившееся таким образом отношение к данному преступлению было подчеркнуто другими действиями, враждебными рейху,— наличием складов подрывной литературы, оружия и боеприпасов, нелегального радиопередатчика, а также большого количества нормированных товаров— и тем фактом, что жители деревни активно помогали внешнему врагу. Поскольку жители деревни своей деятельностью и содействием убийству Гейдриха самым непреклонным образом сопротивлялись опубликованным законам, взрослые мужчины расстреляны, женщины отправлены в концентрационный лагерь, а дети помещены в соответствующие воспитательные заведения. Строения снесены с лица земли, и название деревни исключено из всех списков».

¹ Для особой обработки, то есть истребления в газовых камерах Трелинки.



После массового убийства в Лидице.

То, что началось во Франции в 1940 году в виде маленького ручейка крови, за последние три года оккупации превратилось в бушующий поток. По мере того как усиливалось угнетение, росло и сопротивление ему. Когда политика сотрудничества провалилась, ее заменил террор.

К 1943 году немцы даже и не пытались изображать дело так, что нарушителей их постановлений отдают под суд, а затем уже наказывают. В январе 1943 года фон Фалькенгаузен, на котором лежала ответственность не только за Бельгию, но и за часть Северной Франции, опубликовал приказ, где говорилось, что всякий, у кого будут найдены взрывчатые вещества, боеприпасы или любое огнестрельное оружие без соответствующего разрешения, будет «в будущем расстреливаться немедленно без суда».

На основании этого можно предположить, что немцы рассматривали бойцов маки как партизан; однако совершенно ясно, что внутренние французские силы сопротивления, как они официально назывались, рассматривались как иррегулярные войска и, следовательно, как законная составная часть французских вооруженных сил.

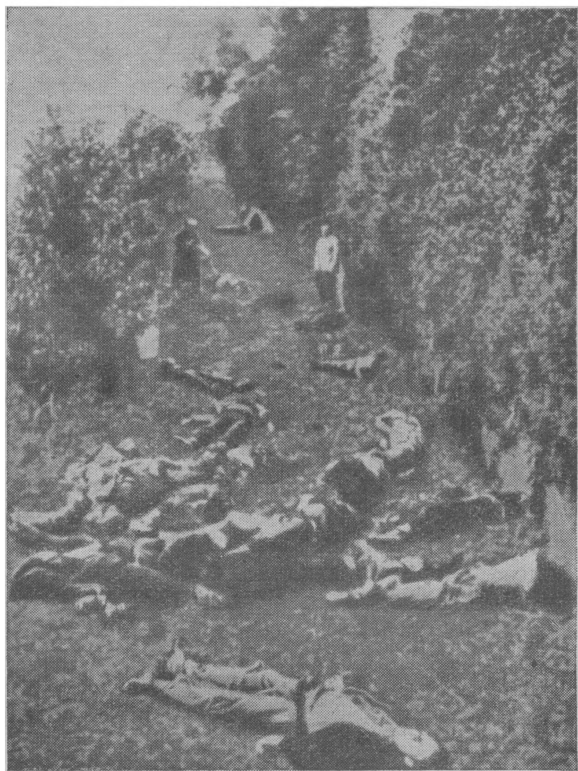
Об этом свидетельствует следующая выдержка из меморандума Висбаденской комиссии под названием «Террористические действия против патриотов»:

«На стороне противника находятся организации, категорически отказывающиеся признать суверенитет французского правительства Виши, которые по численности, а также вооружению и командованию можно считать за войска... Эти революционные части считают себя частью войск, сражающихся против Германии. Генерал Эйзенхауэр охарактеризовал террористов, сражающихся во Франции, как войска, подчиняющиеся его командованию. Именно против таких войск направлены репрессии».

Однако они не находились под защитой закона, и после взятия в плен с ними обращались не так, как по международному праву должны обращаться с любым взятым в плен военнослужащим вооруженных сил воюющих сторон.

Кейтель от имени верховного командования издал приказ, чтобы членов этих отрядов расстреливали немедленно, если они будут пойманы на месте преступления,— против чего возражать нельзя. Однако, будучи взяты в плен, они должны были передаваться ближайшему мест-

ному органу ЗИПО или СД. Женщины, сочувствовавшие сопротивлению, но не принимавшие активного участия во враждебных действиях, подлежали «отправке на работы».



Массовое убийство в Отёне.

Этот шедевр эвфемизма¹ означал, что их, как скот, отправляли в Германию, заключали в лагерь рабского труда и заставляли работать до смерти или до тех пор, когда их невозможно было уже дальше эксплуатировать. О дальнейшей судьбе этих женщин рассказано в других главах².

¹ Более мягкое выражение, вместо грубого или непристойного.—
Прим. ред.

² См. главы V и VI.

Все жители оккупированных территорий, рассматривавшиеся как угрожавшие безопасности, вместо того чтобы быть интернированными в своей собственной стране в соответствии с обычной процедурой, подлежали «передаче СД». Это также звучит довольно безобидно для тех, кто не знает, что представляла собой СД и что происходило после «передачи», ибо это означало избивание кнутом, сдавливание пальцев, сдавливание головы, вырывание ногтей на руках и ногах, заключение в концентрационный лагерь, смерть в газовой камере.

В исполнение приказа Кейтеля ЗИПО и СД получили право казни без суда. Эти приказы распространялись на все оккупированные территории Западной Европы.

Пусть свободные люди задумаются над действительным значением этих приказов. Это была юрисдикция полиции: всякий, кто жил в этих странах в условиях германской оккупации, мог быть без всяких оснований и без суда приговорен к смерти и казнен сравнительно мелким чиновником местной полиции безопасности. Никаких обвинений, никаких улик и никакой защиты. Это проделывалось ежедневно и повсюду, и это было убийством.

В Голландии после покушения на Раутера гаулейтер Зейес-Инкварт провозгласил «полицейскую юрисдикцию, которая немедленно вступит в силу для всей оккупированной территории Нидерландов». Известно, что на основании этой процедуры было казнено свыше 4 тысяч голландских граждан.

Ко времени освобождения Бельгии в сентябре 1944 года преступления, совершенные германскими войсками против гражданского населения и военнослужащих регулярных частей сил сопротивления, сражавшихся против германской армии, достигли наивысшего предела.

В Грее немцы атаковали лагерь сил сопротивления. Они имели на это полное право, так же как право брать в плен тех, кто во время этой операции не был убит в честном бою. Однако после ухода немецких войск было обнаружено 15 страшно изуродованных трупов. Немцы пользовались пулями с отпиленными головками¹. Двое плен-

¹ Каждому грамотному германскому солдату было известно, что это запрещено. В солдатской книжке содержались «Десять заповедей германского солдата, касающихся войны». В пятой запо-

ных были избиты дубинками, а затем их прикончили выстрелами из револьвера в затылок.

6 сентября 1944 года несколько сотен бельгийских партизан находились в замке Шато де Форе. Немцы получили сведения, что отряд собирается сняться с места, и замок был окружен. При попытке вырваться из окружения часть партизан была убита, часть взята в плен. Вскоре германские войска начали наступление на замок, используя пленных в качестве прикрытия. Через два часа бой прекратился из-за отсутствия у партизан боеприпасов. Бельгийцам, все еще занимавшим замок, была обещана пощада при условии сдачи. Это обещание было нарушено. Многих из оставшихся в живых сначала подвергли пыткам, а затем убили; трупы были облиты керосином и замок подожжен.

В декабре 1944 года фон Рундштедт перестал отступать и предпринял последнее отчаянное контрнаступление, прежде чем отойти за бельгийско-германскую границу. В начале контрнаступления германские войска достигли дороги Марш—Бастонь и заняли деревню Банд. Солдаты вермахта держали себя хорошо и не дали повода для жалоб.

Однако несколько дальше по этой дороге находился контрольный пост СД. В воскресенье утром 24 декабря 1944 года отряд гестаповцев явился в деревню и арестовал около 70 мужчин. Гестаповцы даже вошли в церковь во время обедни и арестовали там несколько молившихся. Офицер, командовавший отрядом, заявил, что забирает бельгийцев только на контрольный пост для проверки личности и что все они к рождеству вернутся домой.

Одновременно другой отряд СД произвел ряд арестов в соседней деревне Грюн. Все арестованные обеих деревень были затем доставлены на сгоревшую лесопилку на окраине Банд, где был расположен контрольный пост. Там их подвергли допросу.

После окончания допроса пожилые мужчины были освобождены, а молодых отвели под навес, где у них отобрали все личные вещи, кроме носовых платков. Затем их построили в три шеренги, заставили заложить руки

веди говорилось: «Пули дум-дум запрещены, и никакие другие пули не должны переделываться в пули дум-дум».

за голову и повели большой дорогой до полусгоревшего дома, принадлежавшего некоему Бертрану.

Здесь их остановили и повернули лицом к дороге, а спиной к домам. Так они стояли некоторое время в снегу под охраной семи эсэсовцев, вооруженных автоматами. Охраной командовал офицер—тот самый, который допрашивал их.

Вскоре началась бойня. К человеку, стоявшему на левом фланге последней шеренги, подошел фельдфебель, положил ему на плечо руку и ввел его в дом Бертрана. Как только каждый из арестованных входил в дверь, офицер-эсэсовец, стоявший у входа, так, что его не было видно с дороги, стрелял своей жертве в затылок и пинком сталкивал тело в подвал, который был открыт, так как пол дома провалился при пожаре.

Арестованных было 33 человека. После того как 20 из них были убиты таким образом, следующим на очереди был молодой бельгиец по имени Леон Прэль. Это был высокий, сильный, широкоплечий юноша. Заметив, что германский сержант плачет, Прэль повернулся, ударил его в лицо и сбил с ног. В возникшей суматохе Прэлю удалось бежать. Проведя ночь в лесу, он спрятался в сарае на ферме своего дяди—бургомистра.

Однако спасся только он один. Все остальные были убиты. Вся местность в то время была покрыта снегом. Немцы покрыли трупы досками, которые они взяли в одном из разрушенных домов. Проход по дороге был закрыт, и никто даже не подозревал о случившемся. Все жители деревни думали, что их друзья и соседи увезены в Германию на работы.

10 января 1945 года немцы эвакуировали деревню Банд, а на следующий день туда вошли английские войска. Бургомистр, который знал правду от своего племянника, посетил английского командира и попросил его прийти на место преступления. Когда были убраны доски и снег, закрывавшие тела, был обнаружен 31 труп. Все они имели пулевые раны у основания черепа.

Это преступление было совершено в знак репрессий. В сентябре 1944 года, когда немцы в первый раз были в Банде до их отступления на восток под нажимом союзников, трое из них было убито в соседних лесах. Немецкий офицер, лейтенант Шпаан, живший в деревне в то время, когда произошла бойня, сказал хозяйке дома, что «непо-

средственно от Гиммлера» получен приказ о казни 30 человек в качестве репрессии за трех немцев, убитых в сентябре бельгийскими бойцами движения сопротивления.

Это, несомненно, было правдой, потому что после ухода немцев бургомистр обнаружил на дверях сарая за кафе «Де ла Пост» надпись, сделанную мелом: «Это месть за героев, убитых террористами в сентябре». Не было сделано никаких попыток обнаружить этих «террористов», не было никакого подлинного следствия. 33 молодых бельгийца были выбраны наудачу и убиты без суда после допроса, проведенного лишь для проформы.

Вернемся, однако, к Франции. Хотя французские силы сопротивления состояли в большинстве из организованных воинских частей различной численности, получавших по своим собственным каналам приказы от командующих регулярными войсками, несомненно, что в первые недели после высадки союзников в Нормандии имели место диверсии и засады, организованные отдельными лицами и небольшими группами, которых немцы имели право считать партизанами. В случае поимки этих бойцов маки германский военный суд мог приговаривать их к смертной казни.

Этого, однако, не делалось. Чаще всего их сначала подвергали жестоким пыткам, а затем убивали без суда.

В Радезе буквально накануне освобождения этого города немцы сначала пытали, а затем расстреляли из автоматов 30 взятых ими в плен бойцов маки, причем, спеша прикончить их, немцы разбили им головы большими камнями.

Много бойцов маки было убито гестаповцами в лесу Ашер. Позднее их тела были найдены, и полицейский комиссар По представил об этом отчет. У некоторых трупов были переломаны руки и ноги, на ногах были обнаружены глубокие раны, причиненные, видимо, веревками, врезавшимися в тело.

Двое юношей, раненных в стычке с германскими войсками в Провансе, были вытащены из больницы в Ниме, где их лечили, и расстреляны. Их тела были изуродованы, а на шее были повешены дощечки с надписью: «Так карают французских террористов».

В течение августа 1944 года, когда немцы быстро отступали из Северной Франции, число их зверств продолжало расти. 30 августа, во второй половине дня, часть дивизии

«Адольф Гитлер» прибыла в деревню Таво департамента Эн. Патруль направился к дому местного руководителя сил сопротивления по фамилии Можан. Дверь открыла его жена, в которую солдаты сейчас же выстрелили, ранив ее в бедро и повредив челюсть. Затем они втащили женщину в кухню, где на глазах ее пяти малолетних детей, один из которых был еще младенец, сломали ей руку и ногу, облили керосином и подожгли. Затем детям сказали, что если они не укажут, где прячется их отец, их расстреляют. Дети отказались говорить, после чего немцы заперли их в подвал, полили пол керосином и перед уходом подожгли дом. Пожар был потушен, и детей спасли. Об этом зверстве рассказал старший мальчик, которому было 9 лет.

Было много и других случаев репрессий, направленных против близких родственников людей, сражавшихся в частях французских сил сопротивления. В Ойона однажды ночью исчез юноша 18 лет, брат которого был в отряде маки. Через три дня его страшно изуродованное тело было найдено в Съеже. У него были отрезаны нос и язык, на всем теле были следы ударов, а на ногах видны порезы. Рядом с ним лежали тела еще четырех юношей, до того изуродованных, что невозможно было их опознать. Ни на одном из трупов не было следов огнестрельных ран, все пятеро явно умерли от пыток.

В Прэле, на юге Франции, отряд эсэсовцев летом 1944 года пришел на ферму, предполагая, что там скрываются два бойца маки. Последних там не оказалось. Не найдя их, эсэсовцы схватили фермера и его жену. Они застрелили мужа, изнасиловали жену, затем убили ее, а трехлетнего сына сначала подвергли пыткам, а затем распяли на воротах фермы.

Другой германский отряд в качестве репрессий за разрушение железнодорожного пути убил в Аске 77 человек, в том числе 20 служащих французских государственных железных дорог. Они были выбраны произвольно и не имели никакой непосредственной связи с инцидентом, вызвавшим репрессии. Среди жертв были удалившийся от дел предприниматель 74 лет и мальчик 15 лет. Вишійское правительство официально сообщило об этом преступлении фельдмаршалу фон Рундштедту, командовавшему в то время войсками в Северной Франции. Рундштедт ответил: «Население Аска несет ответственность за последствия

своего изменнического поведения, которое я могу лишь сурово осудить».

Генерал Берар, возглавлявший французскую миссию при германской комиссии по перемирию, сообщил ее председателю генералу Фоглю о неудовлетворительном ответе фон Рундштедта. Он указал, что за время с 10 октября 1943 года по 1 мая 1944 года жертвами подобных зверств пали свыше 1200 человек¹ и что эти репрессивные меры коснулись главным образом невинных. Репрессиям подвергались люди, только лишь подозреваемые в связях с маки, причем не делалось никаких попыток выяснить, были ли эти предположения хоть сколько-нибудь основательными.

В отношении преступления в Аске, которое, повидимому, совершенно не обеспокоило германского главнокомандующего, генерал Берар указал, что 86 невинных людей заплатили своей жизнью за покушение, которое не стоило жизни ни одному немецкому солдату. Этот протест был категорически отвергнут.

На следующий день после высадки союзников в Нормандии значительный отряд французских сил сопротивления напал в Тюлле на французские вишийские войска, которым было поручено поддерживать порядок в данном районе. После боя, продолжавшегося целый день, французские силы сопротивления заняли почти весь город. Вскоре на помощь вишийскому гарнизону, находившемуся в тяжелом положении, прибыли германские танки. Они вошли в город, оставленный к тому времени отрядом французских сил сопротивления.

Немецкий командир решил применить репрессии. Поскольку французские силы сопротивления отошли, не оставив ни одного пленного, жертвами репрессии явились гражданские лица—всего 120 человек. Ниже приводится выдержка из официального доклада.

«Жертвы были взяты без следствия и допроса. Среди них были рабочие, студенты, преподаватели, ремесленники и торговцы. Было даже несколько милиционеров² и лиц, завербованных в войска СС. 120 тру-

¹ Это было до бойни в Орадур-сюр-Глан. После высадки союзников в Нормандии количество зверств значительно возросло.

² Милиция—добровольное полицейское формирование, наврбованное вишийским правительством для сотрудничества с СД и гестапо.

пов, повешенных на балконах и фонарных столбах улицы Авеню де ла Гар на протяжении 500 метров, представляли собой ужасное зрелище, которое надолго останется в памяти несчастного населения Тюлля.

Кампания против французского движения сопротивления в Центральной и Юго-Западной Франции усилилась в апреле и мае 1944 года. Готовясь к вторжению союзников в Нормандию, отряды маки постоянно нападали на германские коммуникации. Верховное командование публиковало приказы, разрешая органам, ответственным за внутреннюю безопасность, принимать любые необходимые, по их мнению, меры, чтобы сломить сопротивление французского народа.

Для выполнения этой задачи в распоряжение немецкого генерала, командовавшего Лиможским военным округом, была передана танковая дивизия СС «Рейх».

Поймать бойцов маки было трудно. Снабжение не было для них проблемой, и они знали местность, как свои пять пальцев. Бойцы выходили из своих тайных убежищ только для молниеносного налета на вражеский обоз или лагерь, а затем снова скрывались. Поэтому немцы сочли более легкой задачей применять репрессии против безвинных людей. За каждую успешную операцию маки немцы мстили местному населению сельских районов Франции.

Дезертир из дивизии «Рейх», служивший в ней в эти месяцы, кратко рассказал о некоторых из зверств:

«Во время таких операций офицеры снимали свои знаки различия, чтобы не быть узанными. Сначала мы очистили местность вокруг Ажена в радиусе 70 километров. Население многих деревень подвергалось обыскам и избиениям, а офицеры насильствовали наиболее молодых женщин. По окончании операции офицеры обыскивали своих солдат и отбирали у них все ценные вещи. Весь скот поступал на снабжение дивизии, поскольку связь с Германией была прервана.

Когда мы проходили через деревеньку из дюжины домов, расположенную в нескольких километрах от Ажена, на нас смотрела из окна женщина примерно лет тридцати. Заметив грузовик, стоявший близ дороги, командир нашей роты спросил женщину: «Есть ли здесь маки?» Она ответила отрицательно. «Тогда



Патриоты, повешенные в Тюлле.

чей же это грузовик?»—«Я не знаю»,—был ее ответ. Без дальнейших слов ее вытащили из дома, раздели, избили дубинками и окровавленную повесили на ближайшем дереве.

Потом наша колонна остановилась перед большим домом, над которым развевался трехцветный флаг. Командир нашей роты открыл огонь по фасаду, и когда хозяин дома вышел на улицу, офицер тотчас выстрелил ему в грудь. Всех обитателей заставили выйти, и пять молодых женщин были увезены в одной из наших машин. Колонна двинулась дальше, причем все солдаты пели и стреляли из винтовок, проезжая через деревню. Выехав из деревни, мы начали стрелять из пулеметов по работающим на полях, их лошадям, коровам и собакам.

Оттуда мы отправились в Лимож, а на следующий день продолжали очищать местность в районе Верхней Вьенны. Убивали все живое на своем пути. Женщин раздевали, насиловали и вешали на деревьях. 6 июня мы прибыли в Сен-Жюньен. В тот же вечер, когда наша рота отправилась на поиски продовольствия, я бежал, так как был не в силах дольше выдерживать подобные зрелища».

6 июня началось вторжение в Нормандию, и вместе с ним увеличилось число операций маки. Чтобы не допустить переброски немецких резервов с юга и юго-запада на помощь войскам на севере, испытывавшим сильный нажим, маки непрерывно атакывали шоссейные и железные дороги, вызывая сильное смятение. Тем временем дивизия «Рейх» продолжала свой поход через Центральную Францию, сея смерть и разрушения.

Примерно в 22 километрах северо-западнее Лиможа, в кантоне Сен-Жюньен, куда дивизия пришла 6 июня, лежит деревня Орадур-сюр-Глан, расположенная на северном берегу речки Глан, недалеко от шоссе Лимож—Ларошфуко—Ангулем.

Орадур-сюр-Глан—довольно большая сельская коммуна департамента Верхней Вьенны. Вместе с прилегающими деревушками Бранд, Лаплан, Бельвю, Ле Репэр, Ла Фоветт и др. ее население в 1936 году достигало примерно полутора тысяч человек. Впрочем, население самой

деревни было много меньше, поскольку большая часть жителей проживала по соседним деревушкам и отдельным фермам.

С начала войны население деревни несколько увеличилось за счет беженцев из Лотарингии и жителей Лиможа, которым жизнь в деревне в военное время казалась легче, чем в городе.

В субботу 10 июня 1944 года Орадур-сюр-Глан был полон народа и очень оживлен. Помимо самих жителей, там было обычное число горожан, приезжающих на воскресенье из Лиможа. Кроме того, поскольку начинался новый срок выдачи табака по карточкам, торговцы из всех районов коммуны приехали в Орадур за свей долей.

Все жители еще сидели за завтраком, когда в 2 часа 15 минут пополудни большая колонна германских войск ворвалась в Орадур со стороны Лиможа и расположилась в нижней части деревни. На солдатах были стальные каски и хорошо всем знакомые желто-зеленые маскировочные накидки, которые носили многие части войск СС. Некоторые машины приблизились к центру деревни и расположились там.

Вскоре по их прибытии глашатай прошел по улицам и зачитал приказ, чтобы все без исключения мужчины, женщины и дети немедленно явились с удостоверениями личности на деревенскую площадь. В это время солдаты обошли все дома в деревне, вывели всех жителей и согнали на площадь. Собрали также работающих на полях, многие были при этом застрелены. В деревню согнали также жителей с отдаленных ферм и соседних поселков.

Случилось так, что в тот день все школьники были собраны для медицинского осмотра в различных школьных зданиях—всего 191 ребенок. Командир эсэсовцев сказал, что опасается стычки и поэтому в целях безопасности всех детей отведут в церковь. После этого заявления все дети и учителя были без сопротивления отведены в церковь. Все, кроме одного. Мальчик, беженец из Лотарингии, уже знакомый с немецкими солдатами, сказал одному из своих приятелей: «Это немцы, я их знаю. Нам будет плохо. Я попытаюсь убежать». Каким-то образом этому мальчику, по имени Роже Годфрен, удалось бежать. Некоторое время он прятался в школьном саду, а затем пробрался в окрестные леса. Спустя 6 часов из всех детей в живых остался он один.

Без четверти три все были собраны на площади: молодежь и старики, инвалиды и калеки, отцы и сыновья, матери и дочери, ученики и учителя, младенцы на руках родителей и в колясках; мэр, нотариус, кузнец, аптекарь, лавочники, ремесленники и крестьяне—не менее 600 человек.

Командовавший отрядом германский офицер предложил мэру назвать 30 заложников, но получил категорический отказ.

К этому времени германские солдаты сомкнули строй и их жертвы были окружены и разделены на две группы. В одну входили женщины и малые дети, в другую—мужчины. Первая группа была отведена под конвоем в церковь. О ее судьбе будет рассказано ниже.

Затем перед мужчинами выступил германский офицер. Он сказал, что получил сведения о наличии в деревне тайного склада оружия маки и что он намерен произвести основательный обыск. На время обыска жители мужского пола группами будут отведены в шесть деревенских амбаров и будут находиться там под охраной. В соответствии с этим люди были разделены на шесть групп, и их развели по шести фермам, принадлежавшим местным жителям.

Из всех людей осталось в живых только пять человек, которые сообщили о судьбе остальных. Предоставим слово одному из них¹.

Ивону Роби в июне 1944 года было 19 лет. Он жил в то время со своими родителями в Басс-Форе в коммуне Орадур-сюр-Глан.

«В группу, запертую вместе со мной в амбаре, входили кузнец Бриссо, кондитер Компен и парикмахер Морльер. Как только мы пришли, немцы заставили нас передвинуть две телеги, загораживавшие проход. Затем, втолкнув нас в амбар, четыре солдата, поставленные у дверей, навели на нас автоматы, чтобы мы не могли бежать. Они разговаривали и пересмеивались, осматривая свое оружие. Внезапно, через пять минут после того, как мы вошли в амбар, очевидно по сигнальному выстрелу с площади, солдаты открыли по нас огонь. Те, кто упал первым, были защищены от новых выстрелов телами тех, кто упал сверху. Я лежал

¹ Нижеследующее показание взято из «Дела Орадур-сюр-Глан» и впоследствии было опубликовано в официальной брошюре «Вражеские преступления во Франции».

плашмя, прикрыв голову руками. Пули отскакивали от стены, близ которой я лежал. Пыль и песок не давали дышать. Некоторые из раненых кричали, другие звали своих жен и детей.

Так же внезапно стрельба прекратилась, и злодеи, ступая по нашим телам, прикончили выстрелами в упор из револьверов тех, кто еще подавал признаки жизни.

В страхе ожидал я своей очереди. Я был уже ранен в левый локоть. Вопли вокруг меня стихли, и выстрелы стали реже. Наконец, воцарилось молчание—тяжкое, угнетающее молчание, нарушавшееся лишь время от времени заглушенными стонами.

Затем солдаты забросали нас всем, что они могли найти,—соломой, сеном, вязанками хвороста, колесными спицами и лестницами.

Однако не все вокруг меня были мертвы. Раненые и те, кто не был ранен, начали перешептываться. Повернув голову, я увидел рядом с собой одного из своих друзей. Он лежал на боку, залитый кровью, и еще корчился в агонии. Неужели и меня ожидает та же судьба?

Послышались шаги—это вернулись немцы. Они подожгли покрывавшую нас солому, и огонь быстро распространился по всему амбару. Я попытался выбраться, но тяжесть лежавших на мне тел мешала движениям. Кроме того, я не мог пользоваться раненой рукой. После отчаянных усилий мне все же удалось высвободиться. Я приподнялся, рискуя получить пулю, но убийцы уже покинули амбар.

Воздух становился удушливым. Вдруг на некотором расстоянии от земли я заметил в стене дыру. Мне удалось протиснуться в нее и спрятаться на соседнем чердаке.

Еще до меня туда пробрались четверо моих друзей—Бруссодье, Дарту, Эбра и Бори. Я заполз под кучу соломы и сухих бобов. Бори и Эбра спрятались за кучей хвороста. Бруссодье притаился в углу. Дарту, у которого были четыре пулевых ранения в ноги, попросил меня подвинуться и дать ему место. Мы лежали, прижавшись друг к другу, и тревожно ждали, внимательно прислушиваясь к каждому звуку.

Увы, наши испытания еще не кончились. Вдруг вошел немец. Он остановился перед нашей кучей соломы и поджег ее. Я затаил дыхание. Мы старались не издать

ни малейшего звука и не двигаться, но пламя начало лизать мне ноги. Поднявшись над Дарту, который не шевелился, я осмелился выглянуть: эсэсовцев не было. В этот момент Бруссодые подошел к нам. Он нашел новый путь для бегства. Я последовал за ним преследуемый пламенем, и очутился на улице около крольчатника, куда только что забрался Бруссодые.

Я влез за ним и, не теряя ни минуты, выкопал яму, в которую и лег согнувшись, а затем закрылся мусором, валявшимся вокруг. Так мы оставались три часа, пока огонь не достиг наконец крольчатника и нас не начал душить дым. Я закрывал голову руками, чтобы защититься от искр, которые падали с крыши и поджигали волосы.

И все же нам в третий раз посчастливилось спастись от огня. Я заметил между двумя стенами узкий проход. Нам удалось подползти к нему и немного подышать свежим воздухом. Однако оставаться долго в таком положении было невозможно. Поэтому мы встали и осторожно пошли к площади. Но нужно было убедиться, что там не оставалось германских солдат. Бруссодые пошел вперед на разведку. Никого не было видно. Мы достигли площади. Осмелимся ли мы перейти ее?

Бросив последний взгляд направо и налево, мы побежали как можно быстрее к кладбищу. Наконец нам удалось скрыться в роще. Мы обнялись—так велика была наша радость, когда мы снова обрели свободу.

Вскоре мы разошлись. Я провел ночь в поле и на следующее утро, примерно в 11 часов, попал к себе домой в Фор-Басс».

Пока шла эта бойня, женщины и дети, которых было около 400 человек, достигли церкви. Здесь были собраны женщины со всей деревни, многие с младенцами на руках или в колясках, и все дети школьного возраста.

Из всех них в живых осталась только одна—г-жа Маргерит Руффанш, уроженка Лиможа, потерявшая в этот день мужа, сына, двух дочерей и семимесячного внука.

Несчастные женщины в течение почти двух часов ждали в битком набитой церкви, все с большей тревогой думая о том, что их ожидает. Г-жа Руффанш рассказала об этом в следующих словах¹:

¹ «Вражеские преступления во Франции».

«Около четырех часов пополудни в церковь вошла группа солдат лет по двадцати. Они внесли ящик и поставили его в центральном приделе близ хоров. С ящика свисали какие-то веревки¹, волочившиеся по земле. Вережки были подожжены, и солдаты ушли. Когда огонь дошел до ящика, последний взорвался, причем поднялись облака густого, черного, удушливого дыма.

Задыхаясь и крича от страха, женщины и дети бросились в другие приделы церкви, где еще можно было дышать. В этот момент под напором людей, охваченных паникой, сломалась дверь ризницы. Я последовала за ними и села на ступеньки, покорно ожидая своей судьбы.

Видя, что эта часть церкви переполнена народом, немцы зверски скосили выстрелами всех, кто успел туда пробиться. Моя дочь была убита рядом со мной выстрелом из ружья. Я обязана жизнью только тому, что, не потеряв присутствия духа, закрыла глаза и притворилась мертвой.

В церкви прозвучал залп. Затем на тела, распротертые на каменном полу, были набросаны солома, вязанки хвороста и стулья. Избежав этой бойни и не будучи раненной, я воспользовалась облаком дыма и спряталась за алтарем. В этой части церкви было три окна. Я подошла к центральному, которое было больше других, и попыталась взобраться на него с помощью маленькой приставной лестницы, которой пользовались для зажигания свечей. Не знаю, как это мне удалось, откуда у меня появились силы. Стекло было разбито, и я прыгнула наружу с высоты более трех метров.

Взглянув наверх, я увидела в окне знакомую мне женщину, которая протянула мне своего грудного ребенка. Затем она сама прыгнула ко мне вниз. Немцы, внимание которых было привлечено криками ребенка, обстреляли нас из пулемета. Моя приятельница и ее ребенок были убиты, и позднее их тела были найдены там, где они упали.

Затем я пробралась в церковный сад, причем по пути была ранена. Там, спрятавшись между грядками гороха, я в тревоге ждала, чтобы кто-нибудь пришел мне на помощь, и пролежала там раненая до пяти часов пополудни следующего дня, когда меня наконец нашли».

¹ Это были запалы.

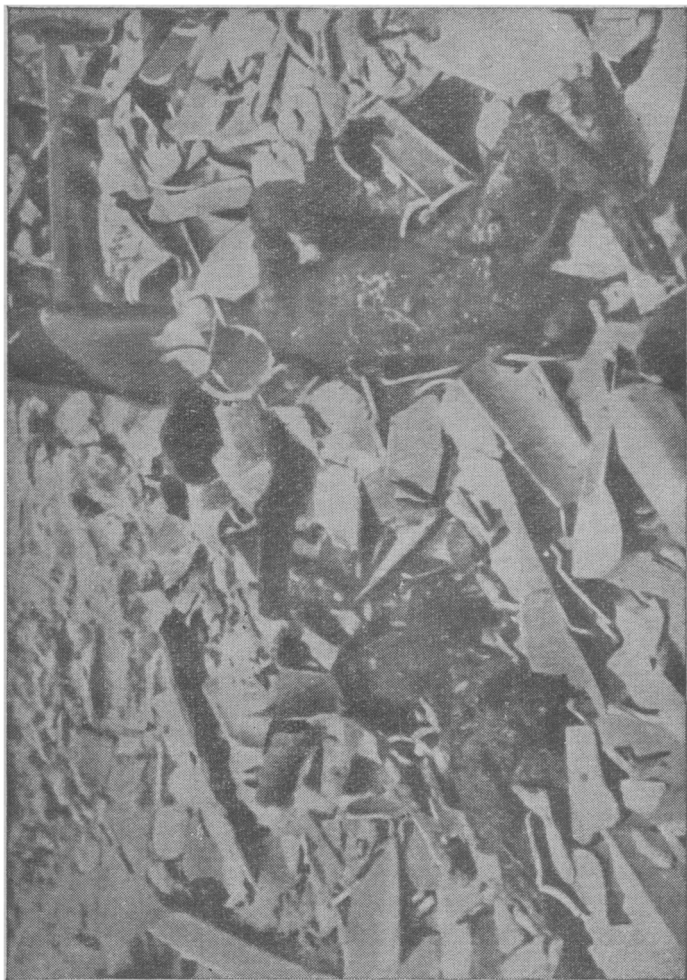
Самые развалины церкви были молчаливым, но суровым подтверждением показаний г-жи Руффанш. Крыша сгорела, значительная часть купола, пощаженого огнем, обрушилась, а почерневшие стены и по сей день остаются страшным свидетельством преступления. Алтарь был уничтожен, а церковный престол сорван с места и изломан.

Позднейший осмотр развалин показал, что многие выстрелы были сделаны немцами внутри церкви, где было найдено много стреляных гильз. Было также подтверждено, что они целились низко, очевидно, с целью вернее поразить детей.

Два или три дня спустя место убийства было осмотрено окружным инспектором министерства здравоохранения. При этом осмотре пол в церкви был еще покрыт пеплом, человеческими останками и ужасными кучами мяса и костей. В этом неопишемом хаосе лежало много полуобгорелых неузнаваемых тел. Инспектор доложил, что у самого алтаря он нашел много костей и обгорелых останков, в том числе ногу ребенка примерно шести лет. В ризнице, куда, по словам г-жи Руффанш, после взрыва бросилось много женщин и детей, было найдено большое число обгорелых останков. В часовне, находившейся в южной части церкви, имелась маленькая дверь, которая вела на кладбище. Многие из тех, кто не был ранен первым залпом, кинулись к этой двери, несомненно, надеясь, что им удастся бежать через нее. Однако дверь, видимо, была заперта, потому что около нее была найдена большая куча пепла и обгорелых тел. В докладе инспектора говорилось, что там было достаточно трупов, чтобы наполнить большой крестьянский фургон. На основании количества обручальных колец и украшений, найденных в церкви, полиция подсчитала, что число жертв достигало нескольких сотен, причем все они сгорели заживо. Люди, жившие на расстоянии двух километров, рассказали, что они слышали вопли со стороны церкви.

Истребив жителей, немецкие солдаты подвергли систематическому разграблению деревню и ее окрестности, а затем уехали.

Германские военные власти так и не выставили никакого официального предлога для этих преступлений. На следующий день после этого массового убийства было лишь без комментариев сообщено, что в ходе военных операций населенный пункт Орадур-сюр-Глан был «превращен в развалины и пепел».



Обгоревшие группы, найденные в церкви в Орадур-сюр-Глан.

Однако представитель службы безопасности, посетивший префектуру департамента Верхней Вьенны, чтобы получить заявление от префекта о его посещении Орадура после преступления, сказал ему, что один немецкий офицер и его шофер, взятые в плен бойцами маки, подверглись нападению женщин, когда их вели через деревню. Женщины связали немцам руки проволокой. Затем их повели на расстрел, но офицеру удалось бежать. Он сразу же вернулся в Лимож, где в качестве репрессии организовал карательную экспедицию против деревни и сам принял в ней участие.

Самое тщательное следствие так и не подтвердило факта подобного инцидента. Более чем сомнительно, что он имел место. Однако ни при каких обстоятельствах он не мог бы оправдать такой страшной мести. Если бы подобный инцидент действительно и произошел, то виновников можно было бы без большого труда обнаружить и привлечь к суду в соответствии с международным правом. Убийство же сотен безвинных людей было преступлением против человечности. Когда стали известны подробности, они привели в ужас весь цивилизованный мир.

Правительство Виши послало доклад об этом преступлении главнокомандующему германскими войсками на Западе, которого просили сообщить факты германскому верховному командованию во Франции ввиду «политического значения, которое они приобретут из-за впечатления, произведенного на весь французский народ». Следствие, проведенное французами, установило, что ни в деревне, ни в радиусе 7 километров не было ни одного бойца французских сил сопротивления и что германская часть, совершившая это зверство, отомстила этому мирному поселку за нападение, предпринятое на одного из немецких солдат на расстоянии 50 километров от этой деревни.

В июне 1940 года Италия вступила в войну на стороне Германии и сражалась до перемирия в сентябре 1943 года, когда в Южной Италии было создано национальное правительство, назначенное королем Виктором-Эммануилом.

После того как в Италии высадились союзнические войска, на севере было создано правительство во главе с Муссолини.

В течение зимы и весны 1943/44 года действия итальянских партизан на всех немецких коммуникациях активизировались. Командующий германскими войсками фельд-

маршал Альберт Кессельринг принял решительные меры для подавления сопротивления.

Об отношении немцев к итальянцам после заключения перемирия сам Кессельринг сказал следующее:

«Италия вступила в войну против воли Германии, и итальянские вооруженные силы нуждались в поддержке германской армии, авиации и флота. Германские армии пришли и сражались за жизненные интересы Италии. Жертвы Германии в Африке, Тунисе, Сицилии и Южной Италии были колоссальны, но мы их принесли. Хотя итальянцы были гораздо более многочисленны, они сражались менее энергично, чем немцы, но мы это терпели ради дружбы с Италией. Это чувство превратилось в ненависть, когда, изменив политике оси, Италия начала партизанскую войну».

Двадцать третьего марта 1944 года во второй половине дня в Риме произошло событие, вызвавшее ужасающие репрессии немцев и усиление террора против гражданского населения оккупированной Италии.

Ежедневно, примерно в три часа, отряд одного из германских полицейских полков проходил обычно по улице Виа-Разелла. В этот день во время прохождения отряда взорвалась бомба. 32 немца были убиты и многие ранены. Вскоре на место взрыва прибыл оберштурмбаннфюрер СД Капплер, который приступил к следствию.

Тем временем об инциденте было доложено по обычным военным каналам в ставку Гитлера, откуда фельдмаршал Кессельринг немедленно получил приказ расстрелять в течение 24 часов по 10 итальянцев за каждого убитого немецкого полицейского. Не было дано никаких инструкций относительно отбора заключенных для проведения этой репрессии.

Через посредство командующего 14-й армией генерала фон Макензена этот приказ был передан военному коменданту Рима генералу Мельцеру с предписанием выяснить, достаточно ли имеется заключенных, приговоренных к смертной казни, чтобы составить необходимое число.

Капплер уведомя командующего немецким гарнизоном, что с целью найти необходимсе число для расстрела ему придется составить список на 280 человек, «достойных смерти»¹.

¹ «totwürdig».

Это определение было весьма растяжимым. В список были включены не только лица, отбывавшие длительный срок заключения, но и многие из тех, кто был арестован якобы за партизанские действия и диверсии, а также все евреи, схваченные в то время органами СД в Риме.

Капплер обошел тюрьму на Виа-Тассо, но не смог набрать достаточное число людей для расстрела. Поэтому он взял из другой римской тюрьмы заключенных, которые ожидали рассмотрения их дел германскими военными судами.

В конце концов было казнено 335 человек. В числе их был старик 70 лет, мальчик 14¹/₂ лет, человек, который был уже оправдан германским судом, и—для ровного счета—55 евреев, из которых ни один не имел связи с партизанами и часть которых даже не имела итальянского гражданства. Жертвы были собраны в Ардеатинских пещерах близ Рима. Казнь была совершена службой безопасности Капплера, поскольку вооруженные силы не пожелали принять в ней участие.

В Венеции в феврале 1947 года на процессе фельдмаршала Кессельринга Капплер описал перед судом расстрел этих несчастных¹. Их ставили на колени по 5 человек, связывали руки за спиной и затем стреляли им в затылок. Всего было 67 групп по 5 человек, и бойня продолжалась весь день. При казни не было медицинского работника, который мог бы удостоверить смерть каждого в группе, прежде чем будет приведена другая. После того как было покончено с последней жертвой, пещера была взорвана, чтобы скрыть все следы преступления.

Немцы никогда даже и не пытались создать впечатление, что большинство этих людей имело какое-то отношение к инциденту со взрывом бомбы. Некоторые из них уже провели долгое время в заключении. Многие жили далеко от Виа-Разелла. Другие вовсе не проживали в Риме, а 55 человек просто имели несчастье родиться евреями.

Взрыв бомбы, организованный против отряда германской полиции, был, конечно, преступлением против оккупирующей державы. Виновников можно было судить германским военным судом и, несомненно, приговорить к смерти. Но

¹ Кессельринг был признан виновным по всем статьям обвинения и приговорен к расстрелу, но приговор был смягчен и заменен пожизненным заключением, а в 1953 году Кессельринг был освобожден «в знак милосердия». Ныне он председатель организации «Стальной шлем».

никто из умерщвленных в Ардеатинских пещерах не был не то что приговорен, но даже судим. Все они были расстреляны в знак репрессий. Слово «репрессия» может иметь широкое толкование, но ни в коем случае нельзя утверждать, что произвольное убийство безвинных жителей становится оправданным, если его назвать репрессией.

Массовое убийство в Ардеатинских пещерах было лишь началом. 17 июня 1944 года фельдмаршал издал новый приказ. Он был составлен самим Кессельрингом и адресован, в частности, 10-й и 14-й армиям, штабу военно-воздушных сил и начальнику СС и полиции в Италии, пост которого занимал генерал Вольф.

Приказ говорил о новых мерах в связи с операциями против партизан. Указывалось, что положение в борьбе с партизанами на итальянском театре военных действий и в особенности в Центральной Италии настолько ухудшилось, что появилась серьезная угроза для действующих армий и их коммуникаций. «Борьба против партизан должна проводиться всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами и с максимальной суровостью. Я окажу покровительство любому командиру, который превысит нашу обычную сдержанность (!) в выборе и суровости методов действий против партизан. В этой связи сохраняет свое значение старый принцип, который гласит, что ошибка в выборе метода исполнения приказа лучше, чем бездеятельность или пренебрежение своими обязанностями».

В приказе далее указывались определенные меры, которые должны быть приняты в случае ареста гражданского лица, связанного с партизанами. Если расстрел 10 итальянцев за каждого немца, убитого гражданским населением, считался «их обычной сдержанностью», то этот приказ был, несомненно, поощрением еще большего террора.

Примерно в то же время Кессельринг опубликовал приведенное ниже обращение к итальянцам.

«Верховный главнокомандующий германскими вооруженными силами заявляет:

До сих пор германские вооруженные силы принимали все меры, диктуемые нуждами войны, корректно и с максимальным учетом интересов населения. Такое дружественное отношение обусловлено взаимностью со стороны населения. Так как ныне отдельные преступные покушения и нападения партизан увеличи-

лись, отношение верховного главнокомандующего германскими вооруженными силами по необходимости должно будет немедленно измениться. Само население будет нести ответственность за последствия такого решения.

Чтобы гарантировать безопасность тыловых районов и коммуникационных линий, я приказываю:

1. Всякий уличенный в хранении оружия и взрывчатых веществ, о которых не уведомлено находящееся вблизи германское командование, подлежит расстрелу.

2. Всякий укрывающий партизан, или оказывающий защиту, или помогающий им одеждой, продовольствием или оружием подлежит расстрелу.

3. Любое лицо, которому что-либо известно о группе повстанцев или хотя бы об одном повстанце, не сообщившее этих сведений в ближайший штаб, подлежит расстрелу.

4. Всякий, кто сообщает противнику или партизанам сведения о местоположении германских командных пунктов или военных сооружений, подлежит расстрелу.

5. Каждая деревня, где будет обнаружено присутствие партизан или где были совершены покушения на германских или итальянских солдат, либо имели место попытки диверсий против военных складов, будет сожжена дотла. Кроме того, все жители мужского пола данной деревни в возрасте старше 18 лет будут расстреляны. Женщины и дети будут интернированы в трудовых лагерях.

ИТАЛЬЯНЦЫ

Благополучие вашей страны и судьба ваших семейств в ваших руках. Как указано в этом приказе, германские вооруженные силы будут действовать справедливо, но без пощады и с такой суровостью, какой будут требовать обстоятельства дела».

Упомянув об этом обращении в следующем, переданном по телетайпу приказе, датированном 1 июля 1944 года, верховный главнокомандующий заявил:

«В моем обращении к итальянцам я объявил, что против партизан будут приняты суровые меры. Это

заявление не должно явиться пустой угрозой... Всякий раз, когда будут получены сведения о значительном числе партизанских групп, известная часть мужского населения данного района будет подвергнута аресту, а в случае совершения какого-либо акта насилия эти люди будут расстреляны... Если из какой-либо деревни будут обстреляны войска, деревня должна быть сожжена, а местные власти публично повешены. Близлежащие деревни должны будут отвечать за повреждения проводов или автомобильных шин».

После такого ясного подстрекательства к убийствам и поджогам в приказе лицемерно говорилось, что грабеж запрещается и что все контрмеры должны быть строгими, но справедливыми, потому что «этого требует достоинство германского солдата».

Германским войскам не требовалось особых поощрений, чтобы они вышли из рамок своей «обычной сдержанности». Десять дней спустя на стенах домов городка Коволо было расклеено следующее объявление:

«Комендант Коволо объявляет:

За каждого раненого участника германских вооруженных сил, будь то военнослужащий или гражданское лицо, будут расстреляны 50 человек, проживающих в том месте, где совершено покушение.

За каждого убитого солдата или гражданского лицо будут расстреляны 100 человек, также проживающих там, где произошел инцидент.

В случае убийства или ранения нескольких солдат или гражданских лиц все жители мужского пола будут немедленно расстреляны, населенный пункт подожжен, женщины интернированы, а скот конфискован».

Германские войска не проявляли медлительности в исполнении таких приказов. В течение августа против итальянцев был проведен ряд ужасающих репрессий.

Однажды утром неизвестными были ранены в Борго-Тичино четыре немецких солдата. Германские войска, расставив предварительно заставы на улицах деревни, немедленно приняли репрессивные меры. В трактире была в полном разгаре партия в кегли; здесь присутствовали не только местные жители, но и много людей из соседней деревни.

Немцы окружили трактир, арестовали многих мужчин и выбрали из них для расстрела 13 человек в возрасте моложе 30 лет. Один итальянский офицер попробовал было вмешаться, но ему удалось только добиться освобождения двух чернорубашечников, оказавшихся среди намеченных жертв. Затем арестованные были расстреляны. В числе их был один фашист, вернувшийся раненым с русского фронта и оказавшийся в деревне случайно—пришел повидаться с невестой. Деревня была разрушена и сожжена.

Два дня спустя командир германских войск в Брешии послал отряд фельджандармерии¹ в Бовеньо. Были подозрения, что там, в гостинице «Брентана», происходит тайное совещание партизан. Когда отряд подошел к окраине деревни, его обстреляли, причем три человека были ранены.

Отряд вышел на деревенскую площадь и в порядке репрессии открыл беспорядочный огонь по находившимся там жителям, хотя никто из тех, кто был на площади, не мог принимать участия в засаде, устроенной немецким солдатам несколькими минутами раньше. При стрельбе были убиты, по меньшей мере, 6 человек, другие были ранены. Среди убитых были члены республиканской национальной гвардии и республиканской партии Муссолини. Оба—сторонники немцев.

Несколько домов, включая местную кооперативную лавку и булочную, было подожжено. Продовольствие, находившееся в жилых домах, магазинах и гостиницах, было конфисковано. В течение ночи еще 8 итальянцев были застрелены немецкими солдатами, которые оставались в деревне до рассвета. Было твердо установлено, что, за исключением двоих, все жертвы являлись простыми мирными гражданами, никак не связанными с партизанским движением.

В то время в германских войсках в Италии служило некоторое число русских. Четверо из них дезертировали из своих частей, расквартированных в районе Виченцы, и присоединились к партизанам в горах Позины. Жители деревни Позина не были об этом осведомлены; тем не менее немецкий командир русской роты в Мавано решил возложить на них за это ответственность. Он издал распоряжение, в котором предупредил жителей Позины, что, если четверо русских не вернуться к 17 августа в свою часть, деревня будет обстреляна из орудий, а затем сожжена. Этот офицер взял

¹ Полевой полиции.

также 20 заложников из Позины и соседнего района Фузинэ. Среди них были приходский священник, комиссар-префект и секретарь муниципалитета.

К вечеру 17 августа русские дезертиры не вернулись, и деревня в течение 20 минут подвергалась артиллерийскому обстрелу. Через 7 дней многие дома были подожжены. Около 100 домов было уничтожено, 120 семей потеряли все свое имущество и остались без крова.

Другое преступление в Виченце было совершено несколько дней спустя в деревушке Валли-ди-Пазубио, где один из жителей нашел у себя на работе письмо, написанное по-русски. Поскольку он не знал русского языка, то дал его прочесть другому—солдату-русскому. Письмо, по-видимому, было написано одним из русских, служивших в германских войсках, находящихся поблизости, и содержало призыв к некоторым из его товарищей дезертировать и присоединиться вместе с ним к партизанам.

Ни в чем не повинный итальянец был арестован, а его дом сожжен дотла. В тот же день была подожжена соседняя деревня Кортьяна. 13 семей остались без крова, 15 мужчин были уведены, и судьба их осталась неизвестной.

1 сентября 1944 года в районе Падуи близ Монтекья-ди-Кроссара произошло столкновение между тремя немецкими солдатами и таким же числом партизан. Два немца были убиты, и на деревню обрушились репрессии. Все дома были подвергнуты обыску, причем немцы забрали все сколько-нибудь ценное—одежду, постельные принадлежности, радиоприемники, пишущие машинки, велосипеды и скот.

Затем немецкие солдаты подожгли разграбленные ими дома. Таким образом были полностью уничтожены 40 домов. В одном из них были найдены обгорелые останки молодой женщины и ребенка трех лет. Было установлено, что женщина и ребенок были сначала застрелены. Среди жертв были девочка 9 лет и старуха 84 лет.

Такой террор царил в провинции Венеция в течение всего августа. Но, пожалуй, самая страшная из всех репрессий имела место в Торлано, близ Удине, после ожесточенной стычки между немецкими войсками и партизанами недалеко от окраины деревни.

Кое-кто из работавших в поле укрылся перед началом боя в самой деревне, куда затем вошли немецкие войска. Немцы нашли нескольких итальянцев, прятавшихся в подвалах. Всех их убили, а дома, предварительно разграбив,

подожгли. Было убито 32 человека—мужчин, женщин и детей. 10 человек—члены семьи де Бортоли—были застрелены дома: глава семьи Вирджинио де Бортоли, его сын Сильвано, искалеченный на войне, второй сын, дочь и 6 внуков в возрасте от 2 до 14 лет. Было застрелено еще несколько маленьких детей. Многие трупы обгорели, а некоторые из них даже невозможно было опознать.

Эти зверства вызвали глубокое возмущение в Северной Италии, и сам дуче горько жаловался по этому поводу д-ру Рану, послу и полномочному министру Германии при итальянском республиканском правительстве. По получении письма от дуче д-р Ран направил копию Кессельрингу, который ответил, что в будущем дела виновных будут разбираться военным судом.

Репрессии не могут применяться, пока не произведено расследование и не предприняты действенные попытки задержать лиц, ответственных за инциденты, оправдывающие предпринимаемые репрессии. Эти репрессии не должны быть чрезмерными и превосходить степень насилия, совершенного противником.

Все вышеперечисленные репрессии были учинены произвольно, не было предпринято никаких мер для обнаружения виновных, и по своей суровости они превосходили все разумное или необходимое. По существу это не были репрессии в том смысле, в каком они понимаются специалистами международного права. Это были зверские акты слепой мести, чинившиеся в нарушение установленных правил ведения войны и оскорблявшие всякое чувство гуманности¹.

Как только германские армии вторглись на польскую территорию, они совершили целый ряд зверств в отношении гражданского населения. В первые же четыре дня войны германские войска армейской группы «Юг» расстреляли или сожгли в Сосновце 200 польских граждан. Немцы вступили в деревню, не встретив никакого сопротивления, так как польских солдат там уже не было. В безоружных жителей стреляли без разбора, некоторых вытащили из домов и расстреляли на деревенской площади. Синагога была сожжена дотла, и 12 евреев были рас-

¹ См. Oppenheim, International Law, vol. II, section 253, 6th ed., 1940, Ed. Lauterpacht.

стреляны, после того как их заставили вырыть себе могилу.

На следующий день другими частями того же немецкого соединения в Каетановце было расстреляно около 80 поляков. Немцы открыли огонь по домам, подожгли их, а затем расстреливали всех, кто пытался спастись.

Спустя два дня в Пинчове было расстреляно или сожжено еще 300 поляков. Здесь войска поджигали дома ручными гранатами. Так было уничтожено 500 домов. Это варварство было совершено без всякого на то повода. Польские войска ушли еще до вступления немцев, а местное население не оказало им никакого сопротивления.

10 сентября в другой деревне было расстреляно или убито ручными гранатами 112 поляков, в том числе много детей. Немцы вступили в эту деревню в субботу, не встретив сопротивления. В воскресенье утром в поле появилось несколько польских солдат, приближавшихся к деревне; они были застрелены еще до того, как успели подойти к ней.

После этого немцы согнали многих жителей к амбару, заставили встать на колени, поднять руки вверх и затем расстреляли их. Трупы были сложены в амбар, затем сожжены. Впоследствии в золе было найдено 112 черепов.

В этот же период 160 польских граждан—мужчин, женщин и детей—было расстреляно или сожжено в Клеповце. Вступив туда, немцы согнали на поле многих жителей и обстреляли их, убив около 30 человек. Затем они загнали еще одну группу граждан в дом, заперли и подожгли его, расстреливая всех, кто пытался спастись через окна. За два или три дня пребывания немецких солдат в этой деревне такие случаи повторялись неоднократно, и когда они оставили ее, было насчитано 160 убитых; деревня была сожжена дотла, за исключением одного крестьянского двора.

Подобные преступления немецкие войска совершали ежедневно по мере продвижения через Польшу. Полный отчет о них представлял бы собой бесконечный перечень грабежей, поджогов и убийств.

Бои закончились через несколько недель. Польская армия капитулировала, и было создано «генерал-губернаторство» во главе с Гансом Франком. Основной целью было—превратить Польшу в колониальное владение Третьей империи; в соответствии с этим и осуществлялась политика террора, голода, рабского труда, выселения и истребления.

С сентября 1939 года и до начала 1945 года в Польше было совершено 2332 казни с числом жертв 34 098 человек. Из них 8 тысяч было убито в последние четыре месяца 1939 года, когда германская полиция при поддержке местных немцев начала уничтожение польского населения. Из общего числа казней в 57 случаях из ста жертвами были мужчины, в 20—мужчины и женщины, в 12—мужчины, женщины и дети, остальные случаи не выяснены. Некоторые из казненных были приговорены к смерти германским военным судом в соответствии с международным правом, однако 84 процента были истреблены без следствия, суда и приговора.

Многие убийства были совершены во время карательных налетов на города и районы Польши, причем оккупирующая держава называла это «усмирением». Метод «усмирения» района сводился к расстрелу определенного числа жителей.

Налеты обычно совершались эсэсовцами или агентами гестапо. Вот что рассказывается об одном из них, совершенном 17 сентября 1939 года в Шрода:

«Агенты гестапо, окружив целый квартал, начали облаву. Они хватали также прохожих на прилегающих улицах. В результате 18 человек было арестовано и загнано в тюремный двор. Затем немцы взяли из тюрьмы еще 21 заключенного и всех обреченных повели через город к месту казни. Им было приказано скрестить руки на затылке. Когда их вели по городу, гестаповцы избивали их и глумились над ними».

По прибытии на место казни арестованных заставили голыми руками вырыть большую яму. Это была их могила. Когда могила была готова, эсэсовцы заставили своих жертв построиться на ее краю и кричать «хайль Гитлер». Люди были скошены пулеметным огнем. Конечно, не все были убиты наповал; каратели прикончили лопатами еще проявлявших признаки жизни, сбросили все трупы в яму и приптапали их в уровень с землей.

Жертвы массовой казни в районе Билгориц были откопаны в 1944 году, и судебно-медицинская экспертиза, которая произвела эксгумацию, составила следующий доклад о состоянии трупов: «Перед убийством обреченных связали толстой проволокой. Несколько узлов было сделано на их предплечьях и запястьях... Их избили и изуродовали самым

жестоким и зверским образом. Об этом свидетельствуют в ряде случаев изуродованные лица или сломанные верхние и нижние челюсти; в одном случае на черепе обнаружена большая трещина».

Во время другого налета с целью «усмирения», в районе Радонско, местное население подверглось репрессиям якобы за помощь партизанам. Очевидец рассказывает, что немцы вытащили взрослых и детей из трех домов, загнали в сарай и открыли по нему сильный пулеметный огонь. Сарай загорелся, и находившиеся там люди сгорели заживо. Затем немцы пошли в другой крестьянский двор. О том, что произошло в этом дворе, рассказал юноша, единственный оставшийся в живых,—Владислав Петрас¹:

«Мои родители умоляли пощадить нас, но они не обратили на это никакого внимания и стали стрелять. При первых же выстрелах мы все упали на пол, но немцы продолжали стрелять. Одна пуля попала мне в левый бок. Когда немцы оставили дом, я решил бежать. Мои родители, братья и сестры лежали недвижимо на полу, только трехмесячная племянница Тереза еще кричала в своей люльке. Мне удалось добраться до леса и спрятаться в кустах, откуда я видел, как догорал наш дом. Во время этого налета я лишился отца, матери, бабушки, двух братьев и трех сестер. Моя маленькая племянница Тереза сгорела заживо. Наша деревня состояла всего из четырех крестьянских дворов. Все они были уничтожены огнем, и все жители, кроме меня, были либо убиты, либо сожжены».

Такого рода зверства были обычным явлением в 1939 году, когда нацисты начали осуществлять свой план «истребления» польского населения.

Гитлер указывал, что первоочередной задачей его программы является «уничтожение Польши». В речи, произнесенной 22 августа 1939 года, он заявил, что его цель— истребление живой силы, а не захват какой-то определенной географической линии... Мы прежде всего займемся уничтожением Польши».

¹ Владислав Петрас давал свои показания перед Центральной комиссией по расследованию германских военных преступлений в Польше. Они опуббликованы в официальном докладе этой комиссии, озаглавленном «Германские преступления в Польше», том I (Варшава, 1946 г.).

Это страшное истребление продолжалось на протяжении пяти долгих лет. Давать подробный отчет об этом было бы утомительно и слишком тяжело. Достаточно привести рассказ очевидца о массовой казни, состоявшейся в ноябре 1941 года, чтобы дать представление обо всех таких казнях:

«В четыре часа утра гестаповцы вошли в мою камеру и сказали, что явились за мной. Мне надели наручники, посадили в машину вместе с двумя другими заключенными и сковали наши ноги. Проехав некоторое расстояние, мы углубились в лес. Там нас расковали, вытащили из машины и повели на лужайку, где уже были вырыты общие могилы. Вокруг сидело много евреев, женщин, детей и матерей с младенцами на руках. Гестаповцы приказали евреям раздеться, начав с тех, кто находился у могилы, которая была больше. Затем им приказали спрыгнуть в нее. Колесившихся избивали и насильно стаскивали туда. На дне могилы был насыпан слой негашеной извести. Некоторые женщины спрыгнули с младенцами на руках, другие сначала бросили детей, а затем прыгнули сами. Нам, трем заключенным, было приказано собрать обувь и одежду евреев. Гестаповцы отобрали все ценные вещи—часы, кольца и другие драгоценности—и свалили их в кучу. Затем был отдан приказ, чтобы больше никто не раздевался. Могила была набита почти до отказа. Тем временем я и два моих товарища продолжали собирать разбросанную одежду, ценности, одеяла и другие пожитки. Это продолжалось приблизительно до полудня, когда подъехал грузовик с четырьмя большими баками. Затем немцы приспособили небольшой моторный насос и стали качать в могилу содержимое этих баков—кажется, воду...¹ На следующее утро могила была наполнена».

Чудовищность германских военных преступлений в Польше трудно себе представить, если не понять цели, поставленной правительством Германии в отношении этой страны.

¹ Остальная часть рассказа очевидца настолько ужасна, что ее невозможно напечатать.

Директива Ганса Франка, принявшего на себя управление этой несчастной страной, гласила, что экономическая, культурная и политическая структура Польши должна быть превращена в кучу щебня. Он отдавал себе полный отчет в истинном смысле своих инструкций, ибо в дневнике записал: «Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, докладываю, что я уничтожил еще 150 тысяч поляков», то он бы ответил: «Прекрасно, если это было необходимо».

В глазах нацистов военная необходимость служила достаточным оправданием для нарушения любых законов войны¹.

Преступления против законов и обычаев войны и против человечности, совершенные немцами в Польше, не имеют никакого оправдания. Они явились естественным порождением нацистской идеологии и нацистского планирования и поставили их вдохновителей вне рамок европейской цивилизации.

Когда в июне 1941 года Гитлер напал на Россию, давно известный лозунг германского империализма «Дранг нах Остен» был снова воскрешен. «Если желательно приобрести новую территорию,—писал Гитлер в «Майн кампф»,—это может быть сделано за счет России. Новая империя должна следовать путем, проторенным рыцарями Тевтонского ордена, чтобы на сей раз приобрести землю для германского плуга с помощью германского меча». Пшеница, уголь и нефть на Украине и на Кавказе, никель на Кольском полуострове—все эти важнейшие материальные ресурсы были налицо, а Германия в них остро нуждалась.

То, что нацистская агрессия началась не на Востоке, заявил Гитлер своим генералам на совещании в ноябре 1939 года, объяснялось лишь «силой событий». Однако основная цель попрежнему находилась там; момент достижения ее был лишь отсрочен.

Война против русских велась с большей жестокостью и варварством, чем где бы то ни было. На ряде судебных

¹ «Kriegsräson geht vor Kriegsmanier», что означает: «Во время войны необходимость оправдывает любые средства». См. O p p e n h e i m, International Law, vol. II, p. 184, 6th ed.

процессов военных преступников немецкие юристы утверждали, что Гаагские конвенции не применимы к войне между СССР и Германией. Довод, который выдвигался в подтверждение этого и который поддерживался двумя мало кому известными русскими теоретиками международного права, гласил, что на протяжении многих лет СССР официально не признавал никакого естественного права, имеющего международную силу, на том основании, что это право представляет собой «едва замаскированное орудие капиталистической экспансии».

Однако все современные русские юристы подчеркивали как реальность международного права, так и необходимость обязательного применения его норм.

Далее, ни одно государство никогда не считало, что СССР вправе отказаться от каких-либо обязательств царского правительства и особенно от обязательств по Четвертой гаагской конвенции, которая предусматривает специальную форму уведомления об отказе от нее. Такого уведомления не поступало правительству Нидерландов, являющемуся хранителем списка участников, и как раз в 1939 году это правительство разослало всем заинтересованным странам, в том числе и германскому рейху, список участников этой конвенции, в котором числился и СССР. Этот список никем никогда не оспаривался.

Когда вопрос об этом был поставлен перед Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге, он истолковал его следующим образом:

«Утверждают, что Гаагская конвенция неприменима в данном случае, учитывая общее положение об участии статьи II Гаагской конвенции 1907 года. По мнению трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения сухопутной войны, изложенные в этой конвенции, несомненно, представляют собой шаг вперед по сравнению с существовавшим международным правом в период их принятия. Однако в конвенции ясно говорится, что это была попытка пересмотреть общие законы и обычаи войны, которые она, таким образом, признавала в то время как существующие. Но к 1939 году эти правила, изложенные в указанной конвенции, были признаны всеми цивилизованными государствами и рассматривались как провозглашающие законы и обычаи войны».

Приказ о выполнении плана «Барбаросса» от 13 мая 1941 года, разосланный германским командующим за месяц до начала вторжения в Россию, не оставил у них никакого сомнения насчет методов, которыми должна быть покорена захваченная территория. Этот приказ предусматривал, что всякие так называемые преступления граждан вражеской стороны должны беспощадно пресекаться, подозреваемые должны предстать перед офицером, от которого будет зависеть решение об их расстреле или о применении массовых репрессий против жителей местностей, где действуют партизаны.

Этот приказ толковался весьма свободно, и был даже такой случай, когда на основании его была расстреляна шестнадцатилетняя русская девушка за пение антигерманской песни.

С момента вторжения германских войск в Россию и вплоть до изгнания последнего нациста, от русско-германской границы и до Смоленска, от Смоленска до Сталинграда, от Сталинграда до Крыма и дальше до Харькова,—всюду, где только ступала нога германского солдата или эсэсовца, совершались тысячи преступлений невообразимой жестокости против стариков, женщин и детей. Обстоятельства убийств были самые разнообразные, но все они были тщательно организованы и исходили из высших сфер.

На Нюрнбергском процессе один из русских обвинителей заявил суду, что когда были вскрыты могилы, в которых были погребены жертвы немцев, и когда судебно-медицинская экспертиза обследовала трупы, то она установила, что метод убийства был везде одинаков, хотя могилы часто находились друг от друга на расстоянии тысяч километров, а казни осуществлялись самыми различными людьми. Раны неизменно наносились в одни и те же места.

Но это не все. Меры предосторожности, предпринимавшиеся с целью замаскировать массовые могилы под противотанковые рвы или траншеи, были тоже одинаковыми. Когда жертвы прибывали на место казни, им всегда приказывали раздеться и лечь лицом вниз в уже приготовленные могилы. Как только первый ряд людей был расстрелян, его покрывали слоем негашеной извести и заставляли вторую группу жертв также раздеться и лечь поверх этого слоя. Независимо от того, где это происходило, в болотах

ли Белоруссии или у подножья Кавказских гор, метод убийства был одинаков.

Это поголовное истребление не являлось результатом эксцессов недисциплинированных германских частей или воинских соединений и еще в меньшей степени отдельных офицеров или солдат, а было продуманной политикой гитлеровского правительства, разработанной до начала военных действий и осуществлявшейся в порядке повиновения приказу.

Для претворения в жизнь этой политики, для осуществления этих планов было необходимо, чтобы нацисты поощряли самые низменные инстинкты своих солдат и подстрекали их к убийству ни в чем не повинных граждан и к самому жестокому и насильническому обращению с ними. Для этого надо было также подготовить специальные части, которые выполняли бы эту работу, и широко оповестить их, что подобные преступления будут оставаться безнаказанными.

Поставленная задача была настолько отвратительна и возмутительна, что выполнять ее могли лишь люди, лишенные всякого чувства жалости и совести. В Германии перед войной много было сделано, чтобы освободить немецкий народ от «унизительных ограничений, навязанных химерой совести и морали», как выразился Гитлер. Но этого было недостаточно. Поэтому были созданы эйнзацкоманды, состоявшие из морально разложившихся людей, которые сопровождали немецкую армию в России и выполняли за нее грязную работу.

Согласно приказу, изданному Гитлером, немецкий солдат не мог быть привлечен к военному суду за преступления, совершенные против советских граждан. В случае необходимости он мог быть наказан своим командиром.

Командирам на местах часто давались широкие полномочия для принятия массовых репрессивных мер против гражданского населения. Они могли сжигать деревни и города, забирать продовольствие и скот, арестовать любого гражданина и выслать его в Германию для принудительного труда.

Как уже указывалось, любая форма репрессии, санкционированная международным правом, может быть применена лишь после того, как все другие средства добиться удовлетворения исчерпаны, а также после консультации с высшими органами. Никакие репрессии не могут пред-

приниматься по решению младшего командира. Однако с самого начала русской кампании нацистские командиры на местах получили самые широкие полномочия.

Германское верховное командование постоянно поддерживало убеждение, что преступления против советских граждан не повлекут за собой никаких дисциплинарных мер в отношении исполнителя. Когда Гитлеру стало известно, что некоторые участники вермахта были привлечены к ответственности за зверства, учиненные во время операций против партизан, он предложил Кейтелю издать по этому вопросу новую директиву.

В этой директиве говорилось, что если против партизан на Востоке не будут проводиться самые жестокие репрессии, то очень скоро угроза может достигнуть таких размеров, что с ней трудно будет бороться. «Поэтому войска должны считать своим правом и долгом использовать в этой борьбе любые неограниченные средства, даже против женщин и детей, если только это нужно для обеспечения успеха... Ни один немец, участвующий в военных действиях против партизан или сочувствующих им, не должен нести никакой ответственности за акты насилия и не должен подвергаться никаким дисциплинарным или судебным наказаниям». Эта директива давала германскому солдату в России полное право насиловать и убивать, и он широко воспользовался им.

Все приказы такого рода были разосланы в части, а командиры на местах издали собственные инструкции. 12 июня фон Манштейн в качестве приложения к одному из своих оперативных приказов издал директиву о поведении войск в России. Он предлагал принимать беспощадные меры против «большевистских подстрекателей, партизан, саботажников и евреев».

В германской армии были организованы курсы обучения беспощадным мерам. Ефрейтор, служивший в специальном батальоне «Альтенберг» и принимавший активное участие в зверствах, совершенных германскими войсками в Харькове и его окрестностях, заявил, что на этих курсах он слушал лекции старших офицеров тайной военной полиции. Они говорили, что русские—это люди низшей расы и что большинство их должно быть уничтожено, а оставшиеся будут использованы немцами в качестве рабов. «Такие указания,—продолжал ефрейтор,—соответствовали политике германского правительства в

отношении народов оккупированных территорий. И следует признаться, что эта политика проводилась на практике всеми военнослужащими, в том числе и мной».

Было также организовано специальное обучение лиц, отобранных для наблюдения за всей машиной смерти в лагерях истребления. В одном лагере в период, когда там находился интернированный русский гражданин по фамилии Манусевич, давший эту информацию, устраивались специальные десятидневные курсы по сжиганию трупов. Слушателями этих курсов были офицеры и лица старшего сержантского состава. Главным инструктором был полковник Шаллок, у которого был большой опыт в таких делах. На месте сжигания трупов он объяснял, как происходит процесс и как установить костедробильную машину.

Русских детей использовали даже в качестве живых мишеней для стрелковой подготовки гитлеровской молодежи. Француженка по имени Ида Вассо, заведовавшая общежитием для престарелых французов во Львове в период немецкой оккупации, заявила, что она была очевидцей таких фактов. Ее заявление было тщательно проверено, и факты подтвердились. В докладе комиссии о результатах расследования указывалось, что во Львове немцы «не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых просто убивали на месте, а детей отдавали гитлеровской молодежи в качестве мишеней для упражнения в стрельбе».

Немцы вступили в Львов 30 июня 1941 года и на следующий же день начали свои зверства. После убийства сотен жителей они устроили выставку убитых. Изуродованные тела, в большинстве случаев женщин, были разложены вдоль стен домов. В центре лежал труп женщины, к груди которой германским штыком был пригвожден ее ребенок.

Дети использовались как живые мишени не только гитлеровской молодежью. В одной деревушке, в районе Красной Поляны, пьяные немецкие солдаты поставили двенадцатилетнего мальчика на крыльцо и открыли по нему огонь из автоматов. Мальчик свалился, изрешеченный пулями.

В другой деревне германские солдаты связали руки двадцатипятилетней беременной жене русского солдата и изнасиловали ее. Затем они перерезали ей горло и прокололи штыком грудь.

В Ростове пятнадцатилетний подросток забавлялся во дворе своими ручными голубями. Проходившие мимо немецкие солдаты зашли во двор и забрали голубей. Когда мальчик стал возражать, солдаты потащили его на угол улицы, застрелили и сапогами до неузнаваемости истоптали его лицо.

По приходе в район Смоленска германские войска сразу расстреляли около 200 школьников и школьниц, помогавших в поле собирать урожай; до этого они отобрали группу девушек для своих офицеров. Зверские насилия солдат над женщинами в первые месяцы вторжения напоминали дни, когда Аттила — «бич божий» — со своими ордами гуннов опустошал Галлию.

В украинской деревне Бородаевка ни одна женщина не избежала насилия. В Березовке, как в свое время сабинянки, были схвачены все женщины в возрасте от 16 до 30 лет. В Смоленске германский командующий в одной из гостиниц открыл для своих офицеров дом терпимости, в который согнали много женщин, насильно превратив их в проституток. Во Львове на одной швейной фабрике германские солдаты изнасиловали 32 женщины и затем убили их. Многих девушек затаскивали в городской сад и там зверски насиловали. У старого священника, попытавшегося вмешаться, сорвали рясу и подожгли бороду, а затем закололи его штыком. Около Борисова в Белоруссии при приближении немцев пытались бежать 75 женщин; их поймали и многих изнасиловали. Группа солдат затащила шестнадцатилетнюю девушку в лес и изнасиловала ее. Затем на глазах у других женщин они пригвоздили ее к дереву и отрезали у нее груди.

Таков результат заранее выданного этим людям разрешения совершать преступления без страха наказания. Результат был такой, какого и ожидали их хозяева и на какой они рассчитывали.

Однако насилия над женщинами — это далеко еще не все. Во многих городах и селах, через которые проходили немецкие солдаты во время первого наступления, проводилось поголовное истребление населения. В одной деревне все старики и вся молодежь были расстреляны, а дома сожжены дотла. В другой — стариков и детей загнали, как скот, в колхозный сарай, заперли там и заживо сожгли. В третьей — 68 человек загнали в небольшую избу, двери и окна которой забили наглухо, и держали там до тех

пор, пока они не задохнулись. В четвертой—100 мирных жителей вместе с несколькими ранеными солдатами Красной Армии заперли в церкви, которую затем взорвали.

Это были относительно мелкие зверства по сравнению с массовыми истребительными операциями, которые немцы называли «гроссакционен» («крупные операции»). Такие операции проводились в Киеве и Ростове.

В столице Украины Киеве в течение нескольких дней после того, как он был занят, немцы замучили и убили 52 тысячи мужчин, женщин и детей, среди них много евреев. Часть их перед расстрелом загнали на еврейское кладбище, раздели донага и избili.

За десять дней пребывания в Ростове германские войска уничтожили много тысяч жителей; 48 человек было убито из пулемета около управления государственных железных дорог, около 60 человек было застрелено прямо на улицах; 200 человек было убито на армянском кладбище. Когда русские войска освободили город после непродолжительной оккупации, немцы угрожали населению кровавой мстью «по возвращении».

Гражданское население использовалось немцами также в качестве заслона для прикрытия наступления и отступления своих войск. В августе 1941 года во время попытки форсировать реку Ипуть были использованы таким образом жители города Добруш: их гнали впереди атакующих немецких подразделений. Эта практика применялась все время, пока немецкие войска оставались на советской земле. Много граждан было также использовано для расчистки минных полей, хотя международное право запрещает использование жителей оккупированных территорий на такой опасной работе.

Может возникнуть мысль, что немецкому командованию нелегко было найти столько палачей. Однако предложение всегда соответствовало спросу, а спрос, следует заметить, был далеко не мал. Повидимому, никто не относился к этой страшной обязанности с отвращением. Немало людей находило в этом наслаждение; некоторые даже хвастались своими «подвигами» в этой области. Одним из таких был Лекур, старший ефрейтор германской армии, а не войск СС, бывший, несмотря на свою французскую фамилию, уроженцем Штаргарда, где он прожил всю свою жизнь. Лекур был владельцем кино. Его мобилизовали на службу в четвер-

тую германскую авиадесантную дивизию. Когда он попал в Россию, ему было 27 лет.

Работая в лаборатории при фотоотделе штаба военно-воздушных сил, он все свое свободное время, по его признанию, использовал на то, чтобы «расстреливать военнопленных красноармейцев и мирных граждан, сжигать дома вместе с их обитателями».

В ноябре 1942 года Лекур участвовал в расстреле 92 советских граждан, а спустя месяц еще 55. «В обоих случаях,—сказал он,—я расстреливал лично». Он также участвовал в репрессиях в целом ряде деревень и лично поджег много домов. По его словам, он застрелил более 1000 человек и «в знак признания моей хорошей работы и службы в германской армии досрочно получил повышение».

Несомненно, Лекур заслужил награду своего фюрера, совету которого он столь рьяно следовал, ибо разве не говорил Гитлер: «Гигантское пространство (Россия) должно быть как можно скорее усмирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто хотя бы бросит на нас косой взгляд».

Однако были немцы, которые приходили в ужас от виденного. Германский офицер майор Резлер, командовавший ранее одним из батальонов 528-го полка, прислал командующему 9-м военным округом доклад о виденных им лично зверствах около Житомира, когда его часть в июле 1941 года стояла на отдыхе в этом районе.

Прибыв на новое место со своим штабом, майор Резлер услышал неподалеку винтовочные залпы, вслед за которыми раздались выстрелы из пистолетов. Он решил выяснить, в чем дело, и вместе со своим адъютантом, старшим лейтенантом фон Бассевицем, направился к месту стрельбы.

Когда они подошли к железнодорожной насыпи, им сказали, что там производится массовая казнь. То, что они увидели, взобравшись на насыпь, лучше всего описано самим майором Резлером:

«Когда мы, наконец, вскарабкались на насыпь, нашим глазам представилась страшная картина. С одной стороны ямы, длиной примерно 7—8 метров и шириной 4, лежала выброшенная земля, вся пропитанная кровью. Яма была заполнена множеством трупов

мужчин и женщин всех возрастов. Трупов было так много, что нельзя было определить глубину ямы. За кучей земли стояла команда полевой полиции во главе с офицером. Вокруг стояло много солдат из расквартированных в этом районе частей; они были в одних трусах и наблюдали за происходившим. Я подошел к могиле как можно ближе, чтобы увидеть все своими глазами, и то, что я увидел, было настолько страшно, что я никогда не смогу забыть этого. В яме лежал старик с длинной седой бородой, в его левой руке была зажата трость. Так как он, казалось, еще был жив, я приказал одному из полицейских прикончить его, на что тот с улыбкой ответил: «Я уже семь раз выстрелил ему в живот; теперь он может сам подохнуть». Трупы лежали в яме не рядами, а вповалку, так, как они падали сверху после выстрела...

Ничего подобного ни в первую мировую войну, ни в эту я не видел. Мне пришлось увидеть много неприятного, будучи в Добровольческом корпусе в 1919 году¹, но никогда я не испытывал ужаса, подобного испытанному в Житомире...

Я хочу добавить, что, по рассказам немецких солдат, часто видевших эти казни, так ежедневно расстреливали по несколько сот человек»².

Командующий 9-м военным округом переслал этот доклад в главный штаб армии вместе со следующим типичным сопроводительным письмом:

«По вопросу о зверствах, чинимых над гражданским населением Востока.

Что касается многочисленных массовых казней в России, которые весьма распространены, то сначала

¹ Добровольческий корпус, организованный в 1919 году, состоял из головорезов германской армии, отказавшихся признать Версальский договор и считавших Филиппа Шейдемана, подписавшего его, предателем. Их деятельность ограничивалась Восточной Германией, главным образом Силезией и балтийскими провинциями, которые они называли «Дас Балтикум». Члены этой организации совершили много убийств и диверсий против жизни и собственности тех, кого они считали сотрудничающими с союзнической комиссией и правительством Фридриха Эберта.

² Так в тексте. В опубликованном сборнике документов «Нюрнбергский процесс» имеются разночтения с английским текстом.— *Прим. перев.*

я был убежден, что их слишком преувеличивают. При сем прилагаю доклад майора Резлера, который полностью подтверждает эти слухи... Если такие вещи будут твориться открыто, они станут известны на родине и послужат основанием для критики.

Подпись: *Ширвиндт*».

В таком массовом зверстве нелегко выделить одного преступника или инцидент для специального описания, но дикий садизм, безусловно, достиг своей высшей точки в лагере смерти в Янове в период, когда комендантами там были (в нижеследующем порядке) гауптштурмфюрер Гебауэр, оберштурмфюрер Вильгауз и гауптштурмфюрер Вартцок¹.

Гебауэр собственными руками душил женщин и детей. Он замораживал до смерти людей в бочках; связывал им руки и ноги, затем опускал в бочки и оставлял так, пока они не замерзали.

Убийства уже настолько приелись, что людей, занимавшихся этим, официально поощряли к изобретению новых методов; и один из них, Вепке, бился об заклад, что сможет одним взмахом топора разрубить пополам мальчика. Пари было заключено. Вепке схватил в лагере десятилетнего мальчика, поставил его на колени, заставил опустить голову на руки и после пробного взмаха одним ударом разрубил мальчика надвое.

Вартцок подвешивал заключенных вниз головой и оставлял их в таком положении, пока они не умирали. Начальник же следственной части Гайне забивал заключенным железные прутья в живот и плоскогубцами вырывал женщинам ногти.

Вильгауз с балкона своей канцелярии нередко расстреливал проходивших мимо заключенных ради собственного развлечения, а также с целью позабавить жену и дочерей. Иногда он отдавал ружье жене, чтобы та тоже могла выстрелить. Чтобы потешить свою девятилетнюю дочь, он использовал маленьких детей в качестве живой мишени,

¹ Этот отчет о некоторых зверствах, учиненных в Яновском лагере, составлен из показаний свидетеля Манусевича, работавшего в этом лагере. Манусевич работал в специальном отряде заключенных, занимавшемся сожжением трупов людей, убитых в этом лагере. См. протоколы 59-го дня Нюрнбергского процесса главных военных преступников, четверг 14 февраля 1946 года.

заставляя подбрасывать их, и стрелял по ним. Дочь хлопала в ладоши и кричала: «Папа, еще, еще!»—и папа стрелял.

Тот же Вильгауз в день, когда Гитлеру исполнилось 54 года, вместо орудийного салюта отобрал 54 заключенных и самолично застрелил их.

В Янове истязания и убийства проводились под звуки музыки. Из заключенных был составлен оркестр и даже сочинена была специальная мелодия — «Танго смерти». Когда лагерь был закрыт, весь состав оркестра был казнен.

Такова история нацистских зверств на оккупированных территориях. Но это лишь небольшая часть. Итоговая цифра составляет 12 миллионов убитых. В своей заключительной речи на заседании Международного Военного Трибунала в Нюрнберге сэр Хартли Шоукросс заявил:

«Когда в каждой из наших стран, быть может, в порыве страстей или по другим причинам, которые заставляют терять самообладание, совершается убийство,—оно становится сенсацией, вызывает наше возмущение, и мы не успокаиваемся до тех пор, пока преступника не постигнет кара и не восторжествует право закона. Должны ли сделать мы меньше, когда совершенно убийство не одного человека, а, по самым скромным подсчетам, 12 миллионов мужчин, женщин и детей, не в бою, не в порыве страстей, а в результате холодного, расчетливого и преднамеренного стремления уничтожить народы и расы, сломать традиции, учреждения и прекратить самое существование свободных и древних государств. Двенадцать миллионов убийств! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались подобно серийному производству в какой-нибудь из отраслей промышленности...»

Возможно, именно потому, что истребление это производилось в период, когда в мире происходили бои, убийства и неожиданные смерти, чудовищность их никогда не была полностью осознана и так скоро была позабыта.

Глава V

РАБСКИЙ ТРУД

Между 1941 и 1945 годами в Германию были отправлены в качестве рабов свыше 5 миллионов иностранных рабочих. Значительная часть их (сколько именно—неизвестно) так и не вернулась. Эта глава повествует о том, что с ними произошло.

Концепцию, на которой основывалась германская политика рабского труда, легче понять, если вспомнить, что она была неотъемлемой частью национал-социалистской доктрины, согласно которой государство стоит превыше всего и не считается с личными правами человека. Один из немецких теоретиков национал-социализма писал, что «трудовые отношения—это не просто юридические отношения между рабочим и предпринимателем. Это жизненное явление, в ходе которого рабочий становится винтиком национал-социалистской машины коллективного производства».

Принудительный труд в самой Германии был введен еще в 1935 году, а с 1939 года, по приказу Геринга, в порядке осуществления его четырехлетнего плана началась общая мобилизация рабочих. В соответствии с этим приказом иностранцы, проживавшие в Германии, также обязаны были отбывать эту повинность, так что принцип принудительной вербовки иностранных рабочих осуществлялся в гитлеровской Германии еще до войны.

Поэтому распространение этого принципа на оккупированные территории в 1941 году, несмотря на то, что он запрещен международным правом, не может вызвать удивления. Он был одним из основных элементов политики нацистского господства и вытекал непосредственно из теории «расы господ» и концепции тотальной войны.

Если в Германии ощущался недостаток рабочей силы, ставивший под угрозу военные усилия, рабов следовало

привозить с оккупированных территорий. Они должны были трудиться во имя победы Германии—трудиться, пока смогут. Как только они становятся слишком слабыми или слишком больными, чтобы работать,—пусть умирают. Если они не умрут достаточно быстро, им в этом помогут. Их умертвят в газовых камерах концентрационных лагерей, а останки их будут кремированы в лагерных печах. При этом не должно быть никаких потерь. Все отходы должны быть использованы: кровь и пепел—на удобрения, волосы—для производства ткани, золотые коронки во рту—на пополнение запасов имперского банка.

Такова была точка зрения нацистов. Так они и поступали.

Положения международного права по вопросу об использовании принудительного труда жителей оккупированных территорий изложены в статье 52 Гаагской конвенции, обязательной для немцев в 1939 году.

«Реквизиции натурой и повинности могут быть требуемы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не налагали на население обязанности принимать участие в военных действиях против своего отечества».

Оккупирующая держава не имеет также права отправлять жителей в свою страну и заставлять их там работать. Во время первой мировой войны это осуществлялось в сравнительно небольших масштабах; хотя большое число французов и бельгийцев было отправлено на работы в Германию, но подобная практика вызвала единодушное осуждение других стран. Однако во второй мировой войне отправка населения оккупированных территорий проводилась в таких колоссальных масштабах и сопровождалась такими жестокостями и унижением, что все происшедшее в войну 1914—1918 годов по сравнению с этим совершенно блекнет.

Нацистская политика рабского труда преследовала две цели. Одна заключалась в том, чтобы использовать иностранную рабочую силу для поддержания германской военной машины. Другая являлась логическим развитием нацистской расовой доктрины и заключалась в том, чтобы путем истребления ослабить «низшие» народы. Вовсе не

предполагалось, что большинство лиц, отправленных на работу, вынесет это испытание и когда-либо возвратится домой. Они умирали или умерщвлялись сотнями тысяч, и многие тысячи их все еще находятся на положении перемещенных лиц.

В качестве неотъемлемой части общего нацистского плана тотальной войны была сформулирована программа рабского труда, осуществляемая Заукелем и Шпеером. Оба они были осуждены Международным трибуналом в Нюрнберге. Заукель был приговорен к повешению, а Шпеер—к 20 годам тюремного заключения. Разбирая вопрос об ответственности Заукеля, трибунал в своем решении заявил, что позиция Заукеля в вопросе о рабском труде нашла выражение в одном из опубликованных им распоряжений: «Всех рабочих следует кормить и предоставлять им жилища лишь в той мере и обращаться с ними таким образом, чтобы использовать их в максимально возможной степени при самых минимальных издержках». Так это и делалось.

Людей увозили из дому и из родной страны в условиях, совершенно не подходящих даже для скота; их запикивали в отвратительные помещения, заваливали непосильной работой и скверно кормили, когда же они больше не в состоянии были работать, но не умирали, их отправляли в концентрационный лагерь, где их ждала газовая камера, трупы же сжигались в лагерных печах. По словам Заукеля, цель его политики в области рабочей силы заключалась в том, чтобы полностью и сознательно использовать для Германии и ее союзников все ресурсы и рабочую силу стран, которые он называл побежденными.

Повсюду, куда приходили германские армии, на жителей устраивали облавы и угоняли на работы в рейх. Сначала предпринимались кое-какие попытки набрать добровольцев, однако, когда они потерпели явный провал, нацисты отказались от всякого стремления придать вербовке видимость добровольности, и рабочих стали набирать с помощью обмана, насилия и террора.

Первой жертвой, конечно, была Польша. Гитлеровский гаулейтер Польши Франк поставил задачу набрать миллион рабочих и приказал своей полиции окружать польские деревни и применять насильственную вербовку.

«Набрать и перевезти по меньшей мере миллион мужчин и женщин в качестве сельскохозяйственных и промышленных

рабочих в рейх—в том числе 750 тысяч сельскохозяйственных рабочих, из которых не менее 50 процентов должны составлять женщины,—с целью обеспечить производство сельскохозяйственной продукции и замену промышленных рабочих, недостаток которых ощущается в рейхе». Таковы были его требования.

Уже в мае 1940 года начали применять принуждение, поскольку добровольцев было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности рейха. «Арест молодых поляков при выходе из церкви и из кино,—писал Франк в своем дневнике,—может привести ко все возрастающей нервозности поляков. Вообще-то я вовсе не возражаю против того, чтобы этот сброд трудоспособных, но слоняющихся без дела людей хватили прямо на улицах. Лучшим методом была бы организация облав».

По мере того как все больше требовалось рабочих, такие облавы производились все чаще. В 1942 году возникла потребность в отправке новых партий польских рабочих. Все евреи, которых еще держали на работе в Германии, должны были быть эвакуированы и заменены поляками. О судьбе этих евреев будет рассказано в следующей главе. Однако в инструкции генерального уполномоченного по использованию рабочей силы говорилось, что поляков, которых отправят в рейх с целью замены евреев, следует направлять в концентрационные лагеря и использовать на работах «лишь в том случае, если они являются преступным или антисоциальным элементом», остальных поляков следует отправлять в Германию без семей и предоставлять в распоряжение бирж труда для работы на военных заводах. Это полностью противоречило международному праву.

Как часто случалось во время войны, эти неслыханные методы не всегда приводили к желаемым результатам. Подобно тому как производившиеся в дальнейшем расстрелы заложников во Франции лишь усиливали сопротивление германской оккупации, эта «дикая и безжалостная охота» на рабочих в Польше вызвала бурную реакцию. Один из заместителей Заукеля сделал следующее сообщение на заседании гитлеровского центрального планового управления:

«Положение в Польше в данный момент чрезвычайно серьезное. Нашей власти оказывают очень сильное сопротивление... Например, 14 дней назад застре-

лили руководителя нашего бюро труда в Варшаве. Вербовка [рабочей силы], даже если она проводится с максимальным усердием, чрезвычайно затруднительна, если под рукой нет полицейских подкреплений.

На оккупированных восточных территориях, куда вошла Россия, принудительная вербовка рабочих производилась в значительно более широких масштабах. В 1942 году Заукель распорядился набрать на Украине 2 миллиона рабочих. Препровождая это требование Розенбергу, который в то время был имперским министром оккупированных восточных областей, Заукель писал: «Мне известна трудность осуществления этого нового распоряжения, однако я убежден, что, безжалостно используя все ресурсы и при условии всемерного содействия всех имеющих к этому отношение лиц, это требование может быть выполнено к установленному сроку». Действительно, все ресурсы были безжалостно использованы, и было оказано всемерное содействие, причем не в последнюю очередь—со стороны рейхскомиссара Украины¹, которому Розенберг препроводил данное распоряжение. Его реакция на эти требования достаточно характерна:

«Мы—раса господ... Я извлеку все возможное из этой страны. Население должно работать, работать и работать. Некоторые люди обеспокоены тем, что население, быть может, не получает достаточного количества продовольствия. Оно не может этого требовать. Мы, безусловно, пришли сюда не для того, чтобы принести им манну небесную. Мы—раса господ и должны помнить, что даже самый плохой германский рабочий в биологическом отношении и с расовой точки зрения в тысячу раз лучше, чем местное население».

Рейхсфюрер Гиммлер был не более деликатным. Он писал:

«...Что сейчас происходит с русскими, совершенно меня не интересует. Вопрос о том, живут ли другие нации в довольстве или в голоде, интересует меня лишь постольку, поскольку нам необходим рабский труд для нашей культуры. Умрут ли 10 тысяч русских женщин

¹ Коха.—Прим. перев.

от истощения во время рытья противотанковых рвов, меня вовсе не интересует, если только ров будет закончен для Германии».

По мере того как масштабы насильственной вербовки рабочих в Германию все увеличивались, усиливалось и партизанское движение. Чтобы избежать отправки в Германию, многие русские бросали дома и уходили в леса, где вступали в партизанские отряды. Подобно тому как гитлеровский приказ о комиссарах лишь побудил русские армии усилить сопротивление и бороться до последней капли крови, новая кампания по угону рабов привела к нехватке потенциальных рабов и одновременно усилило сопротивление гражданского населения.

Поэтому были приняты еще более безжалостные меры, чтобы заполучить русских рабочих; началась усиленная охота на людей.

Среди документов, обнаруженных в архивах Розенберга после захвата его в плен, находились выборки, сделанные нацистскими цензорами из писем, написанных русскими в этот период. В одном из них говорилось:

«У нас новости. Людей отправляют в Германию. На 5 октября была намечена отправка некоторых людей из района Кавказской, но они не захотели ехать, и их деревня была сожжена. Поскольку удалось найти не всех, кто должен был выехать из Боровицкого, прибыло три грузовика с немцами, которые подожгли их дома».

В другом письме было сказано:

«1 октября начался новый набор рабочих. Расскажу Вам лишь самое важное из того, что случилось. Невозможно представить себе эти зверства. Вы, вероятно, помните, что нам говорили о Советах во время правления поляков. Тогда мы не верили, да и сейчас это кажется невероятным. Пришел приказ выделить 25 рабочих, но ни один не явился. Все они бежали. Тогда прибыла немецкая полиция, которая подожгла дома бежавших. Пожар был страшный, так как уже два месяца не было дождя и во дворах находился хлеб в скирдах. Нельзя себе представить, что было. Сбежались люди, но им запретили тушить огонь. Их избили и арестовали. Между тем полицейские подожгли и другие дома.

Люди падали на колени, целовали полицейским руки, но их отшвыривали ударами резиновых дубинок. Полиция грозила сжечь всю деревню. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не вмешался Запурканный. Он обещал к следующему утру доставить еще работников.

В третьем письме описывалась охота на людей в другом районе:

«Они рыщут здесь уже около недели, но не набрали нужного количества. Они хватают рабочих и запирают их в школе. Те не могут даже отправлять свои естественные потребности, им приходится это делать, как свиньям, в той же комнате. На днях народ из многих деревень отправился на богомолье в Почаевский монастырь¹. Всех людей арестовали, заперли и отправят на работы, а ведь среди них калеки, слепые и старики.

Комиссар района близ Киева в отчете о своей деятельности писал в 1942 году министру Розенбергу:

«В августе 1942 года пришлось принять меры против двух семей, которые должны были отправить по одному человеку на работы. Обоим было предложено явиться, но они не явились. Пришлось доставить их силой, но им дважды удалось бежать из сборного лагеря в Киеве. Перед вторым арестом их отцы были взяты под стражу в качестве заложников, подлежащих освобождению лишь после того, как явятся их сыновья. Тогда мне, наконец, пришлось принять меры, чтобы показать украинской молодежи, становившейся все более непокорной, что нашим приказам нужно повиноваться. Я распорядился сжечь дома обоих беглецов».

Далее следует отвратительная по своему лицемерию фраза:

«Это суровое наказание было понятно местному населению, ибо раньше обе эти семьи с презрением относились к тем сознательным людям, которые добровольно отправили своих детей на работы».

Однако сам генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы (Заукель) заявил, что среди 5 мил-

¹ Так в тексте.—Прим. перев.

лионов иностранных рабочих, доставленных в Германию с оккупированных территорий, не было и 200 тысяч добровольцев.

Но и эти зверские методы не увенчались успехом. От того, что целые деревни предавались огню, число набранных не увеличивалось. Несмотря на всю безуспешность этих мер, их продолжали применять, и войскам СС было отдано распоряжение участвовать в облавах по деревням, сжигать их и отправлять все население на рабский труд в Германию.

Но это еще не все. В сборных и транзитных лагерях, через которые проходили эти несчастные, они подвергались всем видам унижений, дурного обращения и грубости, а условия, в которых их везли в Германию, были поистине страшными.

Как правило, их забирали из домов с такой поспешностью, что не оставалось времени взять с собой хоть что-нибудь. Их хватали полуодетыми, в ночных рубашках, запирали в подвалы, избивали, не давали им ни есть, ни пить, держали в холоде, лишали возможности отправлять естественные потребности; во время медицинского осмотра женщины часто становились жертвами непристойного обращения.

Ниже следует выдержка из захваченного у немцев документа.

«В банях женщин и девушек иногда обслуживали мужчины, которые даже помогали им намыливаться. Мужчины делали также снимки в женских банях. Поскольку большинство этих женщин украинские крестьянки высокой нравственности, привыкшие к величайшей скромности, они, вероятно, считали такое обращение унижительным».

В документе, из которого приведена эта выдержка, говорится, что такие инциденты «вообще несовместимы с достоинством и престижем великого германского рейха». Однако великий рейх, повидимому, мало что сделал или вернее ничего не сделал, чтобы смыть это пятно со своей репутации.

При отправке людей из России в Германию больных и немощных вталкивали вместе с другими в вагоны для скота—по 50—60 человек в каждый вагон. В пути их не кормили и у них не было воды. Свои естественные потребности им приходилось отправлять там, где они стояли или лежали. Многие из них по прибытии в Германию были уже

нетрудоспособны, и их в таких же условиях отправляли в товарных составах обратно в Россию.

Условия, в которых эти угнанные возвращались обратно, были хорошо известны министерству Заукеля, о чем свидетельствует следующий доклад, подготовленный в канцелярии Розенберга:

«В этом поезде женщины рожали детей, которых выбрасывали из окон; в этих же вагонах находились туберкулезные и венерические больные; умирающие валялись, не имея даже подстилки из соломы; одного мертвеца выбросили на железнодорожную насыпь. То же самое, вероятно, происходило и в других возвращавшихся составах».

Людей угоняли в рабство не только из Польши и России. В Германию было отправлено много тысяч людей из Франции, Голландии, Бельгии, а позднее из Италии.

Во Франции с 1940 по конец 1942 года эта политика проводилась с некоторой осторожностью. Такая тактика соответствовала общей позиции нацистов в отношении французов, которых они с поразительной наивностью (ибо им следовало бы лучше разбираться в этом) поначалу пытались умиротворить уговорами и умеренностью, давая своим армиям инструкцию вести себя «корректно».

Но Виши никогда не был подлинным сердцем Франции, и как только она пришла в себя после ошеломившего ее поражения в ходе, по выражению генерала де Голля, «первой битвы» в войне, стало очевидно, что Галльскую деву не удастся ни уговорить, ни совратить и что ее придется взять силой.

В последующие месяцы полномочия Заукеля были значительно расширены декретами Гитлера и Геринга. Ему была предоставлена полная административная и даже законодательная власть для осуществления задачи, поставленной перед ним фюрером; из своих апартаментов в отеле «Ритц» в Париже он отправил многих французов в рабство и на смерть.

В своих официальных заявлениях он оправдывал эту политику национал-социалистской философией, сдобренной обычным бахвальством. Исключительно жестокий характер войны, заявлял он, заставляет его именем фюрера

мобилизовать многие миллионы иностранцев для работы на военную экономику Германии; это необходимо для сохранения жизни и свободы германского народа и западной культуры для тех, кто «в отличие от паразитирующих евреев и плутократов» честно желает и может жить трудами своих рук. Он утверждал, что существует колоссальная разница между работой, которую раньше приходилось исполнять в порядке выполнения Версальского договора и планов Дауэса и Юнга, работой, принимавшей характер рабского труда во имя могущества и господства еврейства, и тем использованием труда, которое он как генеральный уполномоченный Гитлера имеет честь осуществлять в качестве вклада в борьбу за свободу Германии и ее союзников.

Однако цель такого плана заключалась не только в том, чтобы помочь военным усилиям Германии. Истребление людей непосильным трудом было важнейшим элементом этой политики, а не только одним из ее последствий. По этой причине иностранных рабочих заставляли трудиться в германской военной промышленности, выжимая из каждого все до последней капли.

В 1942 году Заукелю были предоставлены новые полномочия в отношении гражданских и военных властей территорий, оккупированных германскими вооруженными силами. Это дало ему возможность иметь своих представителей в штабах военных командований и давать им непосредственно директивы, минуя их командиров.

Генерал фон Фалькенгаузен, являвшийся военным губернатором Бельгии и Северной Франции, в своем показании¹ заявил, что, когда вербовкой рабочей силы стал руководить Заукель, прежние порядки изменились. Раньше при его штабе находился офицер, который нес ответственность за наем рабочей силы, производившийся, по словам Фалькенгаузена, только добровольно. В дальнейшем Заукель стал отдавать распоряжения непосредственно отделу труда, и военному губернатору оставалось лишь выполнять их.

На протяжении всего периода оккупации военные командиры использовали на местах принудительный труд при несении охранной службы и строительстве укреплений. Во Франции они использовали жителей Индо-Китая и рабочих Северной Африки. Во второй половине 1942 года два

¹ Генерал фон Фалькенгаузен был допрошен 27 ноября 1945 года французским отделом расследования военных преступлений.

крупных контингента рабов—5560 алжирцев и 1825 марокканцев—были направлены в порядке трудовой повинности во Францию для работы в организации Тодта¹.

С 1943 года использовались также «молодежные лагеря»² как поставщики рабочих для принудительного труда. Бюро по вопросам рабочей силы германской комиссии по перемирию в Париже заявило в январе 1943 года, что главнокомандующий Западным фронтом фон Рундштедт³, изучает вопрос о возможности и способах мобилизации большого количества французских рабочих на выполнение задач, «важных для обеих стран», и что есть намерение завербовать членов «молодежных лагерей». Многие из нанятых использовались немцами на строительстве укреплений, образовавших так называемый «атлантический вал». Трудно понять, как можно было назвать задачей, «важной для обеих стран», строительство укреплений против союзных армий, готовившихся в то время освободить Францию.

По мере того как сопротивление вербовке усиливалось, оккупационные власти стали издавать распоряжения, карающие смертной казнью лиц, не подчиняющихся приказу о явке. В распоряжении от 31 января 1942 года говорилось следующее:

«Всякий, кто не подчинится распоряжению всенного командования во Франции или любых назначенных им должностных лиц об отбывании повинности или постав-

¹ «Организация Тодта» представляла собой контингенты рабочих, занятых на оккупированных территориях на строительстве таких сооружений, как «атлантический вал», и военных магистралей. Министр вооружения и военного производства Альберт Шпеер использовал принудительную трудовую повинность для пополнения численности этой организации. Названа так по имени ее основателя Фрица Тодта, который умер в 1942 году. Преемником его стал Шпеер.

² Молодежная организация, созданная маршалом Петэнном до некоторой степени по образцу «Гитлерюгенд» после заключения перемирия. Ее гимн имел припев: «Маршал, вот и мы!»

³ Фельдмаршал фон Рундштедт был одним из ведущих генералов в германской армии и принадлежал к старой школе. Позднее он руководил контрнаступлением в Арденнах в декабре 1944 года, который был последним ударом в спину, нанесенным Германией. Его должны были судить как военного преступника в 1949 году, но судебное преследование было прекращено, так как специальная медицинская комиссия нашла, что он не сможет выдержать суда.

ках натурой... будет караться каторжными работами... В серьезных случаях может применяться смертная казнь».

Эти серьезные нарушения Гаагских конвенций вызывали неоднократные протесты со стороны французского представителя в германской комиссии по перемирию генерала Дуайена.

Еще в 1941 году он обратил внимание комиссии на незаконное использование принудительного труда в организации Тодта в связи «с выполнением военных работ на побережье Бретани». Генерал жаловался, что французские гражданские власти вынуждены обеспечивать охрану уязвимых объектов, например мостов, тоннелей, складов снаряжения, военных аэродромов; в приложении он дал перечень оказанных услуг подобного рода.

Генерал Дуайен энергично протестовал также против распоряжения от 31 января 1942 года и заявил, что оно противоречит как международному праву, так и соглашению о перемирии.

Утверждение немцев, столь часто повторявшееся, что набор рабочей силы во Франции производился исключительно на добровольных началах, абсолютно не соответствует действительности. Рабочие, подписавшие немецкие контракты, подвергались материальному и моральному воздействию, по части которого нацисты были такими специалистами. Ему подвергались как коллективы, так и отдельные лица. Можно не сомневаться также, что оно заранее планировалось, что доказывается следующей выдержкой из германской директивы:

«Существо вопроса: о расширении мобилизации рабочей силы для германского рейха на оккупированных территориях и о подготовке к проведению мобилизации силой. Недостаток рабочей силы создает необходимость вербовать рабочих для рейха на оккупированных территориях в значительно большей степени, чем до сих пор. Мобилизация должна проводиться прежде всего на добровольных началах, как и раньше. Однако с целью добиться удовлетворительных результатов германские власти, ответственные за выполнение плана, должны иметь возможность оказывать любой нажим, какой окажется необходимым».

Эта общая директива добросовестно претворялась в жизнь теми, кому она была адресована, а именно—представителями Заукеля во Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии и Люксембурге. Среди рабочих этих стран проводилась лживая пропаганда о материальных выгодах, предоставляемых германскими биржами труда. Это делалось и в печати и по радио.

Она, однако, не оказалась эффективной, так как французы быстро поняли, что никаких материальных выгод здесь не существует. Поэтому следующим шагом было создание искусственной безработицы, ухудшение условий жизни рабочих и снижение пособий по безработице. Это также не дало никаких результатов, и так называемый добровольный набор был заменен принудительной трудовой повинностью.

В 1944 году на совещании, посвященном четырехлетнему плану, Заукель рассказал об одной из мер, принятых с целью набора французских и бельгийских рабов. Ниже приводится отрывок из стенографической записи, сделанной в ходе заседаний. «Самое возмутительное, против чего мне пришлось бороться,—это утверждение, что в тех районах нет никакой организации по вербовке французов и бельгийцев и по отправке их на работы. Поэтому мне пришлось обучить целый штат агентов—мужчин и женщин, которые за хорошую плату (точно так же, как это делалось в старые времена, когда вербовали матросов, предварительно опив их) охотились на людей и одурачивали их, пуская в ход как убеждение, так и спиртные напитки».

Вероятно, не один француз после весело проведенного вечера просыпался на другое утро в товарном вагоне на пути в Германию с головной болью и с транзитным билетом в Дахау¹ через какой-либо из военных заводов в Руре.

Непосредственно на рабочих оказывалось и моральное и материальное воздействие. За отправку французских рабочих в Германию немцы сбеждали освободить соответствующее число военнопленных. Но потом выяснилось, что на каждые пять человек, отправленных на работы, будет освобожден только один военнопленный.

О характере материального воздействия можно судить по следующему письму, направленному одному молодому

¹ Один из нацистских концентрационных лагерей в Южной Германии. См. главу VI.

французу местным отделением германского министерства труда в районе Па-де-Кале:

«Сударь, 26 марта в Маркизе я приказал Вам отправиться в Германию и работать там по Вашей специальности. Вы должны были выехать с транспортом, отправлявшимся в рейх 1 апреля. Эту повестку вы оставили без внимания. Предупреждаю, что в следующий понедельник, 28 апреля, вы должны явиться с багажом не позднее 19 часов по адресу: Кале, Рю де ла Помм д'Ор, 51. Обращаю Ваше внимание на то, что Вы поедете в Германию в качестве свободного рабочего и будете работать там на тех же условиях и получать ту же заработную плату, что и немецкие рабочие. Должен предупредить Вас, что Ваша неявка может повлечь неприятные последствия».

Под письмом стояла подпись: «Ганнеран, представитель министерства труда рейха».

Испугался ли получатель этого письма «неприятных последствий», которыми ему грозили, и явился ли по этой повестке—неизвестно. Многие, без сомнения, явились. О том, что с ними произошло в Германии, рассказано в этой главе. В январе 1943 года Заукель, находясь в Париже, получил от Шпеера письмо, в котором сообщалось о решении фюрера, что при вербовке квалифицированных и неквалифицированных рабочих во Франции отныне нет необходимости «сколько-нибудь серьезно считаться с французами». Таким образом, отныне вербовки могли производиться с помощью более сильного давления и более суровых мер.

Заукель изучил потребности германской военной промышленности и решил, что немедленно требуется 150 тысяч квалифицированных рабочих из Франции и еще 50 тысяч должны быть набраны в Голландии и Бельгии.

Через несколько дней на совещании Центрального бюро планирования в Берлине он заявил, что ему удалось убедить Лавалю, который уже ввел во Франции принудительную трудовую повинность, распространить существующий закон еще на три возрастные группы и что эти группы только что мобилизованы.

Но это была капля в море. В июне 1943 года Заукель отправил Гитлеру набросок плана на следующие шесть месяцев. Этот план предусматривал отправку в Германию

до конца года еще 500 тысяч рабов. Заукель запросил одобрения Гитлера, и оно было с легкостью дано.

Оказалось, однако, что план и его претворение в жизнь— разные вещи. Заукель вернулся в роскошные апартаменты отеля «Ритц» и начал добиваться осуществления своей программы; однако французы оправились от удара, ошеломившего их в 1940 году, и план натолкнулся на сильное пассивное и активное сопротивление правительственных чиновников и борющихся патриотов.

В марте следующего года на очередном совещании по четырехлетнему плану Заукель был вынужден признать свою неудачу. «Что касается иностранной рабочей силы,— сказал он,— то прошлой осенью программа вербовки рабочих потерпела жестокий провал. Я не хочу здесь распространяться о причинах. Они обсуждались подробно. Я хочу сказать лишь, что программа сорвана».

Несмотря на это признание и на то, что выявился провал намеченной программы, было решено продолжать осуществление плана, предусматривавшего отправку в Германию в течение 1944 года значительно более миллиона иностранных рабочих. В январе на съезждении, в присутствии Гитлера, эти цифры были утверждены. Программа предусматривала отправку из Франции в течение месяца 91 тысячи человек и 250 тысяч из Бельгии и Голландии в течение всего года.

Заукель постоянно оказывал на правительство Виши сильнейший нажим с целью заставить его удовлетворить эти ненасытные требования, и в феврале 1944 года трудовая повинность была распространена на всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет и на всех женщин от 18 до 45 лет.

Тем не менее генеральному уполномоченному пришлось сообщить Гитлеру, что престарелый маршал Франции не соглашается на принудительную отправку женщин на работы в Германию. Однако он смог сообщить своему фюреру, что французское правительство приняло его требование, чтобы должностные лица, саботирующие проведение программы в жизнь, подвергались смертной казни, и заверил его, что он ясно дал понять, что будут применяться более суровые меры, если требования предоставить еще больше рабов не будут удовлетворены.

Но время шло, и близилось освобождение Франции.

В случае вторжения союзников во Францию немцы решили немедленно угнать все трудоспособное мужское население

ние, однако армии союзников, вступив на французскую землю, продвигались так быстро, что эти планы не были осуществлены.

Обещание равной с немцами оплаты труда, данное рабочим, покидавшим родину и выезжавшим для работы в Германию, не было выполнено.

Они получали очень мало, поскольку штрафы, которые работодатели могли взимать за малейшее нарушение дисциплины, часто равнялись недельной заработной плате и рабочих в конце недели не получал ничего.

Те, кто работал на предприятиях, были заключены в трудовые лагеря, а поляки, использовавшиеся главным образом на фермах, жили в конюшнях, и их могли подвергать телесным наказаниям.

Лагери, в которых были размещены иностранные рабочие, часто находились в ведении использовавшей их фирмы. Один такой лагерь находился в Шандела, и его обитатели работали на расположенном по соседству заводе фирмы «Штайнэль и компания».

На этом заводе из сланцев вырабатывали нефть. В Германии в 1943 году нефть становилась все более дефицитной, и имперский министр Шпеер подчеркивал, что для продолжения войны требуется больше нефти. Работа фирмы «Штейнэль и компания» была признана имеющей первостепенное значение. Рабочую силу она получала из концентрационного лагеря в Нейенгамме¹.

Директор фирмы нес номинальную ответственность за рабочих, размещенных в Шандела. Не принимая активного участия в управлении лагерем, он, однако, был полностью осведомлен об общем положении в нем.

Условия жизни, питание и санитарные условия в этом лагере были ужасны. Пищи едва хватало на то, чтобы люди не умирали голодной смертью. Одежду стирали очень редко и еще реже меняли. Лагерь кишел паразитами. Чтобы защитить себя от холода, заключенные—ибо это были действительно заключенные—обертывали себя на работе бумажными мешками из-под цемента. Гражданская администрация возражала против этого, и по приказу коменданта лагеря заключенных, пользовавшихся мешками, избивали.

¹ См. главу VI.

Наказанием за такой проступок было 25 ударов, нанесенных публично.

В лагере не было врача, и госпиталем заведывал санитар, работавший до войны каменщиком. Все операции производились им при помощи скальпеля, который он стерилизовал, опуская его в бензин.

Ниже следует рассказ одного из заключенных, помогавшего этому санитару при операциях.

«Лично я восхищался его работой, но, поскольку он наугад делал операции людям, уже на три четверти мертвым, неудивительно, что все они умерли. Например, с моей помощью он оперировал югослава, у которого ужасно вздулся живот, в то время как сам он был страшно худой. Санитар сказал мне, что живот полон гноя. Он сделал надрез, удалил гной и зашил живот. До конца своей жизни я не забуду, как три дня спустя пациент умер, распевая югославский национальный гимн. У санитаря был скальпель, которым он делал все свои операции. Он дезинфицировал его в бензине, который крал из гаража. Кроме того, у него имелся небольшой пинцет и ножницы. Никаких анестезирующих средств не было. Пациента либо держал я, либо его привязывали к столу».

Лагерный врач посещал лагерь только с целью осмотра умерших и выдачи свидетельства о смерти. Ни для чего другого его никогда не вызывали.

Администрации лагеря было все равно, умирают ли заключенные или нет. Однако никто из администрации лагеря не умер от голода.

На многочисленных судебных процессах военных преступников, где судили персонал концентрационных лагерей и лагерей принудительного труда, в защиту их говорилось, что хаотическое состояние Германии в 1944 году и в первые месяцы 1945 года не могло не привести к тому, что условия в таких лагерях значительно ухудшились. Однако одежда у администрации лагеря Шандела была хорошая, питание приличное, и никто не умер от истощения. Хотя у эсэсовцев была общая с рабочими кухня, пищу им готовил особый повар. Они получали в день 500 граммов картофеля и 35 граммов сливочного масла. Рабочим же никогда не давали масла. Персонал лагеря получал в день 60 граммов сосисок и 40 граммов мяса, причем не было дней, когда не

давали бы мяса. Раз в неделю администрации давали молочный суп, на что уходило 50 литров молока. Они получали также по 100 граммов джема или искусственного меда и ежедневно по 25 граммов сыра. Эсэсовцы, кроме того, не были заняты на тяжелой работе. Фактически разница между администрацией лагеря и рабочими состояла в том, что сотрудников лагеря считали людьми, а рабочих—дешевым рабочим скотом.

Работа была очень тяжелая, в особенности для людей, ослабевших от недоедания. Если работа выполнялась недостаточно быстро, гражданский надзиратель сообщал об этом. Когда заключенные были настолько слабы, что не могли больше работать, их партиями возвращали в Нейенгамме и заменяли более сильными. Их доводили работой буквально до смерти, так как работали они, существуя на голодном пайке, пока не умирали в Шандела, либо, когда они уже были не в состоянии работать, их возвращали умирать в Нейенгамме. Комендант по фамилии Эбсен был настоящий зверь и садист, и остальной персонал брал с него пример. До поступления в СС Эбсен был лесником, а затем «проповедником», интересовавшимся главным образом сбившейся с пути молодежью.

Именно он отдал приказ избивать всех рабочих, которые, чтобы согреться, прикрывались бумажными мешками. Эти побои производились небольшим резиновым хлыстом, называвшимся «шлаг».

Жизнь и смерть заключенных были полностью в руках коменданта. Он поучал персонал лагеря не иметь ничего общего с заключенными, которых называл «преступниками» и «отбросами»; он и относился к ним как к отбросам, избивая их без разбору во время перекличек и в любое другое время.

У Эбсена имелся способный помощник в лице его заместителя Трушеля, которого прозвали «убийцей». Он был, пожалуй, еще хуже коменданта.

Однажды в холодную ночь в котельной нашли спавшего там заключенного поляка; Эбсен жестоко избил его веревкой. Кто-то донес на одного заключенного латыша, что он делает ножи. Когда об этом узнал Трушель, он застрелил его из револьвера, сказав при этом: «Это научит его, как делать оружие. Больше он его делать не будет».

Куда бы Трушель ни шел, он брал с собой хлыст, и все, кто зависел от него, жили в постоянном страхе. Другим помощником был здоровенный детина, который служил

до войны официантом. Один из свидетелей на судебном процессе по его делу сказал, что он был «жирен, как свинья». Ясно, что он жил не на голодном пайке. Этот человек регулярно избивал заключенных по всякому поводу и без повода. Для этого использовались лопата, доска—все, что попадало ему под руку. Он приводил в исполнение наказание—наносил 25 ударов, которые полагались за незначительные нарушения дисциплины, а также оставлял себе определенную часть продовольствия, которое должен был раздавать заключенным.

В этом лагере, как и во всех других концентрационных лагерях и лагерях принудительного труда, действовала система «капо». «Капо» был, как правило, немецкий преступник, привезенный из обычного концентрационного лагеря и назначенный старшим над другими заключенными. В его ведении было несколько бараков, и за строгую дисциплину, которую он устанавливал среди подчиненных, к нему относились лучше, не заставляли работать, лучше кормили, выдавали табак. Одним из «капо» в Шандела был некий Гроссе, который отвечал за распределение работ. Он был не лишен чувства юмора, и когда видел необычайно худого заключенного (а чтобы быть необычайно худым в Шандела, нужно было быть живым трупом), он, бывало, говорил ему: «Скоро отправишься в крематорий». Одного заключенного, бывшего управляющего сахарным заводом во Франции, Гроссе заставил прсбежать 80 метров и на бегу избивал его. Каждый раз, когда тот падал, его поднимали и снова били. Через четыре часа заключенный умер.

Такова была повседневная жизнь так называемых заключенных лагеря. Следует помнить, что они не были преступниками, хотя если бы и были ими, то и это не оправдывало бы такого отношения. Это были простые, мирные, уважающие закон граждане. Их единственное преступление состояло в том, что они были жителями стран, подвергшихся вторжению германских армий, и что Германии требовался их труд. Их отрывали от жен и детей (часто глубокой ночью), грузили в поезда и после мучительного путешествия, длившегося иногда пять суток, сбрасывали, как балласт, на железнодорожной ветке в лагере принудительного труда, где для них начиналось рабство. Только самые мужественные могли мечтать, что выживут; многие, должно быть, ждали своего последнего пути в крематорий как счастливого избавления от невыносимых страданий.

В начале 1943 года правительство рейха дало указание не репатриировать беременных иностранных работниц; местные власти должны были обеспечить «самые простые, но отвечающие требованиям гигиены» условия для родов. Они должны были также обеспечить размещение, кормление и уход за младенцами сразу после родов, с тем чтобы матери могли вернуться на предприятия—работать на Германию.

На заводе фирмы «Фольксвагенверк», близ Ганновера, работало очень много иностранок, и в феврале 1943 года в Вольфсбурге, в заводском районе, был создан «детский дом», обслуживаемый русскими. Позже этот дом, находившийся в ведении заводского отдела социального обеспечения, был поручен заботам и контролю заводского врача Корбеля и некой Эллы Шмидт¹. В дальнейшем детский дом был переведен за 12 километров по направлению к Рюэну, где и разместился в бараках.

Известно, что за время между апрелем 1943 года и апрелем 1945 года там умерло 400 младенцев, в одном только августе 1944 года — 60. Вначале дети поступали туда вместе с матерями, но впоследствии имперский министр труда настаивал на том, чтобы матери возвращались на работу не позже чем через 14 дней после родов. После этого детская смертность быстро возросла.

Врач, стоящий во главе детского дома, был виновен в преднамеренном и самом преступном пренебрежении к детям. Хотя из 310 поступивших туда в 1944 году детей умерло 254, а к концу года смертность увеличилась еще больше, посещения д-ра Корбеля сократились. Он приезжал раз в неделю для инспектирования, но ничего не предпринималось для получения совета или помощи от специалиста по детским болезням. Больных младенцев Корбель никогда не осматривал. Трупы умерших детей никогда не вскрывались; он сам подписывал и принимал от других свидетельства о смерти с таким несерьезным диагнозом, как «слабая жизнеспособность».

Поведение заведующей было, пожалуй, не лучше. По отношению к детям она была жестокой и равнодушной. В детском доме отсутствовали самые элементарные гигиенические условия даже в периоды, когда распространялся

¹ Д-р Корбель и заведующая Шмидт были судимы и признаны виновными английским военным трибуналом по расследованию военных преступлений. Корбель был приговорен к смертной казни.

повальный фурункулез, а повсеместная зараженность клопами вызывала отвращение у каждого посетителя. Шмидт призналась, что никогда не дежурила по ночам и никогда не делала неожиданных обходов.

Когда, наконец, несчастные дети, покрытые вшами, струпьями, ослабевшие от поноса, умирали, их оставляли лежать в небольшой комнате, собирали партиями, укладывали в картонные коробки и отвозили на местное кладбище, где закапывали в землю без соблюдения обрядности. Матерям никогда не сообщали о тяжелом состоянии или похоронах их детей.

Но «детский дом» в Рюэне был не единственным, созданным нацистами. Вследствие неудач на фронте в 1944 году в Германии создалось отчаянное положение с продовольствием. Следует напомнить, что многие иностранцы были вывезены из Польши и России в Германию на сельскохозяйственные работы. Значительную часть их составляли женщины. Вскоре немецкие крестьяне стали жаловаться руководителям местных организаций нацистской партии, что польские женщины, использовавшиеся на сельскохозяйственных работах, теряют много времени из-за беременности, родов и ухода за младенцами.

В связи с этим в районе Хельмштедта был создан дом для младенцев этих женщин. Новорожденных должны были забирать у матерей, если необходимо—силой, вскоре после родов, чтобы матери могли быстрее вернуться на полевые работы.

Этот детский дом находился в Фельпке. Он состоял из двух барачков, расположенных на одной из ферм. Руководитель местной организации нацистской партии Герике назначил заведующей некую Биллиен, а некий Гесслинг был поставлен во главе внутренней администрации, в ведение которой не входили медицинские вопросы. Биллиен заявила Герике протест против своего назначения. Она сказала ему, что является всего лишь школьной учительницей и что у нее нет необходимых знаний, чтобы занять этот пост.

С самого дня открытия детского дома к детям относились крайне небрежно, и смертность среди них была очень высокой. Местный врач, обязанный следить за детьми, держался бессердечно и равнодушно. Бараки были совершенно не приспособлены для детского дома; не было квалифицированного персонала; питание не соответствовало медицинским

требованиям и было даже вредным. Больные дети не получали должной медицинской помощи и не изолировались от здоровых. Летом на равнинах Хельмштедта стояла сильная жара, крыши бараков, сделанные из рифленого железа, сильно накалялись, и дети от этого очень страдали.

Отсутствие умения и опыта Биллиен могла бы возместить заботливостью и старанием. Однако она очень мало времени отдавала своим обязанностям, проводя время еды и сна не в детском доме, и надолго отлучалась, оставляя вместо себя четырех неопытных русских девушек и женщину, которая вряд ли имела опыт по уходу за детьми. Детские кровати были грязны, усыпаны вшами, и хотя младенцы поступали здоровыми, вскоре у них на ягодицах появлялись болячки, щеки проваливались, ножки становились тонкими, кожа «зеленовато-голубой». Им редко меняли белье и кормили нерегулярно. Смертность была очень высокая: с мая по декабрь 1944 года из 100 принятых детей умерло 84.

Когда младенцы умирали, трупы хоронили не сразу; их укладывали в картонные коробки и на ручных тележках отвозили в поле за кладбищем, где и зарывали в землю. Зарывали их очень неглубоко. Однажды видели, как собака тащила в зубах череп ребенка, покрытый волосами.

Обо всем этом знали соответствующие власти, но не принимали никаких мер, чтобы изменить положение.

Организация этих и подобных им учреждений и управление ими служат новой иллюстрацией полного пренебрежения нацистов к человеческим правам этих людей, не родившихся немцами.

Сотни ни в чем не повинных детей погибали от болезней и голода; тысячи невинных мужчин и женщин гибли от непосильной работы, и миллионы евреев истреблялись. Все это было маловажным, коль скоро помогало осуществить пророчество Гитлера, что третий рейх будет существовать тысячу лет.

Глава VI

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРИ

Еще задолго до вторжения в Польшу в 1939 году система концентрационных лагерей в рейхе работала полным ходом. Под руководством Гимmlера эта организация была усовершенствована, и ее методы были испытаны и проверены в мирное время на его соотечественниках.

Чрезвычайным президентским декретом от 28 февраля 1933 года (в таких делах Гитлер не мешкал) в правовую систему третьей империи было введено превентивное заключение «шутцхафт». Таким образом можно было обезвредить всякого, кто проявлял хотя бы малейшие признаки активной оппозиции новому режиму. В течение следующих шести лет в концентрационные лагеря для «обработки» были брошены тысячи немцев, многие из которых так и не увидели свободы.

Гестапо была поручена задача «ликвидации всех врагов партии и национального государства»; именно в результате деятельности этой организации пополнялись концентрационные лагеря, из нее же выходили эсэсовцы, обслуживающие лагеря.

В этой главе рассказывается, как такое оружие, выкованное и испытанное в течение нескольких лет, непосредственно предшествовавших началу войны в 1939 году, использовалось в военные годы для террора населения оккупированных территорий и уничтожения многих миллионов людей.

В Германии к началу войны существовало шесть концентрационных лагерей, в которых находилось около 20 тысяч заключенных. В течение двух следующих лет были построены новые лагеря. Некоторые из них приобрели

самую широкую известность—Освенцим, Бельзен, Бухенвальд, Фоссенберг, Маутхаузен, Нацвейлер, Нейенгамме, Равенсбрюк и Заксенхаузен.

За время войны, по самым преуменьшенным данным, немцы уничтожили в странах, подвергшихся вторжению, и на оккупированных территориях 12 миллионов мужчин, женщин и детей. По скромным подсчетам, 8 миллионов из них погибли в немецких концентрационных лагерях. Главный обвинитель от Соединенного Королевства на процессе главных немецких военных преступников сэр Хартли Шоукросс по этому вопросу в своей заключительной речи заявил: «Двенадцать миллионов убийств! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались подобно серийному прои водству в какой-нибудь из отраслей промышленности, в газовых камерах и печах Освенцима, Дахау, Трелинки, Бухенвальда, Маутхаузена, Майданека и Ораниенбурга».

В эти лагеря были доставлены миллионы людей с оккупированных территорий, одни потому, что были евреями, другие, угнанные в рабство, не считались более пригодными к работе, многие были русскими военнопленными, некоторые стали жертвами приказа «Пуля» или были заключенными категории «Мрак и туман». В лагерях их держали, как скот, в невыносимых условиях, унижали, запугивали, избивали, истязали и морили голодом и наконец истребляли на непосильно тяжелой работе или «ликвидировали», как выражались немцы, путем массовых казней в газовых камерах.

Концентрационные лагеря действовали на народ устрашающе, и это тщательно поддерживалось. Первоначально окружавшая их секретность и инспирированные официальными кругами слухи использовались в самой Германии с целью усиления таинственности и страха. Многие не знали, что происходило за заборами из колючей проволоки, но лишь немногие не догадывались.

Эту секретность никогда не предполагалось полностью раскрыть, немногим привилегированным иногда разрешалось бросить туда беглый взгляд, но многие гражданские лица, работавшие в концентрационных и трудовых лагерях, видимо, рассказывали своим родным и знакомым кое-что из виденного там. Противники Германии никогда не должны были иметь реальных доказательств совершенных там пре-

ступлений; были разработаны планы уничтожения всех этих лагерей и ликвидации оставшихся в живых заключенных. Этому помешали лишь быстрое продвижение союзников и неожиданно быстрый крах Германии.

Впоследствии мир узнал об этой трагедии. Уцелевшие рассказали о своих злоключениях, а сами лагеря являлись доказательством тех ужасов, молчаливыми свидетелями которых были их стены. Тех, кто первым вступил в эти лагеря в качестве освободителя, вечно будет преследовать ужас всего виденного.

Ниже я попытаюсь описать условия в некоторых из этих лагерей, а также унижения, оскорбления и пытки, которые пришлось пережить всем заключенным в них.

АУШВИЦ (ОСВЕНЦИМ)

Небольшой польский городок Аушвиц (Освенцим) с населением в 12 тысяч человек, расположенный на расстоянии примерно 160 миль к юго-западу от Варшавы, до войны был совсем неизвестен за пределами Польши. Его географическое расположение очень неудачно. Он находится на дне неглубокой впадины и окружен прудами со стоячей водой. Воздух там сырой, зловонный и вредный.

Неудивительно, что в этой сырой, болотистой местности, окружавшей Освенцим, никто не селился. Кто-то однажды сказал, что «жизнь в течение тысячелетия обходила его стороной, потому что там на страже стояла смерть».

Если смерть стояла там на страже в течение тысячелетия, она трудилась не напрасно, ибо именно это место выбрали немцы, чтобы создать «концентрационный лагерь Аушвиц», в котором одно время через газовую камеру ежедневно пропускали 10 тысяч человек и где, по данным самого коменданта, этим и другими способами было умерщвлено не менее трех миллионов человек.

При открытии лагерь состоял из шести старых зданий барачного типа и заброшенной табачной фабрики; впоследствии он был значительно расширен. 1 мая 1940 года гауптштурмфюрер СС Рудольф Франц Фердинанд Гёсс получил повышение и из Заксенхаузена, где он с 1938 года занимал пост помощника коменданта, был переведен в Освенцим. Освенцим должен был стать очень важным лагерем, главным образом для подавления сопротивления в Польше нацистской оккупации, к которой жители этой несчастной

страны относились отнюдь не благосклонно. Поэтому нужно было найти подходящего коменданта.

Гёсс обладал всеми необходимыми качествами, и ему было нетрудно попасть в «список привилегированных». После службы в армии в первую мировую войну он работал на фермах в Силезии и Шлезвиг-Гольштейне, пока в 1923 году не принял участия в убийстве, за что и был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Через пять лет его помиловали и освободили, и в 1932 году он вступил в Мюнхене в НСДАП (национал-социалистскую партию).

В 1933 году в Померании, инспектируя кавалерийский эскадрон СС, которым командовал Гёсс, Гиммлер заметил его и решил, что опыт и осанка делают его подходящим кандидатом для административной работы в концентрационном лагере.

С тех пор его будущее было обеспечено. В 1934 году он отправился в Дахау, где начал свою деятельность в качестве блокфюрера в лагере превентивного заключения, и оставался там до 1938 года, когда получил назначение в Заксенхаузен.

В 1941 году Гиммлер, инспектируя Освенцим, дал указание расширить его и осушить окружающие болота. В то время неподалеку от Освенцима, в Биркенау, был создан новый лагерь, рассчитанный на 100 тысяч русских пленных. С тех пор число заключенных росло с каждым днем, хотя помещения для них были совершенно недостаточны. Санитарные условия были неудовлетворительны, и эпидемические заболевания стали обычным явлением.

В 1941 году прибыла первая партия евреев из Словакии и Верхней Силезии, и нетрудоспособных умертвили в газовой камере, в одном из помещений крематория.

В том же году, несколько позже, Гиммлер вызвал Гёсса в Берлин и сообщил ему, что Гитлер приказал приступить к «окончательному решению» еврейского вопроса в Европе. Поскольку другие лагеря истребления в Польше считались не особенно действенными и их нельзя было расширить, Гёссу дали указание побывать в Трешлинке и ознакомиться там со средствами уничтожения.

Гёсс посетил Трешлинку весной 1942 года и нашел, что применяющиеся в лагере способы несколько примитивны. Там использовались небольшие камеры, оборудованные трубами, по которым поступали выхлопные газы из двигателей внутреннего сгорания. Это приспособление было нена-

дежно, так как двигатели были от старых трофейных автомашин и танков и часто выходили из строя. Псэтсму план уничтожения заключенных с помощью газа не выполнялся, хотя, по данным коменданта, за истекшие 6 месяцев было газировано 80 тысяч человек. Но Гиммлеру, который в то время проводил чистку варшавского гетто, этого было недостаточно. Было решено, что самым подходящим для этой цели лагерем является Освенцим, так как это был железнодорожный узел, где пересекались четыре линии, а поскольку окружающая местность была мало заселена, район лагеря можно было полностью изолировать.

На подготовку Гёссу дали четыре недели и сказали, чтобы он связался с оберштурмбанфюрером Эйхманом, довольно видным сотрудником 4-го отдела РСХА¹. Эйхман должен был договориться с Гёссом о том, кого ему будут послать для уничтожения.

Число прибывавших заключенных начало увеличиваться, а так как постройку дополнительных крематориев нельзя было закончить до конца года, вновь прибывших начали умерщвлять во временных газовых камерах и затем сжигать в ямах.

Два старых здания на ферме около Биркенау, расположенные в стороне от дороги, были герметически закрыты и снабжены крепкими деревянными дверями. Эшелоны разгружались на запасном пути в Биркенау, и заключенных, пригодных к работе, увозили в концентрационные лагеря Освенцима и самого Биркенау. Других, подлежащих газированию и бывших в состоянии передвигаться, вели на газовый завод, находившийся на ферме, в километре от запасного пути. Больных и тех, кто не мог идти пешком, отправляли на грузовиках.

У здания фермы всех заставляли раздеться за загородкой. На двери была надпись: «Дезинфекционная камера». У заключенных создавалось впечатление, что их хотят подвергнуть санобработке.

Раздевшись, они отправлялись в помещение группами в зависимости от величины эшелона, примерно по 25 человек. Двери запирали и через специально проделанные отверстия в стенах бросали одну-две банки «циклона Б». Обычно применялся газ «циклон Б», в состав которого входила

¹ 4-й отдел РСХА ведал всеми делами гестапо. Его руководителем в то время был обергруппенфюрер Мюллер.

синильная кислота. Для умерщвления жертв требовалось различное время, в зависимости от погоды, но оно редко превышало 10 минут.

Спустя полчаса двери открывались, и команды из заключенных, постоянно работавших там, выносили трупы



До того, как в Биркенау был выстроен крематорий, трупы сжигались в ямах.

и сжигали их в ямах. Перед сжиганием у мертвых выдергивали золотые зубы и снимали кольца. Между трупами закладывали дрова, и когда в яме оказывалось примерно 100 трупов, дрова зажигали с помощью тряпья, пропитанного парафином. Когда пламя разгоралось, в яму бросали

новые трупы. Жир, скоплавшийся на дне ям, ведрами выливали на огонь, чтобы поддержать его, если шел дождь. В таких условиях для сжигания полной ямы трупов требовалось 6—7 часов, и запах горящего мяса чувствовался в лагере даже тогда, когда ветер дул в противоположную сторону.

После очистки ям кости дробили. Это делали заключенные из лагеря. Кости складывали на цементном полу и разбивали тяжелыми деревянными молотами, затем грузили на машины и отвозили к Висле, куда их и сбрасывали.

Все описанное взято из заявления самого Гёсса, сделанного им в марте 1946 года. Оно касалось способов использования временных газовых камер до сооружения новых. Ниже следует его же описание усовершенствованных способов, применявшихся после того, как в конце 1942 года были закончены два из четырех больших крематориев.

В то время большинство эшелонов стало прибывать из Бельгии, Франции, Голландии и Греции. Поезд останавливался у специально устроенной платформы на полпути между лагерным складом и лагерем Биркенау. На этой платформе заключенных сортировали и забирали у них багаж. Трудоспособных отправляли в один из лагерей; неспособных к работе и подлежащих уничтожению отправляли в один из новых крематориев.

Жертв вводили в большую подземную раздевалку рядом с газовой камерой. В этом помещении стояли деревянные скамьи, на стенах были прибиты вешалки для одежды. Переводчики говорили заключенным, что их ведут в баню для санобработки и что они должны запомнить, куда повесили свою одежду. Затем заключенные переходили в другое помещение, где были устроены души, чтобы придать видимость правды словам переводчиков. Эти меры предосторожности имели целью предотвратить панику. До самого последнего момента с заключенными находились два унтер-фюрера, чтобы не допустить беспорядков.

Тем не менее иногда заключенные знали, что их ожидает, в особенности, если их привозили из Бельзена. В Бельзене не было газовых камер, и заключенных из Бельзена, который находится в Западной Германии, везли много миль на восток, в Верхнюю Силезию, что возбуждало у них сильные подозрения.

Поэтому, когда из Бельзена прибывал эшелон, меры предосторожности усиливались и для предотвращения

беспорядков заключенных делили на более мелкие группы и направляли в разные крематории. Эсэсовцы устанавливали сильную охрану и вталкивали сопротивлявшихся в газовые камеры. Однако волнения случались не часто, и меры, имевшие целью успокоить вновь прибывших, обычно бывали успешными.

Случай, когда произошли серьезные беспорядки, описан Гёссом в его заявлении:

«Особенно хорошо я помню один инцидент. Из Бельзена пришел эшелон. Две трети вновь прибывших, главным образом мужчины, находились в газовой камере, а одна треть в раздевалке. Бунт начался, когда в раздевалку вошли три-четыре вооруженных унтерфюрера СС, чтобы поторопить раздевавшихся. Заключенные сорвали электрические провода, напали на эсэсовцев, разоружили их и одного закололи. Поскольку в помещении было совершенно темно, охрана у входа и заключенные в комнате обменивались беспорядочными выстрелами. Прибыв на место, я приказал закрыть двери и закончить газирование первой партии. Затем с охраной, несшей небольшие факелы, я вошел в раздевалку. Мы загнали заключенных в угол, откуда их по одному выводили в другую комнату крематория и, по моему приказу, расстреливали из мелкокалиберного оружия».

Женщины часто прятали детей под одеждой, оставленной на вешалках, чтобы не брать их с собой в газовую камеру. Поэтому команды из заключенных, обычно под наблюдением эсэсовцев, обыскивали одежду и обнаруженных там детей отправляли в газовую камеру. В новых камерах усовершенствованного типа через полчаса после впуска газа начинал работать электрический вентилятор, и трупы на лифте подавались в кремационные печи. Для кремации примерно 2 тысяч трупов в пяти печах требовалось 12 часов.

Вся одежда и другие вещи умертвленных сортировались на складе командами из заключенных, постоянно находившимися и работающими там. Ценности каждый месяц отправлялись в рейхсбанк в Берлин. Одежду после чистки отправляли фирмам, изготовлявшим вооружение, для использования в лагерях принудительного труда. Золотые зубы

переплавлялись, и полученное золото раз в месяц посылали в медицинский отдел Ваффен-СС.

В декабре 1943 года Гёсс покинул Освенцим, но бесчеловечное истребление продолжалось. Сам Гёсс перешел на административную работу в СС в Мюнхене, под начало обергруппенфюрера Поля. На этом посту ему часто приходилось инспектировать концентрационные лагеря, и значительная часть сведений, имеющихся у нас об этих учреждениях, сообщена им. От него мы узнали, что в Освенциме было уничтожено не менее 3 миллионов человек, из них 2,5 миллиона в газовых камерах.

От него мы узнали также, что, согласно одной только инструкции, в бытность его комендантом Освенцима там было уничтожено 70 тысяч русских военнопленных. Не кто иной, как он, умерщвлял в 1943 году в газовых камерах по 10 тысяч заключенных ежедневно.

Эшелоны смерти доставили в Освенцим 90 тысяч человек из Словакии, 65 тысяч из Греции, 11 тысяч из Франции, 20 тысяч из Бельгии, 90 тысяч из Голландии, 400 тысяч из Венгрии, 250 тысяч из Польши и Верхней Силезии и 100 тысяч из Германии.

Освенцим заслужил свое название «лагеря смерти». На главных воротах была надпись «Труд делает свободным». Перед дантовским адом была более подходящая надпись: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Эсэсовец, служивший в Освенциме, так описывал этот лагерь:

«Одного только вида высоких двойных заборов из колючей проволоки с дощечками, на которых написано: «Внимание! Опасно!», вышек с часовыми, вооруженными пулеметами и автоматами, и безжизненных, мрачных кирпичных блоков было достаточно, чтобы у вновь прибывшего исчезла всякая надежда, ибо он начинал понимать, что отсюда нет выхода. И действительно, лишь немногие не нашли там мучительной смерти. Многие кончали самоубийством через несколько дней. Когда их вели на работу, они прорывались через цепь часовых, чтобы их застрелили. На лагерном языке это называлось «пойти на проволоку». Удар тока высокого напряжения, пулеметная очередь и смерть спасали людей от ожидавших их пыток. Когда ночью слышались выстрелы, все знали, что отчаяние

погнало к проволоке еще кого-то и что сейчас, в лохмотьях, он лежит там, в так называемой нейтральной зоне, безжизненной кучей тряпья. Нейтральная зона— это полоса из гравия шириной в два метра, проходившая вдоль внутренней ограды из колючей проволоки. По всякому, кто вступал на нее, открывали огонь.



Главный вход в концентрационный лагерь Освенцим (Аушвиц). (Немецкая надпись над воротами: «Труд делает свободным».)

Некоторых находили по утрам повесившимися на поясах у постели. В таких случаях заключенный, отвечающий за порядок в блоке, сообщал коменданту лагеря о числе самоубийств. Тогда на место происшествия спешила «служба установления личности», фотографировала труп со всех сторон, собирала у других обитателей комнаты показания, чтобы удостовериться, не был ли несчастный самоубийца убит другими заключенными. Бесстыдное лицемерие, проявлявшееся в таких случаях, было непревзойденным. Как будто эсэсовская администрация лагеря, в котором систематически изо дня в день убивали тысячи людей, была хоть в какой-то степени заинтересована в судьбе этого несчастного».

Во всех концентрационных лагерях второстепенные должности обычно занимали профессиональные немецкие преступники, которых набирали в тюрьмах и специально обучали для работы опытные эсэсовцы, работавшие в концентрационных лагерях.

Освенцим не был исключением, и первыми туда прибыли 30 преступников, составившие ядро младшего персонала: лагерные старосты, старосты блоков, дневальные и капо¹ или бригадиры. Этих людей выбирали из самых закоренелых преступников, отбывавших большие сроки заключения за уголовные преступления. Где еще можно было найти лучших исполнителей преступных планов Гиммлера?

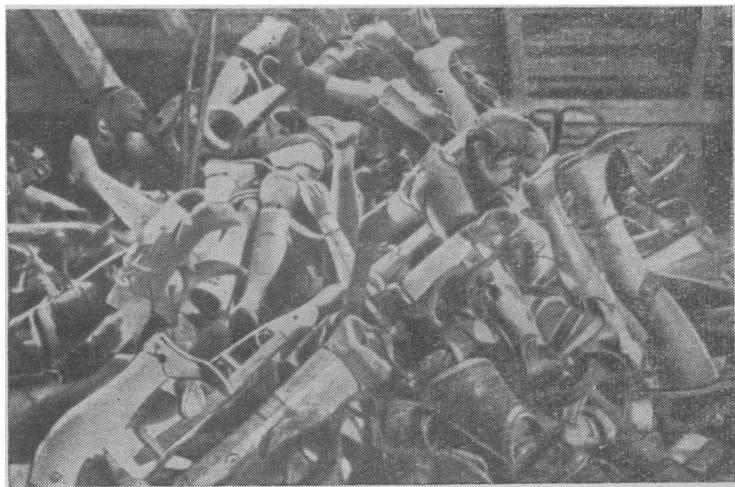
Две недели спустя прибыл первый эшелон с поляками, и в течение некоторого времени в лагере находились только поляки. За все время существования лагеря через него прошли заключенные 26 национальностей, а тогда, когда лагерь использовался почти целиком для истребления, большинство составляли евреи. Едва ли кто-нибудь из них совершил какой-либо проступок: они находились там лишь потому, что были поляками, евреями, цыганами или советскими военнопленными.

Тех, кто не предназначался для немедленного истребления, регистрировали и нумеровали. Эти номера пришивали заключенным на платье, а с 1942 года татуировали на предплечье. Для некоторых категорий заключенных имелись специальные значки: красный треугольник—для политических заключенных, зеленый—для профессиональных преступников, розовый—для гомосексуалистов, черный—для проституток и лесбиянок и фиолетовый—для духовенства. Евреи носили звезду Давида, а позже—желтую полосу над треугольником.

С момента регистрации все заключенные переставали быть людьми и превращались в простые номера. Они не имели ни индивидуальности, ни имущества. Все их пожитки конфисковались и хранились на складе, за исключением некоторых предметов, в отношении которых имелись особые указания, и вещей, которые эсэсовцы и охранники отбирали для себя или своих семей.

¹ Капо стояли во главе отдельных барачков; они зверски обращались с подчиненными им людьми, и заключенные их очень боялись.

В лагере было 35 специальных построек для сортировки и хранения отобранных вещей. Перед эвакуацией лагеря немцам удалось сжечь 29 таких складов вместе с содержимым. О количестве конфискованных вещей, однако, можно судить по тому, что в оставшихся после отступления противника складах было обнаружено следующее: 348 820 костюмов, 836 255 женских платьев, 5525 пар женской обуви, тысячи зубных щеток, кисточек для бритья и очков, всевозможная посуда и даже протезы.



Протезы людей, отправленных в газовые камеры.

Поскольку жизнь в лагере Освенцим была тяжелой, то наказание, чтобы быть действенным, должно было быть еще тяжелее. В этом отношении лагерный персонал как будто не испытывал никаких затруднений. Комендант регулярно приговаривал к следующим видам наказания: порке, переводу в штрафную группу, стоянию на коленях в течение многих часов и заключению в темной узкой камере¹. Эти камеры были настолько малы, что в них заключенные не могли двигаться и все время должны были стоять. В Биркенау входы в эти камеры напоминали вход в собачью конуру. Войти туда можно было только ползком.

¹ Это наказание называлось «штейцелле».

«Штейцелле» сопровождалось другими формами пыток: например, вырыванием ногтей, литьем воды в уши, лишением в течение нескольких дней всякой пищи, кроме пересоленных овощей, чтобы вызвать усиленную жажду.

Порка производилась публично во время вечерней переключки на специально сооруженном для этого помосте. Удары наносили по ягодицам кожаным хлыстом. Хотя по правилам удары должны были наноситься не по голому телу, заключенных били по голому телу до тех пор, пока не начинала течь кровь. Если заключенный терял сознание, его (или ее) приводили в чувство и наказание продолжали.

Обычное наказание, специально предназначенное для женщин, заключалось в том, что их заставляли стоять в положении «смирно» в течение долгого времени и не давали ничего есть. Другое наказание состояло в том, что заключенного с вытянутыми руками ставили на колени, а на руки клали по тяжелому камню. Если заключенный немного опускал руки или ронял камни, его били.

В знаменитом блоке XI находилась штрафная рота. Ниже следует описание этого блока, сделанное бывшим сотрудником лагерной администрации:

«Внешне он вряд ли отличался от остальных двадцати восьми зданий, в которых жили заключенные или которые использовались под кухни и госпитали. Несколько невинно выглядящих каменных ступенек вели к входу. В отличие от других блоков дверь в блок XI была всегда закрыта. Когда звонил колокол, появлялся часовой-эсэсовец, его шаги раздавались откуда-то издали в здании, казавшемся пустым. Каждого посетителя он подозрительно разглядывал через небольшое решетчатое окошко, прежде чем впустить. В полутьме коридора можно было различить массивную железную калитку, которая, казалось, отделяла главную часть здания. Даже когда посетитель находился вне здания, его поражало, что окна были почти полностью замурованы и пропускали свет только сквозь узкие щели. Заметив, что окна примыкавшего блока закрыты косыми деревянными решетками, посетитель приходил к убеждению, что здесь творится что-то особенное».

В этом темном, отталкивающем на вид здании находились в свободное от работы время те, кто входил в штраф-

ную роту. Они работали всегда под открытым небом, в любую погоду, часто по пояс в воде, а когда не работали, всю ночь лежали в холодных комнатах на голом полу. Заболеваемость в таких условиях была очень высока, а так как больных из блока XI не принимали в госпиталь, многие из них умирали.

Однако еще больше их гибло от насильственной смерти. Начальник блока Кранкенманн многих убил собственными руками. Расставив заключенных вдоль каменной стены, он так сильно бил их в челюсть, что головы их, ударяясь о стену, разбивались.

Тех, кто становился непригоден для работы, отбирали и обрекали на смерть. Отбор производился на специальных смотрах. Больные и старые, знавшие цель этих смотров, старались казаться здоровыми и более молодыми. Они держались прямо и выпячивали грудь. После отбора обреченных помещали в отдельные блоки, прозванные заключенными «блоками смерти».

Не пригодных для работы заключенных умерщвляли не только с помощью газа. Оберштурмфюрер СС д-р Эндредд изобрел способ умерщвления заключенных путем впрыскивания фенола¹. Ему помогали другие медицинские работники лагеря. Сообща они убили не менее 25 тысяч заключенных. Эти впрыскивания производились следующим образом:

«Обреченного сажали на стул, похожий на зубо-врачебное кресло. Двое заключенных держали его за руки, а третий, завязав ему глаза полотенцем, держал за голову. Затем к нему подходил д-р Клер и вонзал в грудь длинную иглу. У заключенного темнело в глазах, но умирал он не тотчас же. Потом заключенные, помогавшие произвести впрыскивание, отводили жертву в полубморочном состоянии в соседнюю комнату и бросали на пол. Не проходило и полминуты, как человек умирал»².

¹ Смертельные впрыскивания использовались и в других местах. 6 июля 1944 года в концентрационном лагере Нацвейлер в Эльзасе четыре женщины, сброшенные на парашютах во Францию для связи со штабом, СОЕ и французским движением сопротивления, были схвачены немцами и убиты путем впрыскивания эвипана.

² «Преступления немцев в Польше», том I (Центральная комиссия по расследованию преступлений в Польше).

Третьим способом уничтожения был расстрел. Эти казни осуществлялись политическим отделом, возглавлявшимся унтерштурмфюрером СС Грабнером. Этот человек несет, пожалуй, личную ответственность за большее число убийств, чем любой другой эсэсовец. Ниже приводится рассказ человека, знавшего его:

«В помещении политического отдела собрались все сотрудники отдела и письмоводители. Начальник его, унтерштурмфюрер СС Эрнст Грабнер, ведет с ними деловой разговор. Сидя за своим массивным письменным столом, этот человек среднего роста высокопарно говорит с австрийским акцентом, приняв важный вид. Бессвязная речь и плохой немецкий язык выдают его полное невежество, несмотря на то, что на плечах его серебряные погоны. Посвященные знают, что, до того как стать военным, он был пастухом, пас коров на каком-то альпийском пастбище. Сейчас Грабнер гордо носит петлицы службы безопасности... Он недоволен работой своего отдела. Слишком мало доносов на заключенных, слишком мало рекомендаций в отношении казней. Он критикует своих подчиненных за снисходительность. Ответом на его приказ быть впредь более жестокими служит глухое шелканье каблуков. Грабнер стал первым человеком в лагере благодаря невиданной жестокости, честолюбию и стремлению выдвинуться. Даже сам комендант Гёсс, который вряд ли уступает ему в садизме и которого никогда не мучат угрызения совести, усиленно старается не испортить с ним отношений».

Грабнер явился инициатором ежедневных массовых казней. Он ввел также способ убийства заключенных выстрелом в затылок¹, так широко применявшийся эсэсовцами по всей Европе. Его главными помощниками были Фрич, Палич и Аумейер. Фрич обычно обращался к вновь прибывшим со следующими словами:

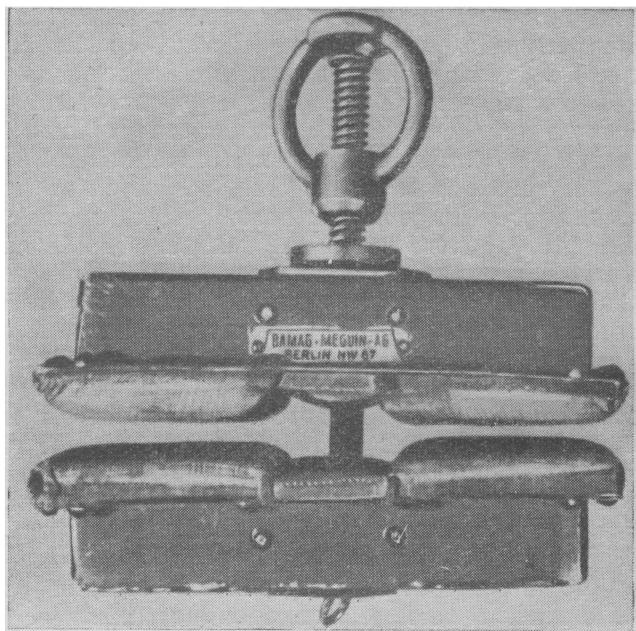
«Предупреждаю вас, что вы прибыли не в санаторий, а в германский концентрационный лагерь, из которого нет другого выхода, кроме как в дымовую трубу². Если вас это

¹ По-немецки это называлось «геникшусс».

² Выражение «в дымовую трубу» означало, конечно: через крематорий. Фраза «думайте, о чем вы говорите, иначе вылетите в трубу» была широко распространенной угрозой в Германии в годы войны.

не устраивает, то вам лучше броситься на провода высокого напряжения». Грабнер и его помощники истязали заключенных во время допросов, которые производились почти по любому поводу.

Расстрелы производились часовыми, находившимися за пределами лагерной ограды. Заключенных привязывали



Орудие пытки, стискивающее большой палец.

к столбам с заложенными назад руками и затем расстреливали группами по 10 человек, и те, кого казнили последними, вынуждены были смотреть, как расстреливают всех других. Палич лично расстреливал, а Грабнер отдавал приказы. В Освенциме ими было расстреляно 25 тысяч заключенных.

Четвертым и последним способом истребления было повешение. Оно применялось главным образом к заключенным, пойманным при попытке к бегству. Казнь производилась в присутствии всех остальных заключенных,

с тем чтобы им неповадно было бежать. Перед повешением жертвы подвергались порке. Их трупы оставались на виселице всю ночь, а на следующее утро всех обитателей лагеря заставляли проходить мимо них.

Таков был Освенцим—«лагерь смерти». Но это не вся история. Если бы была написана вся, ее не смогли бы прочесть, а если бы прочитали, то не поверили.

БЕЛЬЗЕН

Около деревни Берген, на дороге, ведущей из Целле в Гамбург, находился концентрационный лагерь Бельзен. Вначале он был невелик, затем его расширили, а в ноябре 1944 года туда был послан опытный работник из концентрационного лагеря Освенцим Иозеф Крамер с целью превратить Бельзен в лагерь для выздоравливающих больных из концентрационных лагерей, с заводов и ферм и для перемещенных лиц из стран Северо-Западной Европы.

Организация в лагере была та же, что и в других лагерях, то есть существовала система начальников и старост. Иначе говоря, все посты, название которых содержало слово «фюрер», занимали эсэсовцы, являвшиеся начальниками, а все посты, в которых содержалось слово «эльтестер» (староста), как, например, блокэльтестер, обычно занимали закоренелые преступники, специально привезенные из гражданских тюрем; они и были старостами.

В Бельзене не было газовых камер; тем не менее болезни и голод истребили там тысячи людей. В течение нескольких последних месяцев существования этого лагеря недостаток продовольствия был настолько острый, что заключенные (лагерный персонал питался попрежнему хорошо) доходили до людоедства. Один англичанин, бывший заключенный, показал на судебном процессе коменданта и некоторых работников лагеря, что во время уборки трупов он замечал, что чуть ли не у каждого десятого из убираемых трупов вырезан кусок из бедра или другой части тела. Этим мясом питались некоторые заключенные. Свидетель сам видел людей, занимавшихся этим. Вот до чего могли довести заключенных муки голода.

Ниже следует выдержка из показания свидетеля:

«Я не раз замечал у многих трупов весьма странную рану на задней части бедра. Сначала я думал, что это

рана от выстрела в упор, но после того, как мне пришлось увидеть это несколько раз, я спросил об этом своего приятеля, который рассказал мне, что многие заключенные вырезают для еды куски из тел умерших. При следующем же посещении морга я заметил, как один заключенный, вытащив нож, отрезал кусок от ноги трупа и быстро отправил его в рот, боясь, конечно, чтобы кто-нибудь не заметил его. Я предоставляю вашему воображению понять, до какого состояния были доведены заключенные, если они рисковали есть куски, вырезанные из почерневших трупов.

Я не собираюсь описывать условий существования в этом лагере. Жизнь в концентрационных лагерях едва ли чем-либо рознилась, а Бельзен был ничем не хуже и, безусловно, ничем не лучше большинства из них.

Однако то, что представилось глазам английских офицеров, первыми вступивших в лагерь после капитуляции противника, дает яркую картину условий существования внутри огороженных проволокой территорий—ибо жизнью это назвать нельзя.

Вместе с первыми войсками, вступившими в лагерь, находился капитан Дерек Сингтон, командовавший в то время 14-й частью радиослужбы. Он прибыл с целью отдать некоторые распоряжения, а также в качестве переводчика при подполковнике Тэйлоре, командире 63-го противотанкового полка английской артиллерии. Тэйлор прибыл вместе с одной из своих батарей, чтобы принять управление лагерем.

У ворот лагеря капитана Сингтона встретил комендант Иозеф Крамер, который сообщил, что в лагере № 1 находится 40 тысяч человек и в лагере № 2 еще 15 тысяч, большинство которых—обычные преступники, уголовники и гомосексуалисты, но имеются также лица, находящиеся в превентивном заключении, то есть политические заключенные. Их было, конечно, 99 процентов. Они были согнаны сюда из стран, в которые немцы вторглись начиная с 1939 года.

Через несколько часов после подполковника Тэйлора в лагерь прибыл заместитель начальника медицинской службы английской армии на Рейне бригадный генерал Глин Хьюз; условия, которые он там обнаружил, были неописуемы. «Никакое описание, никакая фотогра-

фия,—сказал он,—не в состоянии передать ужасы, которые можно было наблюдать за пределами бараков, а сцены внутри их были еще страшнее».

Целые горы трупов валялись по всему лагерю, в бараках и вне их, некоторые трупы лежали на койках

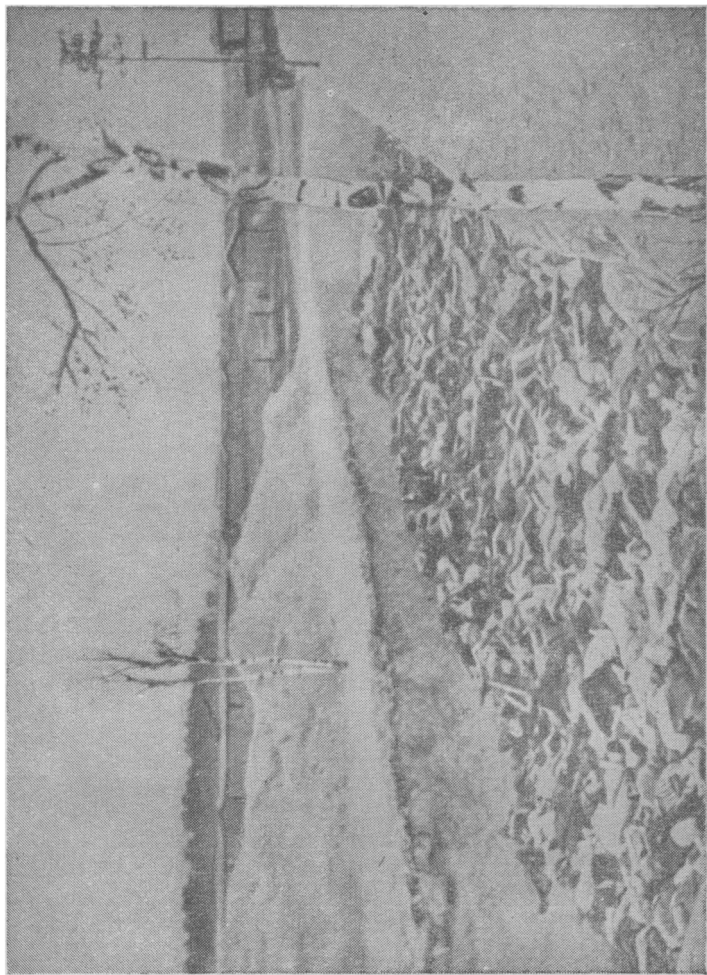


Удостоверение Иозефа Крамера на право вождения машины.

рядом с живыми людьми. Около крематория были общие могилы, уже заполненные и засыпанные, а одна, заваленная множеством трупов, была еще открыта.

Бараки были набиты заключенными, находившимися в различных стадиях истощения и болезней. В некоторых бараках, рассчитанных на сто человек, жило по тысяче.

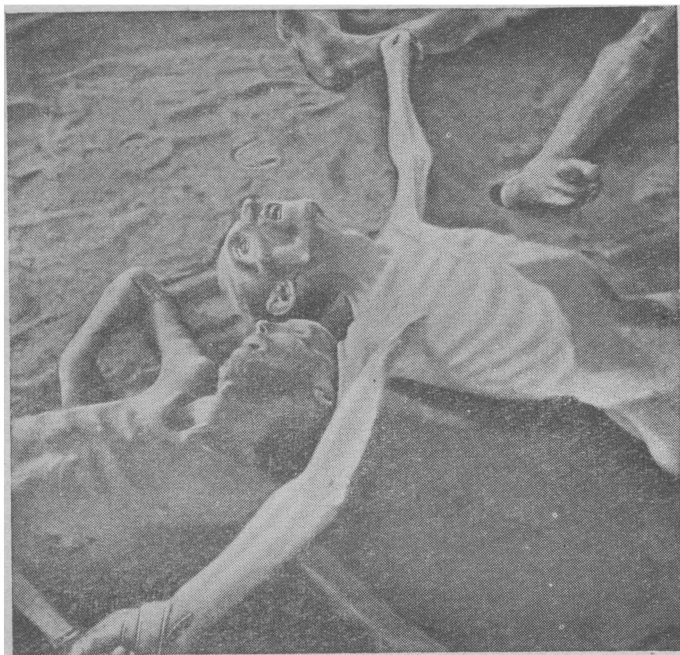
Отсутствовала всякая санитария, условия внутри бараков были невыносимы, поэтому большинство заключенных страдали различными желудочно-кишечными заболеваниями и были слишком слабы, чтобы выходить в уборную, а барачные уборные давно уже не действовали. В женском отделении была вырыта глубокая канава, через которую перебросили доску, но никаких перегородок,



Общая могила в Бельзене.

никакого прикрытия не было. Те, кто находил в себе силы, ходили туда, остальные же отправляли свои естественные потребности там, где лежали. Повсюду были экскременты.

В мужском отделении, где находилось 8 тысяч человек, свирепствовал тиф. В женском отделении лагеря находилось 23 тысячи женщин, здесь также валялось много



Подобные картины можно было наблюдать в любой части лагеря.

неубранных трупов. В проходе одного барака, расположенного поблизости от горы трупов, валялись мертвые женщины. Одна из комнат была до отказа набита трупами.

Семьдесят процентов заключенных нуждались в госпитализации, и было очевидно, что тысяч десять из них умрут прежде, чем их можно будет доставить в больницу.

В лагерях свирепствовали самые различные болезни. Больше всего заключенные страдали от тифа, туберкулеза

и голода. Можно представить себе, насколько плохими должны были быть условия в лагере, чтобы в течение нескольких месяцев вызвать смерть вполне здоровых людей.

На следующее утро после осмотра лагеря бригадный генерал Глин Хьюз решил еще раз пройти по лагерю с Крамером, который повел его к одной из открытых могил. Комендант, казалось, был совершенно спокоен и равнодушен. «Я был врачом в течение тридцати лет,—рассказал бригадный генерал Глин Хьюз,—и видел все ужасы войны, но подобного я еще никогда не встречал». Он заявил также, что, очевидно, не предпринималось никаких попыток сохранить жизнь и здоровье заключенных.

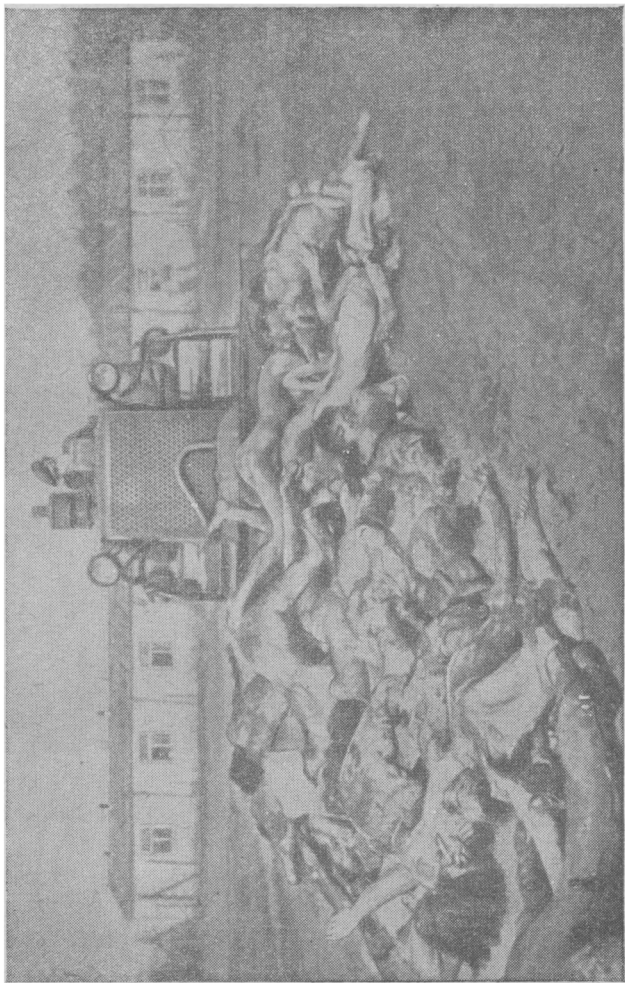
Вскоре после вступления английской армии в лагерь был заснят фильм, который был показан на процессе работников бельзенского лагеря. Говоря об этом фильме, главный английский обвинитель на этом суде полковник Т. М. Бэкхауз заявил:

«Этот фильм даст некоторое представление об условиях и той степени деградации, до которой может опуститься человеческий дух. Вы увидите тысячи валяющихся трупов и состояние их. Вы увидите также упитанных эсэсовцев, находящихся там. Вы увидите людей, пытающихся зачерпнуть консервной банкой воду из маленького водоема. Но вы не увидите того, что эта вода грязная и что в ней валяются человеческие трупы. А это была единственная вода для питья. Вы увидите мертвых, живых и умирающих. Но фильм не может передать вам всю отвратительную грязь, все убожество и нестерпимое зловоние, которое распространялось до самых небес».

Этот же фильм был показан немцам в Люнебурге, где происходил процесс. Некоторых из них он, казалось, немало позабавил, а многие сочли его пропагандой.

БУХЕНВАЛЬД

На лесистом холме в шести милях от Веймара, одной из святынь германской культуры и свободы, летом 1937 года был создан новый концентрационный лагерь. Дахау и Заксенхаузен процветали, и Гитлер решил построить новую «тюрьму для демократии» в Центральной Германии.



Английские войска расчищают лагерь бульдозерами.

На протяжении почти восьми лет этот лагерь являл собой зрелище повседневного варварства и жестокости. Над заключенными производились опыты, как над лабораторными кроликами. Тысячи людей были расстреляны.



Жена коменданта Бухенвальда Ильза Кох.

Многие сходили с ума из-за ужасных, невыносимых условий существования, и когда их вели на работу, они пытались прорваться через кордон охраны, ища смерти как единственной возможности покончить с той физической и духовной мукой, которую они претерпевали.

В Бухенвальде заключенных давили под грузом камней, топили в навозе, пороли, морили голодом, кастрировали, увечили. Но это не все. Каждому татуированному заключенному было приказано явиться в амбулаторию. Вначале никто не знал причины этого, но вскоре тайна стала известной. Те, кто имел на коже наиболее красивую татуировку, были отобраны, а затем умерщвлены впрыскиваниями, производимыми Карлом Бейгсом одним из «капо».



Высушенные головы, найденные в Бухенвальде.

После этого трупы передавались в патологический отдел для снятия кожи и ее обработки. Готовая продукция поступала жене коменданта Ильзе Кох, которая заказывала из нее абажуры, переплеты для книг и перчатки.

Другой находкой, сделанной в Бухенвальде в апреле 1945 года, когда туда пришла американская армия, были сохранившиеся головы многих жертв. Кто-то в лагере отрубил голову двум полякам, после того как они были повешены за связь с немецкими девушками. Головы были высушены, чем-то набиты и сохранены. Они были размером с кулак, но на них сохранились волосы, а на шее даже следы от веревки¹.

¹ Автор лично видел эти высушенные головы. См. иллюстрацию.

В апреле 1947 года обергруппенфюрер СС генерал Вафен СС князь Йозиас цу Вальдек с тридцатью членами лагерной администрации, включая Ильзу Кох, предстали перед американским военным трибуналом. Суд происходил на территории концентрационного лагеря в Дахау (около Мюнхена), в котором многие из обвиняемых до этого выступали при совершенно других обстоятельствах. В обвинительном заключении говорилось, что многие тысячи пленных не менее чем двенадцати различных стран подвергались «убийству, избиениям, истязаниям, голоду, оскорблениям и унижениям».

В этом лагере на протяжении восьми лет все известные человеку зверства совершались с садистским наслаждением. Было ли это простым истреблением, как в первые годы, или истреблением, которое называлось «замучить работой», как это было в последние годы, принцип был один и тот же: «сломить тело, сломить дух, сломить сердце»¹.

А германский народ? Знал ли он обо всем этом? Часто утверждают, что нет, не знал. Это так же маловероятно, как и другое—что он знал все.

Существует пословица: «Можно обманывать всех людей некоторое время и некоторых людей—все время. Но нельзя обманывать всех все время». Имѳется более чем достаточно доказательств, что значительная часть немцев знала очень многое о происходящем в концентрационных лагерях. Еще больше было людей, у которых имелись серьезные подозрения и опасения, но эти люди предпочли успокоить свою совесть, оставаясь в неведении.

По мере обострения проблемы рабочей силы германские власти освобождали немецких женщин-преступниц и антисоциальные элементы из концентрационных лагерей для работы на германских предприятиях. Трудно поверить, что эти женщины ни с кем не делились своими впечатлениями. Бригадирями на этих предприятиях были немецкие женщины, соприкасавшиеся с заключенными и разговаривавшие с ними. Бригадиры из Освенцима, отправленные впоследствии на работу на одно из предприятий Сименса в Равенсбрюке, до этого работали на предприятиях Сименса

¹ Выдержка из введения к официальной информационной брошюре, изданной во время процесса.

в Берлине. Они общались с женщинами, с которыми ранее встречались в Берлине, и рассказывали, что они видели в Освенциме. Можно ли предполагать, что эти рассказы дальше не распространялись? Немцев, которые во время войны пускались в неосторожные разговоры, обычно предупреждали: «Поосторожнее, а то вылетишь в трубу». О какой же трубе могла идти речь, если не о крематории концентрационного лагеря?

Система концентрационных лагерей существовала в Германии еще за несколько лет до войны, и у многих немцев в этих лагерях были друзья и родственники, часть из которых впоследствии была освобождена.

Заключенных Бухенвальда ежедневно отправляли на работу в Веймар, Эрфурт и Иену. Они уходили утром и возвращались ночью. В течение дня они общались на работе с гражданским населением. Неужели они никогда не разговаривали с населением, а если разговаривали, то неужели никогда не затрагивали темы о концентрационных лагерях?

На многих предприятиях, где работали группы заключенных из концентрационных лагерей, технический персонал не состоял из военных и мастера не были эсэсовцами. Каждый вечер после наблюдения за работой заключенных они возвращались домой. Неужели они никогда не обсуждали дома со своими родственниками или приятелями виденное или слышанное за день?

А что можно сказать об эсэсовцах, работавших в лагерях, и об охране. Правда, все они подписывали обязательство никогда не разглашать за пределами лагеря о происходящем. Но можно ли предположить, зная человеческую природу, что они так никогда и не нарушили этого обязательства? Известно, что бандиты всегда большие хвастуны.

В августе 1941 года епископ Лимбургский написал рейхсминистрам внутренних дел, юстиции и по делам культов следующее письмо:

«Примерно в восьми километрах от Лимбурга, в небольшом городке Хадамар... находится учреждение, где на протяжении многих месяцев систематически применяется эвтаназия¹. Несколько раз в неделю в Хадамар прибывают автобусы со значительным

¹ Умерщвление безнадежно больных и т. п.—Прим. перев.



Одна из печей для кремации в Бухенвальде.

числом таких жертв. Местные школьники уже знают эти автобусы и кричат: «Вон опять ящик убийства». Дети, окликая друг друга по имени, говорят: «Ты сошел с ума и будешь отправлен в печи Хадамара». Те, кто не желает жениться, объясняют это так: «Жениться? Никогда. Производить на свет детей, чтобы их бросали в паровые котлы?» Можно услышать, как старики просят: «Не отправляйте меня в государственную больницу. После того как будет покончено со слабыми, бесполезными едоками окажутся старики...»

Если жители Хадамара знали так много, то можно ли сомневаться в том, что жители Бергена, Дахау, Шгрутгофа и Биркенау знали кое-что о том, что происходит у самого их порога—в концентрационных лагерях Бельзена, Дахау, Нацвейлера и Освенцима?

Сам Гёсс говорил об Освенциме: «Гарь и отвратительное зловоние от непрерывно горящих трупов распространялись по всему району, и все население окружающих местностей знало, что в концентрационных лагерях истребляют людей».

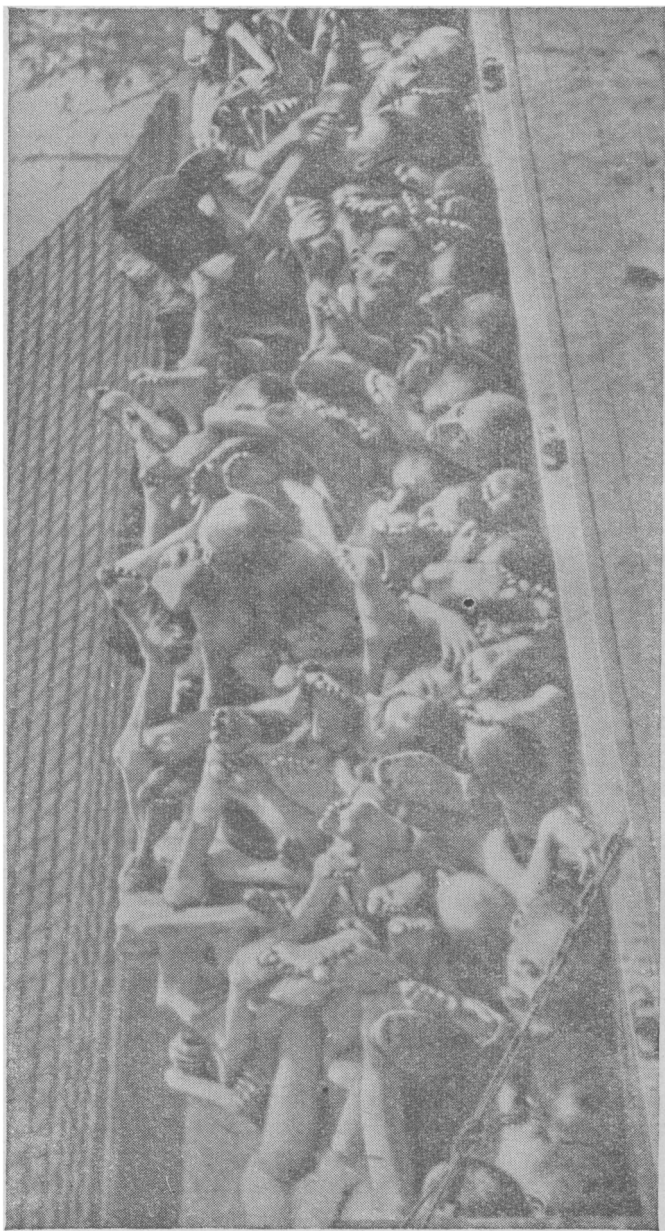
День за днем целые поезда жертв, погруженных в вагоны для скота, двигались по всей железнодорожной сети рейха в направлении центров истребления. Их видели сотни железнодорожников, знавших, откуда они едут и куда направляются.

Если ужасы, творившиеся в стенах лагеря, могли оставаться неизвестными, то эти вещи происходили среди бела дня, и все немцы, у которых были глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, не могли сомневаться в том, какие преступления совершаются от их имени по всей стране.

ДАХАУ

Дахау—один из первых концентрационных лагерей—был расположен около деревни того же названия, на расстоянии примерно 12 миль от Мюнхена. У обочины главного шоссе стоял дорожный указатель, показывавший направление в лагерь. Именно в нем производились так называемые медицинские опыты над сотнями заключенных, превращенных в лабораторных кроликов.

В период между 1941 и 1942 годами было произведено около 500 операций на здоровых людях. Цель их заклю-



Концентрационный лагерь Бухенвальд. Вагон, нагруженный трупами.

чалась в предоставлении возможности практиковаться эсэсовским врачам и студентам-медикам. Многие из этих операций были весьма сложными, как, например, удаление желчного пузыря, а делались они студентами-второкурсниками. Обычно такие операции производятся врачами, имеющими не менее четырех лет стажа работы в области хирургии. Многие из этих больных умерли либо во время операции, либо от послеоперационных осложнений.

Проводились также опыты с малярией на 1200 заключенных, ни один из которых не был добровольцем. Эти опыты производились доктором Шиллингом по личному указанию Гиммлера. Жертвы либо подвергались укусам комаров, либо им прививали малярийные бактерии, взятые у комаров. Целью эксперимента было проверить некоторые лекарства от малярийной лихорадки. Тридцать или сорок из этих «пациентов» умерли от самой малярии, и еще несколько сот умерло от других болезней в результате общего ослабления организма. Многие заключенные были отравлены чрезмерными дозами неосальварсана и пирамидона, которые были в числе испытывавшихся лекарств.

Другие опыты в Дахау производил доктор Зигмунд Рашер, майор немецких военно-воздушных сил. Двадцать пять человек были помещены в специально сконструированную камеру, в которой давление воздуха можно было регулировать. Целью эксперимента было проследить за тем, как действует на человека большая высота или быстрый спуск с парашютом.

Многие из заключенных, которые подверглись этому эксперименту, представлявшему собой настоящую пытку, умерли от кровоизлияния в легкие или мозг. Те, которые выжили, кашляли кровью, когда их вытаскивали из камеры. Внутренние органы умерших отправлялись в Мюнхен для исследования, а оставшихся в живых обычно убивали.

Другие опыты производились Рашером для исследования действия на человека погружения на длительное время в холодную воду. Эти опыты были описаны доктором Францем Блаха из Чехословакии¹, арестованным немцами в 1939 году и брошенным в лагерь Дахау. Он присутствовал при нескольких таких опытах:

¹ Письменное показание доктора Блаха, данное под присягой, было оглашено 9 января 1946 года в Нюрнберге.

«Подопытного опускали в ледяную воду и держали там, пока он не терял сознания. Из шеи у него брали кровь и подвергали анализу каждый раз, когда температура тела снижалась на один градус... Наиболее низкая температура, при которой человек еще продолжал жить, была 19 градусов по Цельсию, но большинство умирало при 25 или 26 градусах. Когда человека вытаскивали из ледяной воды, его пытались оживить при помощи искусственного солнечного света, горячей воды, электротерапии или при помощи тепла живого тела. Для последнего эксперимента использовались проститутки: тело потерявшего сознание человека помещали между двумя такими женщинами».

Этот опыт считался наиболее занимательным, и Гиммлер несколько раз приводил своих приятелей в качестве зрителей. Гиммлер проявлял к этому столь большой интерес, что предписал генералу СС Полю сообщать ему о ходе этих опытов и отдал распоряжение, чтобы подходящие женщины, но не немки, были отобраны в Дахау для оживления людей, подвергшихся такому замораживанию. «Отобрано четыре девушки,—писал он,—попавшие в концентрационный лагерь за легкое поведение и за то, что, будучи проститутками, они являлись потенциальными источником заразы»¹.

Эксперименты производились также доктором Шутцем и некоторыми другими над рядом польских, чешских и голландских священников. Была отобрана группа священников, которым было сделано внутривенное вливание гноя. После этого не было принято никаких лечебных мер—хотели добиться воспаления или общего заражения крови. Затем были применены различные лекарства с целью борьбы с последствиями. Этот эксперимент сопровождался ужасными болями, и большинство из тех, кто не умер от заражения крови, навсегда остались инвалидами.

В 1944 году над многими венграми и цыганами были проведены опыты с соленой водой. Опыт заключался в том, что этим людям не давали ничего, за исключением соленой воды, и в этот период производился анализ их крови, мочи и кала.

¹ Выдержка из письма, написанного рейхсфюрером СС Гиммлером генералу СС Полю 16 ноября 1944 года.

При соблюдении некоторых основных условий медицинские опыты над людьми не противоречат медицинской этике. Эти условия требуют прежде всего, чтобы опыты производились над добровольцами, над людьми, которые могут дать свое согласие совершенно свободно, а не под нажимом, которые могут в любой момент отказаться от экспериментов и которые полностью понимают, каковы могут быть последствия и риск. Эксперимент также должен быть рассчитан на такой результат, который будет полезен обществу и не может быть достигнут иными средствами. Наконец, опыт должен производиться исключительно компетентными, квалифицированными врачами, а во время и после операции должна быть проявлена высшая степень мастерства и осторожности.

Опыты, которые производились врачами в концентрационных лагерях, не имели ничего общего с этим. Подопытные не были добровольцами. Их брали по принуждению, а часто даже применяли физическое насилие. Операции часто производились неподготовленными людьми и, как правило, в антисанитарных условиях.

Не предпринималось никаких мер для предотвращения или уменьшения страданий, и никто не заботился о том, выживет ли пациент или умрет. Эксперименты обычно заканчивались смертью, а выжившие часто оставались обезображенными, искалеченными или неизлечимыми инвалидами. Наконец, многие из этих опытов не имели никакого медицинского или научного значения.

НОЙЕНГАММЕ

Лагерь в Нойенгамме был основан в 1938 году, но число заключенных увеличивалось настолько быстро, что уже в 1942 году в лагере находилось в три раза больше людей, чем он мог вместить, несмотря на то, что к «Нойенгаммскому блоку» было добавлено не менее 55 пристроек. Были построены отделения этого лагеря, которые приобрели такую известность под названиями: Бантервег, Булленхаузендам, Ганновер-Алем и Шандела.

В связи с поражениями немцев и их потерями в России в 1942 году политика концентрационных лагерей была изменена. До этого политика, изложенная Гиммлером, сводилась к истреблению всех нежелательных заключенных в этих лагерях. Установка эта была коренным образом

изменена вследствие возросшей потребности в рабочей силе. Была поставлена задача сохранить заключенных в живых на самом низком уровне существования и извлечь из них максимальное количество труда при минимальных затратах.

После 1942 года в Нойенгамме активно ускоряли смерть только больных и нетрудоспособных. Остальных обрекали на жалкое существование лишь на тот короткий период, пока они оставались трудоспособными.

Всего через Нойенгаммский лагерь прошло 90 тысяч человек, из которых около 40 тысяч умерло: 3 тысячи—естественной смертью и 37 тысяч—от причин, вызванных неестественными условиями и невиданной бессердечностью. Из общего числа заключенных в Нойенгаммском блоке в течение последнего года войны 90 процентов составляли граждане союзных держав, ввезенные в Германию для рабского труда, и 10 процентов—немцы, половина из которых—неисправимые преступники—занимали второстепенные посты в лагерной администрации.

Центральная часть Нойенгаммского лагеря представляла собой распределительный пункт, в котором наиболее трудоспособных отбирали и посылали в отделения этого лагеря, где они подвергались физическим и духовным лишениям еще более жестоким, чем в центральном лагере, и где продолжительность жизни исчислялась не более чем двумя месяцами.

Комендант Макс Паули, человек с безжалостным и депотическим характером, был грозой заключенных. Как и все его подчиненные он был эсэсовцем. Подобно им, исключая двух врачей, он был простолюдином. Его заместитель Антон Туман заведовал всеми лагерными бараками и, следовательно, должен был заботиться о благополучии—если вообще такое слово применимо—всех заключенных. Он был невиданно жестоким негодяем и несет непосредственную ответственность за многие убийства. Заместитель Тумана Вилли Дрейман был менее заметной фигурой, но не менее отъявленным негодяем, он часто сам выступал в роли лагерного палача. Под началом этих людей находились другие начальники барачков, каждый из которых имел неограниченные права над одной тысячей заключенных.

Наконец, там находились два врача—Альфред Тжебинский и его помощник Бруно Кит. Первый прибыл в

лагерь осенью 1943 года, второй—в январе 1945 года. Кит во всех отношениях уступал Тжебинскому: он был менее умен, менее дальновиден, менее осведомлен о творившихся злодеяниях, был менее искренним и менее утонченным но не меньшим злодеем. В отличие от своего начальника он доходил до того, что бил своих пациентов.

Только эти два человека несли ответственность за здоровье около 14 тысяч заключенных. Они были обязаны сохранить тех своих пациентов, которые еще могли работать. Они были обязаны применять «соответствующие меры» к тем, которые были слишком больны и не могли быть использованы для работы в будущем. Тжебинский и Кит оправдали все ожидания.

Осенью 1942 года санитар Бар по распоряжению предшественника Тжебинского загнал с помощью Дреймана 197 русских военнопленных в камеры и накачал туда газ «циклон Б». Все они умерли. Затем их вытащили, взвалили на грузовики и увезли. Всех заключенных согнали, чтобы они могли видеть эту ужасную картину, и заставили петь песню, первая строчка которой гласила: «Привет, любимый трубадур, будем веселиться и радоваться».

В начале 1945 года в главный лагерь привезли 80 голландцев. Двадцать из них вскоре умерли от общего ослабления организма. Остальные 60 были повешены тайно, без суда. Половина из них к моменту казни были больны. Вешали их Туман и Дрейман, и за свои труды они получили дополнительную порцию спиртных напитков.

В феврале того же года 20 еврейских детей из Франции и России в возрасте от 5 до 12 лет были доставлены в главный лагерь Нойенгамме. Они были отобраны бесчестным доктором Гейсмейером из Берлина в качестве подопытного материала в интересах так называемой медицинской науки. Гейсмейер часто наезжал в лагерь и впрыскивал этим бедным детям туберкулезные бактерии. Пока производились подобные эксперименты, детям давали сладости и игрушки. Многие из них серьезно заболели.

В апреле союзные войска быстро приближались к Нойенгамме, и по просьбе доктора Гейсмейера генерал СС Поль отдал распоряжение взять детей в филиал лагеря Булленхаузендам и убить их там так, чтобы уничтожить все следы опытов.

Дети и шесть русских заключенных были отправлены в Булленхаузендам доктором Тжебинским в сопровожде-

нии четырех «медицинских сестер» (в действительности это были два французских и два голландских врача, впоследствии казненные). Позже в тот же вечер туда привезли еще двадцать четыре русских. Человек по фамилии Яух, ведавший лагерем Булленхаузендам, встретил эту группу у ворот. Он, очевидно, знал цель приезда доктора Тжебинского и проводил его вместе с заключенными к погребу. Взрослых повели отдельно в другое помещение, где и повесили.

В погребу прибывших ожидал Иоганн Фрам. Дети были немедленно раздеты, и Тжебинский, движимый неожиданным гуманным побуждением, впрыснул им морфий, чтобы их повесили уже в бессознательном состоянии. Затем Фрам набросил им на шеи петли, и, по его собственным словам, «они были повешены на крюках, точно картины на стенах».

РАВЕНСБРЮК

В Мекленбурге, расположенном примерно в 50 милях севернее Берлина, находится группа озер, окруженная болотами. Близ одного из них, озера Фюрстенберг, вскоре после начала войны, в 1939 году, был создан новый концентрационный лагерь. Он был известен как концентрационный лагерь Равенсбрюк и состоял из главного и вспомогательных лагерей. В главном лагере находились только женщины. Со дня основания и до занятия его Красной Армией во время наступления на Запад в нем было интернировано свыше 123 тысяч женщин. Значительную часть их составляли француженки, давшие ему вполне заслуженное и ставшее широко известным название «Ад для женщин» («L'enfer des femmes»).

Некоторые из интернированных были военнопленные—русские медицинские сестры, захваченные на поле боя, но в большинстве это были гражданские лица—участники движения сопротивления либо рабочие-рабы, угнанные с родины на работу в Германию, производительность труда которых оказалась недостаточно высокой. Все они были заключены в лагерь без предварительного суда. Девяносто процентов их являлось гражданами союзных держав.

Главный лагерь был рассчитан на 6 тысяч человек. Однако начиная с 1944 года в нем никогда не находилось менее 12 тысяч, а в январе 1945 года там было уже 36 тысяч человек. В этом лагере умерло не менее 50 тысяч чело-

век, и многие тысячи, несомненно, нашли свою смерть по пути в другие лагеря. Главной причиной такой чрезвычайно высокой смертности, помимо убийств, было истощение, переутомление, тяжелые условия труда, скученность, отсутствие самой элементарной гигиены и повседневное жестокое обращение лагерной администрации.

Вся система обращения с заключенными, начиная от коменданта и кончая эсэсовской охраной, была направлена на подрыв физических и духовных сил заключенных. Вот устный рассказ одной заключенной:

«Вся система в этом лагере преследовала единственную цель—подавить наши человеческие чувства и наше человеческое достоинство. Более слабые доходили до полной моральной и физической деградации. Все низменное, зверское поощрялось, в то время как благородные чувства подавлялись и не имели ни малейшей возможности проявиться. Даже более стойкие заключенные, оставшиеся в живых, приобрели такие черты, которые никогда не изгладятся: они потеряли всякую веру в добро и справедливость».

Среди заключенных находилась норвежка, хорошо известная в своей стране. Она оказалась в лагере только потому, что принадлежала к числу друзей короля Норвегии. Англичане, совершившие рейд на норвежское побережье, увезли с собой не только 200 молодых норвежских добровольцев, но и некоторое число плененных нацистов и квислинговцев. Спустя несколько дней по радио было объявлено, что в качестве репрессии немцы возьмут заложниками 20 самых близких друзей короля. Г-жа Сальвесен оказалась в их числе. Ее арестовали, потом освободили, а спустя 8 месяцев вновь арестовали, держали 11 месяцев в тюрьме в Норвегии, затем перевели в тюрьму на Александерплац в Берлине, а через 5 дней отправили в Равенсбрюк.

По прибытии в лагерь ее встретили обычным порядком и через несколько часов повели в большую комнату, которая, как она впоследствии узнала, называлась ванной. Никакой ванны там не было, лишь через дыры в потолке текла вода. Вот как описывает она свое прибытие в лагерь:

«Мы вынуждены были нагими ожидать два часа, пока пустили воду. Следует при этом учесть, что после 18 дней, проведенных в пути, нам крайне необходимо

было вымыться, но под каждым душем стояло по 4 человека, а вода шла всего лишь около четырех минут. Нам дали по маленькому кусочку мыла и так называемое полотенце, размером чуть-чуть побольше носового платка... Затем произошло нечто такое, что ошеломило нас всех—впервые в Равенсбрюке. В комнату вошли двое мужчин в военной форме. Позже мы узнали, что один из них был врач, а второй—дантист. Затем нас построили в ряд, и все мы, обнаженные, должны были пройти мимо них. Но они осмотрели только наши зубы и руки. Боюсь, что мы испытывали стыд, потому что тогда мы еще не понимали, что стыдиться надо не нам, а им».

Пищи едва хватало для поддержания существования, не говоря уже о сохранении работоспособности. В разное время выдавали различное количество продуктов, но особенно мало стали их давать начиная с 1942 года и дальше. Заключение было настолько изнурено голодом, что ели картофельные очистки и листья капусты, валявшиеся около кухни. Это становится вполне понятным, если учесть, что весь дневной рацион состоял из кружки эрзац-кофе утром, тарелки супа с картофелем или капустой в полдень и то же самое вечером с небольшим кусочком хлеба. Об этом, конечно, хорошо знал комендант, ничего, однако, не предпринимавший для улучшения условий. Работники лагеря, несомненно, присваивали себе и для своих семей значительные количества продовольствия, отпускавшегося для заключенных. Кроме того, охрана забирала себе прибывавшие время от времени посылки Красного Креста, заставляя заключенных под угрозой смерти расписываться в их получении.

Это, однако, не все. Работники лагерной администрации находили удовольствие в издевательствах над изможденными голодом людьми, бросая им куски заплесневевшего на складах хлеба. Зрелище живых скелетов, дерущихся, подобно диким зверям, за эти куски, служило эсэсовцам развлечением. При таком питании заключенные должны были не только существовать, но и работать по 10—11 часов в день. Работа производилась круглосуточно в две смены примерно по 11 часов. Подъем был в 5.30 утра и переключка в 7 часов утра. Переключка продолжалась обычно около двух часов, в течение которых все заключенные должны были стоять

в строю под открытым небом при любой погоде—как зимой, так и летом. Заключенных выстраивали по группам и уводили. В конце смены производилась вторая перекличка.

Работа была тяжелая, работниц все время подгоняли пинками и ударами. Их заставляли прясть, ткать, грузить и разгружать, копать, чинить дороги. На такой работе трудились заключенные женщины, которые подвергались угрозам и избиениям каждый раз, как только они оставались, чтобы перевести дыхание.

Отсутствие элементарной гигиены являлось само по себе достаточной причиной высокой смертности. Вот что рассказывает одна заключенная:

«Паразитов было огромное количество; бараки так кишели вшами, что их обнаруживали даже в супе. Канализация и водопровод не действовали, лагерь подходил на огромный сельский двор, состоящий из одной большой кучи навоза.

Белье и верхнее платье почти никогда не меняли, а если мы иногда и получали смену белья, то по нему ползали вши, и часто оно было испачкано кровью и выделениями. У нас не было чулок, и обувь мы носили только деревянную. Спали мы на грязных соломенных тюфяках, запачканных испражнениями, и на троих нам давали одно одеяло. В лагере нехватало мисок для супа, и обычно мы ели из консервных банок, которые находили на свалке.

Этих людей увидела г-жа Сальвесен после того, как вышла из «ванной» и впервые взглянула на лагерь. В Гамбурге в 1946 году, давая показания на процессе работников Равенсбрюка, она рассказала о своих впечатлениях следующее:

«Все это мне показалось адом не потому, что я никогда не видела подобного ужаса, а потому, что впервые в жизни увидела людей, среди которых я не могла отличить женщину от мужчины. Волосы у всех были острижены, и все они выглядели худыми, грязными и несчастными. Но больше всего меня поразило выражение их глаз: у них были, я бы сказала, «мертвые глаза».

Когда заключенные становились настолько больны, что их невозможно было заставить работать, их помещали

в лагерьный лазарет, называемый «ревир»¹. Но он лишь назывался лазаретом. Во всем остальном он мало чем отличался от обычного барака, в котором жили и умирали заключенные. Здесь были те же ряды коек, расположенных ярусами, и очень часто на одной койке лежали двое больных.

Врача этого лазарета звали Трейте, старшую сестру—Маршалль, а медицинскую сестру—Кармен Мори; последняя, швейцарка по происхождению, сама была заключенной.

Трейте, полуангличанин, прибыл в Равенсбрюк (охарактеризовав его как «первоклассный концентрационный лагерь») в сентябре 1943 года и оставался там до конца войны. Он был вторым старшим врачом в лагере. На суде Трейте пытался создать впечатление, что из всех медицинских работников он один придерживался высоких принципов этой почетной профессии, что он испытывал отвращение ко всему виденному и делал все возможное для улучшения условий существования заключенных. Он был лишь «простым лагерным врачом»,—говорил он,—и что он мог сделать против «коменданта, всей администрации и всех этих эсэсовских офицеров»?

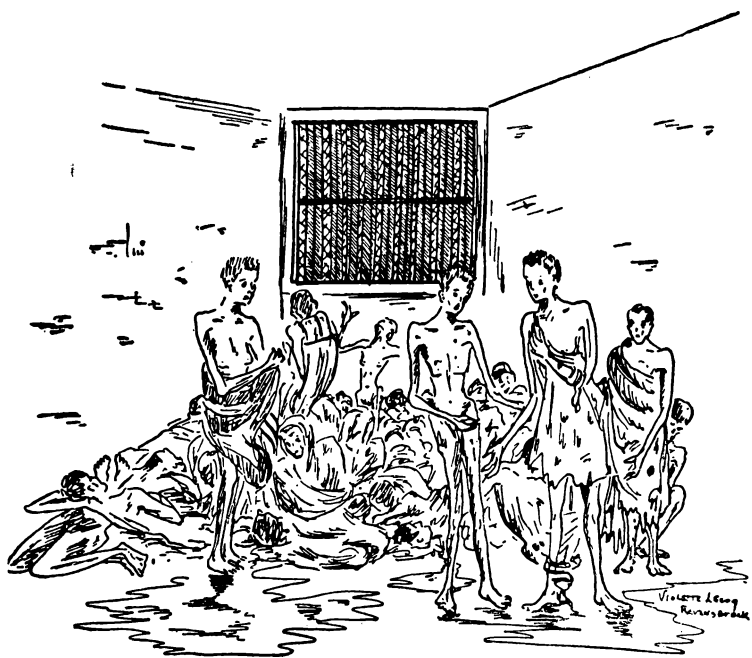
Будучи, несомненно, самым квалифицированным врачом в лагере, Трейте, видимо, уклонялся от некоторых наиболее неприятных задач, возложенных на него. Тем не менее свидетельские показания, данные на суде, ясно доказывали, что он проявлял исключительную жестокость, когда это ему было нужно, что он был важным винтиком в машине истребления, работавшей в лагере, и что он непосредственно явился причиной смерти многих.

В одном из лагерных блоков имелось специальное помещение, в котором жили женщины, подозреваемые в сумасшествии. Это была очень небольшая комната, размером 5 на 6 ярдов, и очень часто в ней содержалось 60—70 женщин. Они ходили полуголые, в одних рубашках, без платьев. В комнате было настолько тесно, что почти не было места, где сесть, не то что лечь. Комната имела окно без единого стекла, и зимой здесь был адский холод. У женщин не было ни одеял, ни чего-либо другого, чтобы укрыться. Весь санитарный узел состоял из одного ведра, стоявшего на полу посреди комнаты, которое ночью всегда кто-нибудь

¹ Околоток.—Прим. перев.

опрокидывал, и утром обитатели оказывались измазанными своими испражнениями.

Многие из этих женщин вовсе не были сумасшедшими, но их держали взаперти круглые сутки, ни под каким видом не позволяя выйти. Они покидали комнату, только идя на смерть.



«Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное».

Между женщинами часто происходили драки; однажды утром там обнаружили четырех задушенных ночью женщин. На следующий день Трейте по просьбе Кармен Мори распорядился умертвить «десять самых сумасшедших женщин», чтобы освободить место другим.

Он приказал также медицинским сестрам не ухаживать за старыми женщинами, помещенными в госпиталь с тяжелыми или неизлечимыми язвами, так как они «непроизводительны», не будучи в состоянии работать. Он приказал менять повязки не чаще двух раз в неделю. Больных, но

физически еще работоспособных женщин он выписывал из госпиталя вне зависимости от их клинического состояния.

Некоторых своих пациентов он умертвил впрыскиванием смертельного яда. Все заключенные, больные туберкулезом, были отправлены в газовые камеры. Трейте лично принимал участие в отборе около 800 женщин, которые должны были быть переведены в Люблин. Отбор происходил в комнате истребления в присутствии также старшей сестры Маршалль. Несчастные женщины проходили мимо них совершенно голые и их отбирали произвольно для отправки в Люблин, не считаясь ни с возрастом, ни с физическим состоянием. Многие, разумеется, умерли в пути.

Одной из обязанностей Трейте как врача было присутствовать при избииении заключенных, приговоренных комендантом к наказанию за мелкие проступки. Самый строгий приговор предусматривал три порки по 25 ударов, производимые с промежутками в четыре недели. При этом присутствовали комендант или его заместитель, главный врач или его заместитель, старшая надсмотрщица и двое заключенных, производившие порку. Жертву привязывали к специальной «кобыле». В обязанность Трейте входило следить, чтобы били не до крови и чтобы жертва была в состоянии выдержать наказание. Независимо от того, кричала ли заключенная или нет, приговор приводился в исполнение.

Трейте присутствовал также при расстреле заключенных. Эти казни производились вблизи крематория. Заключенных обычно расстреливали группами по 50 человек, и присутствие врача было необходимо, так как жертвы не всегда умирали сразу. Описывая эти «казни» в своих показаниях на суде, Трейте сказал: «Я должен ясно заявить, что расстреливали не только больных, но и молодых трудоспособных женщин, так как отбор совершался произвольно».

Ежедневно выстрелом в затылок убивали 50 заключенных и отправляли в крематорий. Эта процедура началась в конце 1944 года, после одного из очередных визитов Гимmlера. Комендант получил от рейхсфюрера распоряжение убить всех больных или неспособных передвигаться заключенных, ибо немцы предвидели, что им придется эвакуировать эти лагеря в связи с неуклонным приближением русских армий; поэтому они разработали план уничтожения всех следов своих беззаконий путем разрушения лагерей и угона заключенных на Запад.

Примерно к этому времени по той же причине был эвакуирован концентрационный лагерь Освенцим в Польше, и два специалиста по уничтожению людей прибыли из этого лагеря в Равенсбрюк. Это были Шварцгубер, ставший помощником коменданта, и доктор Винкельман.

С их прибытием началось организованное массовое истребление всех, кого сочли невозможным эвакуировать. Таких женщин отбирали на специальных смотрах и им выдавали удостоверения личности розового цвета. Эти удостоверения, освобождавшие ранее их владелиц от тяжелой работы, стали теперь настоящими удостоверениями о смерти. После отбора женщин переводили для истребления в находившийся рядом «молодежный лагерь». Многие из них обманно показаны в лагерных записях как выбывшие в Миттельверде—лагерь выздоравливающих в Силезии.

Когда женщин выстраивали для отбора, их осматривал один из лагерных чиновников в сопровождении врача, который обычно проверял волосы—седые они или нет—и ноги—не опухшие ли они; затем их заставляли пройти, чтобы убедиться, твердая ли у них походка. Чтобы не попасть в число отобранных, пожилые женщины пытались окрашивать свои волосы, чтобы выглядеть моложе. Но для этого они могли воспользоваться только сажей из кухонных дымоходов. Нельзя было спокойно смотреть, как эти старые скелеты пытались идти легкой поступью молодых девушек, чтобы их не послали на смерть.

Тех, кого невозможно было эвакуировать, вначале уничтожали путем расстрела. Из Берлина в лагерь был прислан специалист по расстрелу в затылок. После того как несколько сот человек было расстреляно таким образом, комендант решил, что дело идет слишком медленно, и распорядился построить газовую камеру. Она была спешно построена в «молодежном лагере», и в течение нескольких недель, предшествовавших приходу русских, в газовой камере было уничтожено, по подсчетам, около 7 тысяч женщин.

Помощник коменданта Шварцгубер рассказал про работу газовой камеры следующее:

«Я присутствовал при одном газировании. 150 женщин одновременно загнали в газовую камеру. Гауптшарфюрер Молль приказал женщинам раздеться,

якобы для санитарной обработки. Затем их впустили в газовую камеру и заперли дверь. В это время на крышу взобрался мужчина-заключенный и через окошечко, которое он тут же захлопнул, бросил в камеру контейнер, наполненный газом. Я слышал стоны и плач, но через три минуты наступила тишина. Умерли ли женщины или потеряли сознание—этого я сказать не могу, так как не присутствовал при очистке камер».

Мало кто из попавших в «молодежный лагерь» вышел оттуда живым. Одна из таких, Мэри О'Шонесси, во время показаний на процессе сотрудников лагерной администрации рассказала об условиях в лагере. Дело разбиралось в Гамбурге трибуналом по делам о военных преступлениях.

Согласно показаниям О'Шонесси, небольшой лагерь состоял примерно из 10 бараков меньших размеров, чем те, которые были в главном лагере. По прибытии в лагерь женщины вынуждены были стоять по 3 или 4 часа, прежде чем их размещали по «комнатам». Эти «комнаты» представляли собой отделенные перегородками части барака. Не было никаких коек, на полу валялись соломенные тюфяки.

- Каждая «комната» была настолько перенаселена, что лечь одновременно всем было невозможно. Невозможно было даже всем сразу удобно усесться. Прибывшим выдавали пищу только на следующий день, в 5 часов вечера, и на протяжении 24 часов им не давали даже пить.

Г-жа О'Шонесси провела около пяти недель в «молодежном лагере», в течение которых паек постоянно уменьшался, число «перекличек» увеличивалось и сотни женщин были отобраны для газовой камеры. Отборочный смотр в этот период производился почти ежедневно. Во время одного из них в строю стояли две девушки—сестры французенки. Одну из них отобрали для газовой камеры, вторая отказалась оставить ее, и они вместе пошли на смерть.

В лагере был также крематорий, который использовался не только для сжигания трупов, по имеющимся данным, некоторые заключенные были заживо сожжены в нем.

Одной из заключенных этого лагеря в апреле 1945 года была Одетта Сэнсом¹. Из окна своей камеры ей было видно

¹ Одетта Сэнсом была сброшена во Франции СОЕ [«отдел особых операций». — Прим. перев.]. После ареста ее истязали агенты гестапо, пытаясь получить от нее информацию. Однако попытки ге-

это сооружение. Начиная со второй половины 1944 года печи работали круглые сутки, г-жа Сэнсом слышала, как двери открывались и закрывались и как вопили люди. На процессе работников Равенсбрюка, отвечая на вопросы прокурора, г-жа Сэнсом подробно описала все виденное.

Вопрос. Не сможете ли вы рассказать, по возможности яснее, о каком-либо случае, виденном вами, когда живой человек был брошен в крематорий?

Ответ. В последние дни войны я видела, как людей загоняли в крематорий. Я слышала, как они кричали и бились, а также как открывались и закрывались двери.

Вопрос. Я хотел бы знать, можете ли вы присягнуть, что вы видели, как кого-то насильно вталкивали в крематорий и они там сгорали?

Ответ. Я безусловно могу принести присягу в том, что видела, как людей волокли, но я не могу поклясться, что видела их в крематории.

Вопрос. Когда их волокли к крематорию, что вы наблюдали затем? Каков был конец тех, кого волокли туда?

Ответ. Я их больше никогда не встречала.

Вопрос. Что же, они навсегда исчезали из вашего поля зрения?

Ответ. Да.

Вопрос. Куда же они отправлялись, если вы их больше не видели?

Ответ. Не знаю; вероятно, в крематорий.

Вопрос. Входили ли они внутрь здания?

Ответ. Да.

Вопрос. Видели ли вы, как они выходили оттуда?

Ответ. Никогда.

Вопрос. А после того как они исчезали, слышали ли вы что-нибудь?

Ответ. Да.

Вопрос. Были ли, по вашему мнению, звуки, которые вы слышали, стуком открывающихся и закрывающихся дверей крематория?

Ответ. В этом я уверена.

стапо оказались тщетными, и Сэнсом была выслана в Равенсбрюк. Одетта, ныне г-жа Питер Черчилль, награждена за свои заслуги Крестом Георга.

Концентрационный лагерь в Равенсбрюке управлялся так же, как и другие концентрационные лагеря. Комендант и другие офицеры лагеря были эсэсовцы, за исключением некоторых медицинских работников, которые были только прикомандированы к нему. Лагерная охрана также состояла из эсэсовцев.



«Выбирают жертвы для газовой камеры».

Комендантом был Фриц Зурен, помощником коменданта—Шварцгубер и заведующим отделом труда—Пфлаум.

Эти три человека представляли руководство. У них в подчинении было много служащих обоего пола, которые ежедневно соприкасались с заключенными, и именно они своим зверством и жестокостью превратили лагерь в сущий ад.

Это были: руководитель так называемого политического отдела Рамдор, заведующий пошивочной мастерской Биндер, старшая надзирательница Доротей Бинц, младшая надзирательница Скене, надзирательница и главная помощница Пфлаума в лагерном отделе труда Грета Бёзель, заведующая штрафным блоком Маргарете Мевес, бывшая заключенная, назначенная старостой блока, Кармен Мори, бывшая заключенная, ставшая заведующей лазаретом

в «молодежном лагере», Вера Сальвекарт и медицинская сестра по профессии, старшая сестра лагеря Элизабет Маршалль.

В состав медицинского персонала входили: Шидлауский, бывший одно время старшим военным врачом; Трейте—старший помощник Троммера (преемника Шидлауского); Розенталь и зубной врач Хеллингер.

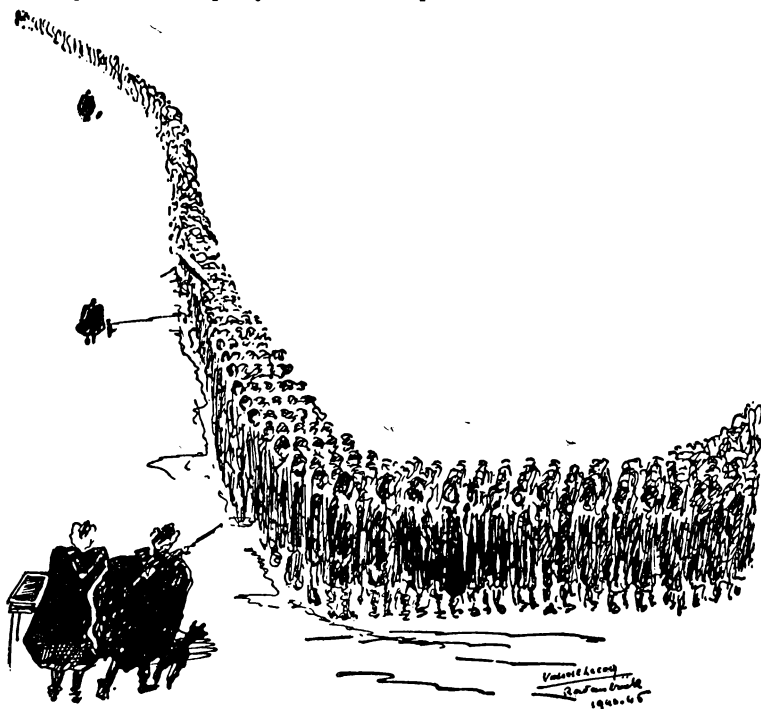
Все они являлись рабочими частями машины зверств, угнетения, террора и истребления, какою был лагерь Равенсбрюк. Каждый ведал определенным участком, каждый вносил свою долю в общую сумму страданий, из которых состояло повседневное существование людей, находившихся под их надзором и в их власти.

Лишь узнав о некоторых из их преступлений, можно осознать масштабы и чудовищность системы концентрационных лагерей, понять, каким образом при существовании этой системы и полном ее господстве удавалось держать в рабстве мужественных людей, подавляя их смелый дух.

Шварцгубер был непревзойденный специалист по части зверств. Он вступил в СС еще в 1933 году и, таким образом, у него за плечами было 12 лет службы в этой преступной организации. Во время обучения в Дахау, до войны, Шварцгубер, очевидно, показал себя способным учеником, так как с 1935 по 1944 год систематически получал повышения. Окончив курс обучения в Дахау, Шварцгубер приобрел дальнейшие профессиональные знания и навыки в других рассадниках садистской науки—Заксенхаузене и Освенциме. 12 января 1945 года Шварцгубер прибыл из Освенцима в Равенсбрюк, где занимал пост руководителя лагеря и заместителя начальника. К моменту вступления Шварцгубера в должность в лагере было заключено около 25 тысяч женщин; через три с половиной месяца, ко времени ликвидации лагеря, их осталось всего 12 тысяч. Вскоре по прибытии Шварцгубера началось массовое истребление. Он просмотрел все дела и начал регулярно отправлять группы заключенных в «молодежный лагерь», где происходило много казней. О судебном рассмотрении не было и речи. Отбор жертв производился путем просмотра хранившихся в управлении дел или во время смотра.

Приказ об убийстве этих женщин был получен из ЗИПО и скреплен подписью коменданта Зурена. Палач, ефрейтор Шульц, убивал женщин у входа в крематорий выстрелом

в затылок. Тела втаскивали внутрь и сжигали. Знаменательно, что одежду сжигали вместе с трупами. Эти женщины с таким мужеством встречали смерть, что даже Шварцгубер признался, что был «глубоко взволнован», когда ему однажды пришлось присутствовать при одной из этих казней.



«Их было сорок тысяч».

По прибытии Шварцгубера в Равенсбрюк из Освенцима вместе с уцелевшими заключенными этого лагеря был начат отбор жертв для отправки в Миттельверде. В лагерных книгах указано, что «в марте—апреле 1945 года 3500 заключенных были переведены в лагерь для выздоравливающих в Миттельверде». Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что Миттельверде в тот момент находился в уже оккупированном Красной Армией районе Германии.

Начальник «политического отдела» лагеря Рамдор был офицер уголовной полиции, а не СС. Однако во время пре-

бывания на этом посту, на который он был назначен в 1942 году, Рамдор никому не уступал в жестокости.

Чиновник, работавший рядом с кабинетом Рамдора, часто слышал во время допросов вопли женщин. Если Рамдор не получал желаемых сведений, он неделями держал женщин без сна и еды в холодной темной камере, из которой они выходили полусумасшедшими.

Во время допроса Рамдором одной польки по фамилии Шевечкова, женщина отказалась выдать своих друзей, и ее послали в штрафной блок, где она провела 12 дней, лишённая одеяла и пищи. На двенадцатый день ее снова привели к нему. Шевечкова вновь отказалась говорить, и Рамдор назначил ей «шесть водяных душей»—пытку, изобретенную им самим.

Жертву ставили под специальный душ высокого давления из ледяной воды, которая подавалась из пожарного крана. В течение трех недель два раза в неделю Шевечкову подвергали этой процедуре. После этого Рамдор снова вызвал ее на допрос. Но опять безуспешно. Ее снова отправили на шесть недель в штрафной блок, где она ежедневно получала лишь немного кофе и хлеба. Горячую пищу ей давали раз в четыре дня. По окончании срока наказания Шевечкову привели к коменданту, и так как она вновь отказалась отвечать, ее отпустили и отправили в лазарет. По какой-то счастливой случайности Шевечкова миновала «молодежный лагерь» и жива по сей день.

Рамдор подвергал людей самым жестоким физическим и моральным пыткам. Одна женщина была так зверски избита им, что пыталась покончить с собой, вскрыв вену на шее, и Трейте пришлось ее лечить. Рамдор признал, что лишал заключенных еды, избивал, делал им впрыскивания наркотиков и допрашивал в момент, когда они находились под их влиянием. Он связывал заключенным руки за спиной и заставлял их ложиться на стол животом вниз, так чтобы голова свисала над краем стола. Около этого края ставили стул с тазом, наполненным водой. Рамдор хватал женщин за волосы и окунал лицом в воду.

Так Рамдор проводил допросы. Это были не методы КРИПО, к которой он принадлежал, а методы гестапо, способным учеником которой он был.

Этот человек, как и многие другие, промелькнувшие подобно обезумевшим марионеткам на сцене германской истории, представлял собой странное психологическое

явление. Так же, как многие его коллеги, он являл собой любопытное сочетание садизма и сентиментальности, нежности и деспотизма.

Когда в 1947 году в Гамбурге трибунал по делам о военных преступлениях приговорил Рамдора к смертной казни через повешение, многие его родственники и друзья прислали письма, в которых указывали, что «дорогой, добрый Людвиг был неспособен обидеть даже животное»; что это человек, «любящий природу», «защитник бедных и угнетенных»; что «во время прогулок за городом он иногда делал странные маленькие прыжки, дабы не раздавить попавшую ему под ногу улитку или ящерицу», а однажды, когда он хоронил канарейку своей тещи, то «бережно положил птичку в коробку, прикрыл ее розой и зарыл под розовым кустом».

Нелегко отождествить внушавшего трепет всему лагерю, зверски жестокого Рамдора из Равенсбрюка с «дорогим добрым Людвигом», которого помнит его семья и друзья.

Биндер был заведующим одной из мастерских и также отличался чрезвычайной жестокостью. Портной по профессии, он в 1933 году добровольно вступил в СС и, подобно Шварцгуберу, прошел школу в Дахау. Его первоначальное обучение и знание методов СС, вероятно, оказалось ему весьма полезным во время работы в знаменитой портняжной мастерской колонии в Равенсбрюке.

Биндер избивал и пинал ногами работавших в его мастерской женщин, преследуя их на каждом шагу. Он не расставался с хлыстом. Нередко женщины оставались сидеть за шитьем, обливаясь кровью от ударов, нанесенных Биндером.

Одна заключенная, голландка, которой пришлось работать под началом Биндера, рассказала следующее:

«Биндер обращался с работавшими в его мастерской женщинами очень грубо и жестоко. Он ежедневно избивал нас и, повидимому, успокаивался лишь при виде крови. Однажды я видела, как он избил одну польку до такой степени, что ее пришлось сразу же отвести в лазарет. Я ее больше не видела, и мне сказали, что она умерла. Если Биндеру казалось, что мы работаем недостаточно усердно, он отбирал у нас маленькие кусочки хлеба, которые нам выдавали на одиннадцатичасовую смену, и заставлял часами работать стоя».

Иногда Биндер бил женщин табуреткой, и я видела, как он таскал их за волосы и избивал. Мы были истощены и измучены, но если Биндер замечал, что какая-либо из женщин склонила голову, он подходил к ней, хватал ее за волосы и ударял головой о стол. Он заставлял нас также снимать платье и стоять голыми, оправдывая это тем, что якобы хотел проверить, не спрятал ли кто-либо под одеждой кусок ткани, ибо мы очень нуждались в одежде».

У одной молодой польки, работавшей в мастерской, на почве авитаминоза открылась на руке язва. Биндер был недоволен ее жалобами и тем, что она обратилась в лазарет. Он сорвал с руки девушки повязку, заявив: «Ты вовсе не больна».

Девушка упала. Когда она поднялась, Биндер изо всех сил ударил ее кулаком в лицо. Удар сбил ее с ног, и Биндер принялся топтать ее ногами.

У многих женщин были раны, нанесенные ножницами, брошенными в них Биндером, или полученные от удара по лицу гимнастеркой с нашитыми на ней металлическими пуговицами. Биндер повинен в смерти многих женщин, так как принуждал их работать, когда они были не в силах это делать, или заставлял их стоять под дождем совершенно голыми часто по часу и более.

Г Доротея Бинц была старшей тюремщицей в чине «ауфзее-рин» (надзирательница), и ее все боялись.

Это молодая девушка 1920 года рождения работала до войны судомойкой. К 1939 году ей надоела скучная работа, и благодаря помощи некоего приятеля Бинц 1 сентября 1939 года, когда ей не было еще 20 лет, поступила добровольцем в СС. Ее немедленно направили в только что открывшийся концентрационный лагерь в Равенсбрюке. Здесь Бинц, к ее возмущению, назначили на работу в лагерную кухню, учитывая, несомненно, работу в прошлом.

Но Бинц быстро доказала своим начальникам, что она достойна большего. Не прошло и нескольких месяцев, как ее назначили надзирательницей. Вероятно, Теа Бинц чувствовала себя очень гордой, когда впервые надела зеленовато-серую форму и стала расхаживать по лагерю в высоких черных сапогах с хлыстом в руке.

Жестокое существо с садистскими наклонностями, она с этого дня стала неотъемлемой частью лагерной системы, душившей жизнь тысяч ни в чем не повинных женщин. Женская разновидность животных была даже еще свирепее мужской.

Бинц изо дня в день избивала, била ногами, осыпала ударами всех, кто попадался ей под руку, иногда в виде наказания за мелкие дисциплинарные провинности, иногда без всякой причины—просто ради удовольствия причинить другому боль. Она пользовалась палкой, хлыстом, ремнем, а иной раз пресс-папье, стоявшим на столе в ее кабинете,— всем, что попадало ей под руку. Ее появление наводило ужас на весь лагерь.

Однажды Бинц избивала женщину так, что та упала, а затем начала топтать ее ногами. Как-то, отправившись за пределы лагеря с целью проверки группы женщин, работавших в лесу, Бинц ударила одну из них киркой и продолжала наносить удары до тех пор, пока окровавленная женщина не перестала двигаться. После этого Бинц села на свой велосипед и укатила обратно в лагерь.

Если ей не хотелось самой чинить расправу над заключенными, она могла отправлять их за малейшее нарушение дисциплины в штрафной блок. Бинц приводила также в исполнение приговоры коменданта, назначавшего 25, 50 или 75 палочных ударов.

Опоздавших на переключку Бинц избивала или заставляла часами стоять на вытяжку, награждая их в это время пощечинами. По свидетельству одной из жертв Бинц, пощечина, нанесенная ее рукой, была делом нешуточным: «Это равнялось удару, нанесенному мне сильным мужчиной,—их этому специально обучали. Когда Бинц давала вам пощечину, удар был такой силы, что слышен был за целых два ряда».

Бинц также проводила «наказание с помощью водяного душа». Станислава Шевечкова, которой Рамдор за ее отказ отвечать во время допроса назначил девять¹ душей, рассказывает следующее:

«Бинц привела меня в душевую. В углу стоял душ, и вода уже была пущена. Она шла из труб, расположенных на различной высоте, и подавалась под сильным

¹ Так в тексте.—Прим. перев.

напором. Минут через 12 я упала, и Бинц окатила мне лицо ведром воды. Я попыталась прикрыть лицо руками, но Бинц открыла дверь и свистнула двух собак. Одна укусила меня за руку. Я потеряла сознание. Меня, повидимому, тащили в камеру волоком, так как, придя в себя, я обнаружила, что вся спина была в кровоподтеках и рядом лежала моя одежда... После этого Бинц устраивала мне душ два раза в неделю—по вторникам и пятницам. Каждый раз я теряла сознание».

Одной из любимых забав Бинц было въезжать на велосипеде в группу стоящих вблизи женщин. Женщины были настолько слабы, что обычно падали, и она со смехом переезжала через них. Она любила также натравливать своих собак на заключенных. Однажды Бинц натравила свою собаку на одну русскую, науськивая и побуждая ее кусать женщину. Одна из исхудалых рук этой женщины была буквально оторвана собакой.

У Бинц было и другое развлечение, чрезвычайно ее забавлявшее,—посещение 10-го блока и осмотр душевнобольных женщин, находившихся под присмотром Кармен Мори. Этих женщин демонстрировали в виде аттракциона, подобно тому как в цирке демонстрируют уродцев. Бинц нравилось дразнить больных и издеваться над ними.

Можно дать лишь краткое описание деятельности Бинц в Равенсбрюке. Она пришла в лагерь в первый день войны и пробыла в нем до самого конца. Бинц прошла обучение у знаменитой Ирмы Грезе из Бельзена и показала себя способной ученицей. Свыше пяти лет она вселяла ужас в сердца тысяч несчастных жертв, находившихся в ее власти, и заслужила более тяжкое наказание, чем казнь через повешение в 1947 году в гамельнской тюрьме.

«Сумасшедшие женщины» находились в ведении Кармен Мори. Эта женщина, швейцарская подданная, стала послушным орудием нацистов. Находясь в заключении в Равенсбрюке, Мори согласилась исполнять должность старосты блока и, работая под началом коменданта, проявляла чрезвычайную жестокость к заключенным, отданным в ее власть.

В отличие от работавших в штате лагеря немки Мори была образованная женщина. Она родилась в Берне в 1905 году и получила образование в Швейцарии, Франции, Голландии и Англии. Впоследствии она прошла курс журналистики

при Мюнхенском университете и работала в Швейцарии и Англии журналисткой. Родители Мори были протестанты, но она приняла католичество.

В ноябре 1938 года Мори была арестована во Франции, а в 1940 году ее судили за шпионаж, связанный с линией Мажинс. Рассматривавший ее дело военный трибунал приговорил Мори к смертной казни, но через три месяца она была помилована.

7 июня, когда немцы приближались к Парижу, Мори освободили, но 24 июня немцы захватили ее в плен около Тура и привезли обратно в Париж. Дело ее было передано РСХА в Берлине, откуда последовал приказ о ее аресте. Вначале Мори сидела во французских тюрьмах Шерш-Миди и Фрэн. В августе 1940 года она была отправлена в Германию, и во время пребывания в тюрьме на Александерплац ее допрашивало гестапо. В конце концов по приказанию Гейдриха Мори была освобождена, но затем вновь арестована по подозрению в шпионаже против Германии и в феврале 1941 года была отправлена в Равенсбрюк.

Эта третъесортная Мата Хари вскоре втерлась в доверие к своим тюремщикам и была назначена старостой блока. На этом посту Мори, по словам одной свидетельницы, выступавшей на ее процессе, «вела себя, как настоящая эсэсовка». Мори даже имела возможность заниматься своим прежним ремеслом, так как во время пребывания в лагере она одно время принадлежала к числу осведомительниц, работавших на Рамдора.

Несколько месяцев Мори заведывала 10-м блоком, в котором находилась комната для «сумасшедших женщин». В 10-м блоке была также комната, где были больные туберкулезом. Мори назначила немецкого преступника старостой над этими больными, и он избивал и обкрадывал их. Мори сама постоянно колотила своих подопечных. Она избивала одну польку и, совершенно нагую, облила холодной водой. Полька эта была очаровательная женщина, общая любимица. Она хорошо пела, и именно за это Мори ее истязала. На следующий день полька умерла.

Находившиеся в лагере бельгийки называли Мори «чудовищем». В 10-м блоке она вытаскивала больных, полумертвых женщин из постелей, приказывала тащить их в баню, бросать там на холодный каменный пол и окатывала их ведрами холодной воды, говоря: «Теперь вы будете чистые».

Виолетта Лекок, которой принадлежат сделанные пером иллюстрации в этой книге, была лейтенантом «Сражающейся Франции» (одна из организаций французского движения сопротивления). До войны она работала медицинской сестрой в больнице. Виолетта была арестована 20 августа 1942 года и в октябре 1943 года прибыла в Равенсбрюк как заключенная категории «Мрак и туман». Через несколько месяцев Мори взяла Лекок в помощь себе по работе в 10-м корпусе.

Во время процесса работников Равенсбрюка Лекок в показаниях описала инцидент, который произошел однажды ночью в 10-м блоке:

«Как-то ночью мы проснулись от криков, исходивших из комнаты, где находились душевнобольные заключенные. Кармен Мори, студент-медик, медицинская сестра француженка и я встали и пошли, чтобы выяснить, что там происходит. Открыв дверь, мы увидели двух дерущихся женщин. Одна из них была, по-видимому, русская. Мори схватила один из кожаных ремней, которые всегда там висели, и начала полосовать им обеих женщин. Затем она послала студента-медика за какими-то ампулами и сделала обоим женщинам уколы. Когда я на следующее утро вошла в эту комнату, там лежали трупы пяти женщин, в том числе тех двух, которым Мори накануне ночью сделала уколы.

Мори пробыла в Равенсбрюке до конца войны, когда в числе многих других была освобождена. Через некоторое время она пробралась в английскую зону и устроилась на работу в отряде английской военной разведки под Гамбургом. Здесь Мори проработала до 5 октября 1945 года, когда была арестована как военная преступница.

Одной из самых зловещих фигур в этом лагере была молодая женщина по имени Вера Сальвекарт. У этой женщины также любопытная биография; она попала в лагерь в качестве заключенной.

Сальвекарт судили, когда ей было всего 27 лет. Она родилась в Чехословакии от матери чешки и отца — судетского немца и окончила в Лейпциге курсы медицинских сестер.

За время войны Сальвекарт арестовывали по меньшей мере четыре раза. В 1941 году она была арестована, допро-

шена и направлена в лагерь для евреев в Флоссенбурге. Основанием для ареста явилось то, что она была помолвлена с одним евреем, которого тщетно разыскивало гестапо. Сальвекарт отказалась открыть местонахождение своего жениха. Ее продержали в Флоссенбурге 10 месяцев и наконец выпустили.

В мае 1942 года она была арестована по обвинению в нарушении нюрнбергских законов, в том числе закона о «связи» с евреями. Сальвекарт приговорили к двум годам лишения свободы и освободили в апреле 1944 года.

8 августа 1944 года ее снова арестовывают—по обвинению в шпионаже и содействии противнику. Ее судили в Дрездене вместе с женихом и сестрой последнего. Жених принял всю вину на себя и был приговорен к смертной казни. Сальвекарт и ее предполагаемая свояченица были отправлены временно в концентрационный лагерь в Терезиенштадт. Отсюда они 6 декабря прибыли в Равенсбрюк, проделав долгий окольный путь. В течение нескольких месяцев пребывания в Равенсбрюке эта молодая женщина, судьба которой в ином случае могла бы вызвать сочувствие, умертвила своими руками многих из своих сотоварищей-заключенных, дав им яд. Точное число ее жертв не установлено. Сальвекарт дала много сведений о программе истребления, проводившейся в Равенсбрюке, в которой она за время своего пребывания принимала активное участие.

По прибытии в лагерь Сальвекарт направили в стужавшую широкую известность «палатку для евреев». Там находилось 2 тысячи женщин евреек из Венгрии и Чехословакии. Вначале их держали в Освенциме, но после продвижения русских в Польше перевели в Равенсбрюк.

Здесь не было ни кроватей, ни тюфяков, ни соломы, ни досок—просто голая земля. Справа от входа веревкой был отделен угол, в котором стояли 10 четырехгаллонных старых бочек, заменявших уборную. Воды для умывания не было. Трейте называл это помещение «палаткой для свиней».

В этой палатке находились заключенные, больные тифом, и каждую ночь 2—3 из них умирали. По словам Сальвекарт, ей впервые пришлось спать рядом с трупами.

Сальвекарт несколько дней держали в карантине, а затем послали с еврейской бригадой на работу при подвале для хранения зерна. Условия, в которых работала

эта еврейская бригада, не удивят людей, прочитавших предыдущие главы. Принадлежности к еврейской расе было достаточно, чтобы люди в лагере оказались в самых тяжелых и жестоких условиях.

Женщины, работавшие при этом подвале для зерна, должны были переносить с берега реки Хавель мешки весом в 1 центнер каждый. От реки до погреба было 800 метров, причем дорога все время шла в гору. Мешок разрешалось нести не более чем двум женщинам. Первые 2—3 мешка было возможно перенести, но потом пальцы стыли от холода. Мороз пронизывал до самых костей, и женщины не могли ухватиться за свою ношу. Поэтому они роняли мешки, и каждый раз, когда это случалось, надзирательница награждала их ударами.

Сальвекарт некоторое время работала в этой группе, пока не выяснилось, что она квалифицированная медицинская сестра. Ей сказали, что ее переведут в другой лагерь поблизости и найдут там для нее достаточно работы. Так Сальвекарт в начале февраля 1945 года очутилась в «молодежном лагере».

Этот небольшой лагерь, находившийся на расстоянии всего нескольких километров от главного лагеря, надо было видеть собственными глазами, чтобы поверить всему тому, что в нем происходило. Когда Сальвекарт прибыла туда, лагерь был уже переполнен. Лагерь состоял всего из пяти барачных блоков, хотя в нем находилось 3 тысячи заключенных. В так называемом лазарете лежало 60 женщин, больных туберкулезом. Лекарств фактически не было, так как санитары-эсэсовцы Рапп и Колер продавали на черном рынке все запасы медикаментов.

На следующий день по прибытии Сальвекарт в лагерь туда привезли 300 женщин, перечисленных в фиктивном списке, озаглавленном «Перевод в лагерь для выздоравливающих в Миттельверде». Фиктивный список был проверен Раппом и Сальвекарт, которой приказали проставить против фамилии каждой указанной в списке женщины название какой-либо болезни. Затем женщинам велели раздеться, и тюремщики проставили им несмываемым карандашом на левом предплечье тюремный номер. После этого им велели одеться. До наступления сумерек женщин держали в коридоре, затем увезли на грузовиках. Им сказали, что они направляются на дезинфекцию. На самом деле их отправили в недавно построенную газовую камеру

в Равенсбрюке, которая в то время уже работала полным ходом.

Вскоре, однако, Сальвекарт начала сама понемногу заниматься истреблением. Она стала делать впрыскивания полькам, которых потом видели в бане валявшимися без сил на полу. Они корчились от боли и со стонами просили воды.

Сальвекарт также давала многим женщинам в лагере «белый порошок». О том, как они затем умирали, рассказала заключенная по фамилии Оттерлард, находившаяся в то время в «молодежном лагере».

«Проглотив этот белый порошок, больные засыпали. Некоторые из них, бывшие, очевидно, моложе и сохранившие некоторую сопротивляемость организма, пытались встать, но были не в состоянии держаться на ногах. На следующее утро большинство женщин, принявших порошок, продолжало спать, и мы слышали их храп. Они спали приблизительно до четырех часов дня, затем храп прекратился и женщины умерли».

Сальвекарт отрицала, что она впрыскивала женщинам смертельный яд, и утверждала, что спасла от смерти сотни женщин тем, что подделывала списки умерших, указывая в числе умерщвленных фамилии одних и тех же лиц 3—4 раза.

Действительно, из некоторых показаний было видно, что Сальвекарт выбирала свои жертвы, и ее близкие подруги, по видимому, избежали рокового укола. Она поддерживала самые приятельские отношения с двумя санитарями-эсэсовцами, и все ее друзья были размещены в более удобной части «ревира». Однако одна ласточка весны не делает, и на каждую спасенную Сальвекарт женщину приходится десятки погибших от ее руки.

Но последний гвоздь в гроб Веры забила одна венка—Лотта Зонтаг, вызванная Сальвекарт в качестве свидетельницы защиты и давшая показания без предварительной консультации с защитником Сальвекарт. Свидетельнице Зонтаг задавали вопросы с целью убедить суд в гуманности и внимательном отношении Сальвекарт к больным в лазарете «молодежного лагеря» вообще и к Лотте Зонтаг в частности, а также с целью доказать, что она не упускала случая использовать свой ответственный пост в «ревире»,

чтобы помочь находившимся в ее ведении женщинам и помешать осуществлению преступных намерений персонала лагеря.

«Помните ли вы случай,—спросил защитник,—когда Сальвекарт доставала вам обувь?» «Да,—ответила Лотта.—Я помню, что она доставала нам обувь. Но должна сказать, что эта обувь принадлежала больным, которых Вера отравила». «Действительно ли свидетельница сказала это?»—спросил военный прокурор. «Да»,—ответил переводчик.

«Вы не испытывали никаких угрызений совести, нося обувь, принадлежавшую другим?»—спросил с некоторым возмущением защитник Сальвекарт.

«Мы их страшно жалели,—ответила фрейлейн Зонтаг,—но это была обувь, а нам нечего было носить, поэтому мы ее надевали». Далее фрейлейн Зонтаг рассказала суду, что Вера Сальвекарт говорила ей, что она сама давала белый порошок, потому что заключенные отказывались принимать его из рук эсэсовцев, которым они не доверяли. Тот факт, что Сальвекарт сама была заключенной, ее добрый голос и, казалось бы, дружелюбное отношение заставляли больных глотать порошок, думая, что они принимают лекарство.

То, что Сальвекарт по неизвестным причинам сотрудничала с персоналом лагеря в деле истребления заключенных в «молодежном лагере», доказано неоспоримо.

Само поведение Сальвекарт после взятия ее в плен союзниками в августе 1945 года не вяжется с ее утверждением, что она работала против СС, на пользу заключенным. Сальвекарт была свидетельницей массовых убийств и других преступных действий, о которых она могла бы сообщить властям, взявшим ее в плен, но она предпочла скрыть свою подлинную фамилию и в момент ареста жила под именем Анны Марковой.

Элизабет Маршалль работала старшей сестрой в женском лагере в Равенсбрюке с апреля 1943 года до освобождения лагеря в 1945 году. Об этой женщине справедливо говорили, что «она приложила руку ко всем совершенным в лагере отвратительным преступлениям».

По профессии медицинская сестра, Маршалль была членом нацистской партии с пятнадцатилетним стажем. По ее словам, она была назначена в Равенсбрюк в наказание за нарушение правил СС во время работы в лазарете

на заводе «Герман Герингсверке» в Брауншвейге, выразившееся в том, что она кормила двух французских рабочих, пригнанных для рабского труда.

Эта женщина позорила свою почетную профессию. Работая старшей сестрой, Маршалль жестоко обращалась с пациентами, отказывала в лечении больным, морила голодом маленьких детей, крада посылки, присылавшиеся через Красный Крест.

В 1944 году Маршалль руководила однажды дезинфекцией некоторых блоков. Дезинфекция проводилась ночью, и женщин заставили раздеться и стоять голыми. Им полили головы каким-то химическим препаратом и дали мазь, приказав смазать ею зараженные части тела. Если Маршалль видела, что какая-либо женщина применяет мазь не так, как было приказано, она наносила ей жестокие побои. Вот рассказ одной женщины: «Затем нас отвели в другой блок, где мы простояли всю ночь на ногах. На следующий день нас отвели в баню, но до того, как туда впустить, нас заставили простоять еще три часа под дождем».

Через несколько дней лазарет был переполнен больными воспалением легких. Общая слабость больных и отсутствие должной медицинской помощи явились причиной смерти многих.

Маршалль принимала активное участие в специальных смотрах по отбору женщин, отправляемых в лагерь для выздоравливающих в Миттельверде—иносказательное обозначение групп заключенных, посылаемых на смерть в газовых камерах. Она также помогла отобрать 800 женщин, которых в ноябре 1944 года отправили в Люблин. Маршалль совместно с д-ром Трейте решала вопрос о выдаче розовых удостоверений. Последнее слово принадлежало Маршалль. Однажды заключенная, норвежка Сальвесен, о которой уже упоминалось в этой главе, обратилась к д-ру Трейте с просьбой исключить двух норвежек из списка «смертников». Д-р Трейте ответил, что решить этот вопрос он не может, и она должна обратиться к старшей сестре. Когда Маршалль попросили вычеркнуть фамилии этих женщин, она спросила: «А какую работу они выполняют?»—«Вяжут»,—ответила Сальвесен. «Все вязальщицы должны ехать»,—сказала Маршалль. Вязальщиц, конечно, не стоило оставлять в живых. Это были старухи, слишком слабые, чтобы выполнять тяжелую работу.

Старшая сестра отвечала за условия в лагерном лазарете. Трудно представить себе что-либо хуже этих условий. Маршалль не только мирилась с ними, но, повидимому, одобряла их. Она, безусловно, ничего не предпринимала для их улучшения.

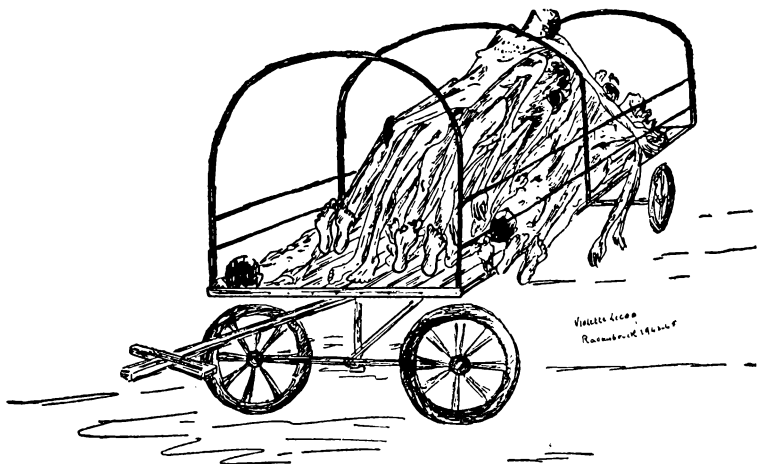
Предоставим слово Сальвесен, работавшей в «ревире», для описания одной из палат лазарета, в которой лежали больные с глубокими резаными ранами.

«В палате стояло ужасающее зловоние, так как повязки по неделям не менялись. Повязки были бумажные и к концу первого же дня обычно сползали. Раны были открыты и гноились. Поэтому можно себе представить состояние постельного белья. Я не помню, как часто меняли белье, но оно вечно было грязное. В изоляторе условия были в десять раз хуже. Я как-то зашла туда без разрешения. Больные женщины валялись там прямо на полу. Палата была настолько переполнена больными и умирающими, что мне пришлось перешагивать через них, чтобы подойти к моей приятельнице норвежке, которой я принесла немного еды. Норвежка была в отчаянии и сказала: «Это хуже ада». Если вы попадали в «ревир», будучи больной тифом, и вам удавалось выжить и выписаться, вы вскоре возвращались туда с каким-либо другим заболеванием. Часто больная лишь меняла палату, так как одно заболевание сменялось другим».

Лекок, которая, как читатели, вероятно, помнят, была квалифицированной медицинской сестрой, также некоторое время работала в лагерном лазарете. Однажды, проходя через больничный двор в лабораторию за обезболивающими средствами, она увидела пять тачек, на которых лежали трупы и части человеческого тела. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это были тела пяти еврейских женщин—об этом говорили треугольники на их одежде. Они лежали в тачках на спине, с ногами, свисавшими через край. Лекок подошла к тачкам и дотронулась рукой, чтобы проверить, нет ли среди них живых и нельзя ли им чем-либо помочь. Три женщины были еще живы. В этот момент появилась Маршалль. Она подняла крик на весь двор, запрещая француженке оказывать какую-либо помощь женщинам. Лекок вернулась в свой блок и привела с собой двух приятельниц, с целью оказать

еврейским женщинам какую-либо помощь. Но снова появилась Маршалль и прогнала ее. Тачки всю ночь простояли на дворе, и к утру женщины, в которых еще теплилась жизнь, умерли.

Работая старшей сестрой в этом лагере, Маршалль нарушала все существующие нормы человечности и порядочности. Получив необходимое для медицинской сестры



«Некогда то были женщины и дети».

образование, она была призвана к выполнению гуманных задач своей благородной профессии, которую так унизила и опозорила. Игнорируя строгий кодекс своей гуманной профессии, Маршалль предпочла следовать отвратительным принципам фашистской партии и фюрера и всемерно содействовала достижению их преступных целей.

Предоставим Сальвесен возможность вынести Элизабет Маршалль окончательный приговор:

«Маршалль была квалифицированная медицинская сестра, и я боюсь, что мы слишком ее идеализировали, представляя чем-то вроде Флоренс Найтингейл; мы полагали, что медицинская сестра, давшая присягу, призвана в любое время помогать людям, независимо от их национальной принадлежности. Мне кажется, что мне и моим друзьям заключенным было особенно

тяжело видеть, как низко пали врачи, медицинские сестры и сиделки, забыв свой долг».

Десятки врачей, работавшие во время войны в концентрационных лагерях, на много лет запятнали честь медицинской профессии в Германии. Полностью игнорируя свою гиппократову клятву¹, эти люди, как правило, без малейших возражений становились активными участниками системы истребления в концентрационных лагерях и полностью сотрудничали с персоналом СС, превращая жизнь заключенных в лагере в сущий ад.

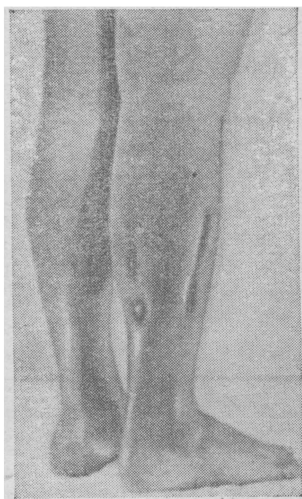
Д-р Шидлауский долгое время был старшим врачом в Равенсбрюке. Он вступил в СС в 1933 году—через два года после получения звания врача. Шидлауский прибыл в Равенсбрюк в декабре 1941 года и находился там до декабря 1943 года, когда его перевели в концентрационный лагерь Бухенвальд. Лагерь Бухенвальд был больше и считался значительнее лагеря Равенсбрюк, поэтому перевод туда расценивался как повышение. Шидлауский приехал в Бухенвальд, имея за плечами двухлетний опыт палача. Он показал себя настолько достойным полученного им повышения, что, если бы английский трибунал не присудил его к смертной казни за преступления, совершенные в Равенсбрюке, ему пришлось бы впоследствии предстать вместе с Ильзой Кох и другими его коллегами по обвинению в тех же преступлениях перед американским военным трибуналом, рассмотревшим в апреле 1947 года в Дахау дело работников Бухенвальда.

Шидлауский обычно присутствовал в бане на осмотрах партий вновь прибывших заключенных (эти осмотры были описаны Сальвесен выше). Женщин заставляли раздеваться догола, однако медицинского осмотра никто никогда не производил. Участие Шидлауского в осмотре ограничивалось обходом рядов женщин, к которым он обращался с непристойной бранью.

Подобно Теа Бинц, Шидлауский любил въезжать на велосипеде в очередь больных женщин, выстроившихся для медицинского осмотра. Во время осмотра больных Шидлауский редко назначал лечение, он просто отталки-

¹ Присяга, приносимая на Западе медиками перед началом практической работы.—Прим. перев.

вал пациентов и приказывал санитарам их убрать. Зная, что надежды на получение медицинской помощи очень мало, заключенные шли на осмотр лишь в крайнем случае, когда чувствовали себя настолько плохо, что не могли добраться до работы даже ползком. Случалось, больные после отказа Шидлауского в помощи часто через один-два дня умирали.



Изуродованные ноги польских женщин, служивших подопытными кроликами для различных экспериментов.

В сентябре 1943 года, за несколько месяцев до перевода в Бухенвальд, Шидлауский отобрал для экспериментальных операций десять совершенно здоровых женщин. В числе их были две девушки, сестры, которых оперировал другой врач. Шидлауский ассистировал и наблюдал за девушками после операции. Врач сделал на ногах одной сестры надрезы, а другой изъясил часть кости и сделал надрезы на обеих ногах. После этого в ранах была искусственно вызвана гангрена.

Шидлауский сам признался в том, что он ассистировал при операциях, связанных с изучением газовой гангрены. Во время одной из таких операций он помогал врачам Оберхаузеру и Розенталю и наблюдал за применением

наркоза. Шидлауский признался также, что с его ведома и одобрения серьезно больным, но не считавшимся неизлечимыми пациентам делали смертельные уколы и что он проводил в лагере опыты пересадки кости на совершенно здоровых молодых женщинах. У них брали из берцовой кости маленький кусочек и делали пересадку. Многие женщины после таких операций остались навсегда изуродованными.

Люди, знавшие этого кровавого лекаря в его семейном кругу, утверждали, что он якобы был «не способен подумать что-либо плохое, а тем более творить зло». Такая характеристика мало подходит к Шидлаускому из Равенсбрюка, где он совершил столько зла.

Поведение второго врача лагеря, Перси Трейте, уже описано выше. Это был человек со сложным характером. Там, где это не противоречило его интересам, Трейте был совершенно беспощаден, и многие заключенные умерли непосредственно от его руки. В то же время он как будто уклонялся от выполнения некоторых выпадавших на его долю особенно неприятных заданий. Поэтому неудивительно, что среди тех, чья жизнь и смерть были в его руках, нашлись люди, готовые после своего освобождения сказать несколько слов в защиту Трейте.

Некоторые из них говорили, что Трейте делал для заключенных все, что было в его силах. Другие просили для него снисхождения, ссылаясь на смягчающие обстоятельства; третьи требовали «справедливого наказания на основе самых строгих норм».

Находились люди, которые, признаваясь в своей неосведомленности в данном деле, придерживались мнения, что «немцев, пожалуй, трудно судить на основе норм, принятых в цивилизованных странах».

Одна женщина, занимающая видное положение, выразила даже сомнение, надо ли судить Трейте. Его защитник д-р фон Метцлер, выступая с заключительным словом от своего имени и от имени остальных защитников, сказал:

«Я считаю своим долгом, как представитель защиты, выразить наше почтительное восхищение беспристрастностью и справедливостью, которые были проявлены при слушании этого дела. Г-н председатель, несомненно, поймет, что положение защиты во время подоб-

ного процесса, когда общественность охвачена возмущением, довольно затруднительно. Но, несмотря на это, разрешите мне сказать, что мы всегда будем помнить беспристрастность и справедливость, проявленные при слушании этого дела, и считаем их образцом справедливого правосудия».

Непонятная в некоторых отношениях личность—смесь утонченности с бесчеловечностью,—Перси Трейфе был морально виновен, пожалуй, даже больше, чем его коллеги, ибо он был образованный человек из интеллигентной семьи, а не безнравственный жестокий выродок, подобно Биндеру, не законченный эсэсовский бандит, подобно Шварцгуберу или распущенной садистке Бинц, и там, где он совершал преступления, он совершал их с полным сознанием того, что делал.

Другой лагерный врач—Рольф Розенталь—получил надлежащую подготовку для работы в концентрационном лагере, еще когда он находился в рядах «Гитлерюгенд» в 1928 году, в партии нацистов—в 1929 году, в СА в 1932 году. Через 10 лет Розенталь получил назначение в Равенсбрюк.

Во время войны этот отвратительный человек был приговорен судом СС к тюремному заключению на 8 лет за незаконные сношения с одной заключенной, которой он сделал несколько аборт.

По словам многих заключенных, Розенталь по своей жестокости в обращении с больными превзошел всех остальных врачей. Во время одного осмотра некоторые пациенты были настолько слабы, что были вынуждены прислониться к стене. Розенталь наградил их ударами и пинками и велел увести без всякого осмотра.

Одна женщина жаловалась на недомогание. Подозревали тиф, температура у больной доходила до 106° по Фаренгейту. Розенталь даже не осмотрел ее. Его диагноз был—«убирайся». Он присутствовал при отборе Шидлауским большой группы здоровых молодых женщин для опытов, в которых сам принимал участие. В июле 1942 года для опытов было отобрано 75 женщин; 8 из них в результате операций умерло. Имеется достаточно доказательств, что этот врач совершенно не считался со святостью человеческой жизни. Розенталь признался, что давал больным

заклученным смертельную дозу морфия; это было легче, чем пытаться излечить их. По его словам, такой образ действий означал «давать серьезно больным людям возможность умереть в результате впрыскивания морфия»; он признал, что избивал пациентов «для поддержания дисциплины и ради примера»; что ассистировал при экспериментальных операциях по пересадке кости и с целью нахождения эффективного средства от газовой гангрены и что операции эти были сделаны заключенным без их согласия.

В сентябре 1942 года он ассистировал при оперировании молодой польской женщины по имени София Сокульская доктором Обергаузер. Обергаузер была потом судима военным трибуналом США в Нюрнберге вместе с рядом ее немецких коллег за операции, проделанные над людьми, не дававшими согласия играть роль подопытных кроликов.

Однажды, в сентябре 1942 года, когда София Сокульская была совершенно здорова, ей приказали явиться в лагерный госпиталь. Там ее раздели, осмотрели, а затем сообщили, что она должна будет подвергнуться операции. Очнувшись от анестезии, она обнаружила, что ее левая нога от бедра до стопы была в гипсе. На операции присутствовали доктор Обергаузер, Шидлауский и Розенталь, а также эсэсовские медсестры.

Сокульская следующим образом описывает послеоперационный период:

«Через 11 дней гипс в присутствии тех же трех врачей был снят, и в течение ближайших трех недель, делая перевязки, я работала в госпитале... 2 декабря мне было сказано, что будет сделана вторая операция. Я протестовала, но напрасно. Старую рану вскрыли, и я оставалась в госпитале еще две недели. За это время я не получала никакой медицинской помощи, мне даже ни разу не сменили повязку».

Весной следующего года Сокульской угрожали сделать еще одну операцию, но она избежала ее.

В течение этого периода экспериментальные операции были проделаны также над семьюдесятью тремя другими польскими женщинами. Ни одна из них своего согласия на то не давала. Пять из них умерло от операции, и почти все остальные были сильно изуродованы.

В марте 1943 года была сделана третья попытка оперировать Сокульскую. Но она заранее узнала об этом, бежала из госпиталя и скрылась в одном из блоков. По какой-то причине ее не подвергли третьей операции, а послали в штрафной блок. Здесь Сокульская оказалась под «любящим» присмотром Маргариты Мевес, зловредной особы, срывавшей свою злобу на заключенных, существование которых она отравляла всеми доступными ей способами.

Свыше четырех лет Маргарита Мевес ведала штрафным блоком, куда по малейшему поводу помещали заключенных и где они систематически подвергались дурному обращению. Поэтому есть основание полагать, что в течение этого времени она сохраняла доверие своего начальства, и можно не сомневаться, что она заслужила его.

Условия в «бункере», как называли штрафной блок, были ужасные. Заключенных помещали в маленькие, темные, сырые камеры на долгий срок.

Г-жу Одетту Сэнсом держали в бункере много недель. Она прибыла в Равенсбрюк в июле 1944 года и после обычного приема в бане, где ее заставили провести ночь, утром следующего дня предстала перед комендантом. В Равенсбрюк она прибыла под именем миссис Черчилль, и это обстоятельство заинтересовало Фрица Зурена. Он спросил, не племянница ли она британскому премьер-министру.

У г-жи Сэнсом сложилось впечатление, что имперское управление безопасности приказало коменданту обращаться с ней особенно плохо, но что ему не очень нравились эти инструкции и он был более заинтересован в том, чтобы держать ее в качестве заложницы. Обстоятельства отъезда из лагеря г-жи Сэнсом, так ярко описанные в книге Джеррарда Тикелла «Одетта», полностью подтверждают ее впечатление.

Тем не менее после допроса в лагерной комендатуре г-жу Сэнсом направили в бункер. Там она провела около трех с половиной месяцев в маленькой камере площадью 6 на 10 футов. Ее дневной рацион состоял из эрзац-кофе и небольшого куска хлеба утром, холодного супа в 11 часов и опять кофе или чая в 3 часа дня.

Пробыв в заключении пять недель, г-жа Сэнсом затем оставалась целую неделю совсем без пищи. По словам Мевес, это соответствовало полученному ею приказу,

Подобным же образом обращались с другими заключенными, находившимися в штрафном блоке.

В августе в качестве наказания включили на три дня центральное отопление на полную мощность. Это была обычная для немцев форма «запугивания»—она применялась в следственном центре германских военно-воздушных сил вблизи Франкфурта, чтобы вынуждать союзных летчиков быть более разговорчивыми во время допроса их офицерами германской разведки.

Так выглядел штрафной блок и его главный тюремщик. Если бы не строгость штрафного режима и бессердечность и жестокость Маргариты Мевес, некоторые заключенные, возможно, предпочли бы уединенное пребывание там после многих месяцев скученности, грязи и убожества в общих камерах.

Последним по счету, но не по значимости, в этой галерее негодяев был лагерный дантист Геллингер.

Он также был старым членом СС, в которую вступил в 1933 году, а к 1944 году он уже стал гауптштурмфюрером. В Равенсбрюк он прибыл весной 1943 года и оставался там до конца.

Зубоврачебной помощи заключенные почти не получали, и Геллингер тратил на нее очень мало времени. Зато он был руководящим эсэсовским офицером и помогал другим сотрудникам лагерной администрации в их обязанностях. Он присутствовал при незаконной казни 50 женщин, произведенной без предварительного суда в течение одного вечера, и не сделал ни малейшей попытки помешать ей.

Но свои профессиональные обязанности он выполнял весьма «своеобразно». По соглашению между Гиммлером и президентом рейхсбанка Функом эсэсовцы переправляли рейхсбанку золотые зубы, золотые коронки и личные вещи, изъятые у жертв в концентрационных лагерях.

Изымать золото изо рта трупов в Равенсбрюке лежало на личной ответственности лагерного дантиста. В показании, которое он дал, находясь в предварительном заключении, Геллингер признал, что выполнял эту страшную обязанность. Когда он сам этого делать не мог, то поручал эту задачу одному из своих «сотрудников». После того как заключенные умирали от «естественных причин», как это называлось в лагере, то есть от отсутствия ухода, от

плохого обращения и голода, администрация лагеря не теряла времени. Незамедлительно появлялся Геллингер с хирургическими щипцами в руках. Он присутствовал при всех казнях, и когда врач удостоверял смерть, Геллингер немедленно приступал к поискам золотых зубов и коронок и выдергивал их во избежание «незаконного» изъятия.

В этом качестве он присутствовал при казни двух молодых англичанок, захваченных после того, как их сбросили во Франции в 1944 году. (Они принадлежали к женской вспомогательной транспортной службе и в качестве радисток были сброшены во Франции Отделом особых операций, когда и были арестованы немцами. После допроса и пыток в гестапо их отправили в Равенсбрюк, а затем казнили обычным способом—выстрелом в затылок.)

На суде Геллингера подробно допрашивали об этих случаях. Он признал, что однажды с д-ром Трейте стоял в крематории в течение полутора часов в то время, когда туда втаскивали окровавленные трупы женщин, только что убитых выстрелом в затылок, и он как квалифицированный дантист производил осмотр «этих разможенных голов» с целью выяснить, не найдется ли у них во рту немного золота».

Рассказывая об этом, он в то же время возмущался несправедливостью предъявленного ему обвинения в том, что, поступая таким образом, он нарушал нормы своей профессии.

Геллингер даже утверждал, что извлечение золотых коронок при таких обстоятельствах, хотя это и «могло задеть чувство уважения к умершим», не составляло преступления и что подобная практика имеет исторический прецедент. Подобные доводы неубедительны для культурных народов—во всем цивилизованном мире мародерство уже давно считается преступлением.

Таков был ад в Равенсбрюке—ад для женщин. И таково были люди—мужчины и женщины,—управлявшие им.

Концентрационные лагеря были последним звеном в цепи насилия, которым нацистская Германия сковала оккупированную Европу в период с 1940 по 1945 год.

В концентрационный лагерь и к смерти вели всевозможные пути бедствий. Еврей, русский военнопленный, парти-

зан, раб, неспособный больше работать, союзный десантник, заключенные категории «Мрак и туман». Множество других ни в чем не повинных мужчин и женщин были вытаснены из своих домов агентами гестапо, потому что отказывались сотрудничать с агрессором или оказали захватчикам какое-либо сопротивление.

Тысячи из них затем очутились в Бельзене, Бухенвальде, Дахау, Маутхаузене и Равенсбрюке, чтобы умереть там или выйти оттуда через несколько лет физически и духовно надломленными.

Глава VII

«ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ» ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Ганс Франк, занимавший в течение многих лет германской оккупации Польши пост генерал-губернатора, выступил в свою защиту на процессе по делу главных немецких военных преступников в Нюрнберге в 1946 году.

«Мы боролись против еврейства на протяжении ряда лет,—сказал он,—и допускали самые ужасные высказывания—мой собственный дневник свидетельствует против меня... Пройдет тысяча лет, и эта вина Германии все еще не будет изглажена».

Преследование евреев в странах, подвергшихся вторжению и оккупации нацистов в период с 1939 по 1945 год, действительно производилось в ошеломляющем масштабе, но это не могло быть неожиданностью для того, кто в 1933 году наблюдал приход нацистов к власти и был знаком с их партийной программой.

Четвертый пункт этой программы гласил: «Гражданином может быть только тот, кто принадлежит к расе. Принадлежать к расе может только человек германской крови независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к расе».

Этот шедевр немецкой логики проповедовался по всей Германии с момента прихода Гитлера к власти. Евреев надлежало рассматривать как иностранцев и лишать их прав германского гражданства. Нацисты использовали это положение в качестве одного из средств осуществления своей политики расы господ.

Первым организованным актом был бойкот еврейских предприятий в апреле 1933 года, затем был издан ряд законов, которые фактически устранили евреев из всех областей общественной жизни, государственной службы, из числа лиц свободных профессий, из области просвещения и из вооруженных сил.

В авангарде этого антисемитского наступления шел «гонитель евреев номер один», как называл сам себя Юлиус Штрейхер, задача которого заключалась в том, чтобы превратить послевоенную неприязнь немцев к евреям в жгучую ненависть и подстрекать их к преследованию и истреблению еврейской нации.

Принимая во внимание имеющиеся статистические данные, можно с полным основанием заявить, что Штрейхер своим содействием и подстрекательством повинен в убийстве более 5 миллионов человек.

Он как нельзя лучше подходил для выполнения этой задачи, ибо занимался травлей евреев еще до 1922 года, когда начал издавать порнографический антисемитский еженедельник «Дер Штюмер». В 1933 году он основал ежедневную газету того же направления—«Френкише тагесцейтунг». Еще тогда он заявил: «Мы знаем, что Германия будет свободна, когда последний еврей будет изгнан из жизни германского народа».

Нужно ознакомиться с некоторыми приводимыми ниже образчиками пропаганды Штрейхера, чтобы понять, до чего он доходил:

«Избранный народ преступников»—так была озаглавлена одна из статей в его газете.

«Книга истории евреев, которую обычно называют Священным писанием, производит впечатление отвратительного детективного романа, который заставляет британского еврея Эдгарда Уоллеса с его бульварными романами бледнеть от зависти. «Священная» книга изобилует убийствами, кровосмешением, обманом, воровством и непристойностями».

В июне 1937 года, когда произошел пожар на дирижабле «Гинденбург», Штрейхер опубликовал фотоснимок горящего корпуса со следующей подписью:

«Первый переданный по радио из Соединенных Штатов Америки снимок вполне ясно показывает, что за взрывом нашего дирижабля «Гинденбург» стоит еврей. Природа вполне ясно и верно изобразила этого дьявола в человеческом облике»¹.

¹ «Евреем» было облако дыма, которому на фотоснимке было придано сходство с лицом еврея.

В ход была также пущена чудовищная бессмыслица, именуемая нацистами «осквернением расы».

«Установлено на все времена: «чужеродным белком» является сперма мужчины чужой расы. При сожительстве мужская сперма частично или полностью поглощается женским организмом, проникая таким образом в ее кровь. Достаточно одного случая сожительства еврея с арийской женщиной, чтобы навсегда отравить ее кровь. Вместе с «чужеродным белком» она впитала в себя чуждую ей душу. Она уже больше никогда не сможет рожать чисто арийских детей... Все они будут ублюдками... Теперь мы знаем, почему еврей прибегает к всевозможным средствам обольщения, чтобы насиловать возможно более немецких девушек, почему врач еврей насилует своих пациенток, когда они находятся под анестезией».

Нелегко поверить тому факту, что вышеприведенное появилось в журнале «Здоровье германского народа», имеющем некоторое отношение к медицине, но если знать, что его редактором был Штрейхер, поверить этому не так уж трудно.

Однажды в «Дер Штюрмер» появилась иллюстрация, изображавшая девушку в удушающих объятиях мужчины, обвинившего руками ее шею; мужчина был дан с явно еврейскими чертами лица. Подпись к иллюстрации гласила: «Кастрировать осквернителей расы! Только такие наказания спасут наших женщин от отвратительных еврейских когтей».

Таковыми опасными доктринами кормили и молодежь. Вот выдержки из рассказа «Ядовитые пальцы», напечатанного в книге для детей:

«Инге сидит в приемной врача еврея. Ей приходится ждать долго... Она просматривает газеты на столе, но слишком возбуждена, чтобы читать: она вспоминает, что ей говорила мать, и в ушах звучат слова предупреждения, сказанные руководителем Союза немецких девушек. Немецкая девушка не должна обращаться к врачу еврею. Немало немецких девушек, лечившихся у врача еврея, познали болезнь и бесчестье. Инге ждет уже более часа. Она опять берет газеты, пытаюсь читать. Но вот открывается дверь. Появляется еврей.

Инге вскрикнула. От страха газета падает у нее из рук. Она вскакивает испуганная. Расширенными зрачками смотрит она в лицо доктору, а лицо его—лицо дьявола. Посреди лица у дьявола большой горбатый нос. За стеклами очков сверкают два преступных глаза. На толстых губах играет улыбка: «Теперь, немецкая девушкашка, ты моя!»

И еврей подходит к ней. Он хватает ее своими толстыми пальцами. Но Инге приходит в себя. Не успел еврей схватить ее, как она бьет его по жирной физиономии. Прыжок к двери. Едва дыша, она бежит вниз по лестнице и удирает из дома еврея.

Ядовитые пальцы? Ядовитая чепуха! Можно действительно удивляться, как мог кто-либо читать подобную нелепость, но ее читали; и яд, как того и хотели, распространялся все больше и больше, пока не проник во всю нацию, побудив ее поддерживать политику массового истребления евреев, которую проводили лидеры.

В 1938 году погромы стали обычным явлением; жгли синагоги, грабили еврейские магазины. Взимались коллективные штрафы, еврейские активы конфисковывались государством, и даже передвижение евреев было ограничено особыми правилами. Вновь были созданы гетто, евреев заставляли носить на одежде желтую звезду.

А за несколько месяцев до войны германское министерство иностранных дел издало следующий угрожающий циркуляр, который всем, за исключением тех, кто не желал видеть, ясно указывал дальнейший ход событий:

«Безусловно, не является совпадением, что решающий 1938 год приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи Великой Германии... Успехи еврейского влияния и разрушительного еврейского духа в политике, экономике и культуре парализовали способность и волю германского народа к возрождению. Поэтому требование излечить народ от этой болезни, безусловно, было одним из важнейших требований проявления силы, которая в 1938 году вопреки всему миру привела к воссоединению Великой Германии».

Преследование евреев в странах, оккупированных Германией, намного превзошло все известное ранее, ибо

нацистский план истребления евреев не ограничивался одним лишь рейхом. Его единственным лимитом был предел возможности, и по мере того как Германия завоевывала все новые страны, от этого преступного плана гибли все больше евреев.

Преследование и убийство евреев на всех завоеванных территориях Европы начиная с 1939 года означали явное нарушение статьи 46 Гаагской конвенции 1907 года, подписанной Германией и гласящей: «Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность, равно как и религиозные убеждения и отправление обрядов должны быть уважаемы».

Как только немцы успешно завершали вторжение в чужую страну или занимали значительную ее часть, предпринимались меры с целью ввести в действие требования и ограничения, уже применявшиеся к евреям в Германии. К январю 1941 года был издан закон о принудительной регистрации евреев в Польше, Франции и Голландии.

Следующим мероприятием была сегрегация евреев в гетто. Указания Розенберга в еврейском вопросе сводились к тому, что на восточных территориях евреи должны быть лишены всех прав на свободу и их следует собрать в гетто, мужчин отдельно от женщин. Делалось также все с целью не допустить дальнейших браков между евреями и лицами других национальностей.

Официальный орган СС «Дас Шварце Корпс» («Черный корпус» — эсэсовцы носили черные мундиры) писал в 1940 году: «В Германии еврейский вопрос будет решен только с истреблением последнего еврея. Точно так же и остальная Европа должна понять, что германский мир, который ее ожидает, должен быть миром без евреев».

По мнению нацистов еврейский вопрос не терпел отлагательства — все гаулейтеры считали его первоочередным. Ганс Франк, бывший в то время генерал-губернатором Польши, сделал в свое оправдание следующую запись в дневнике: «Я, понятно, не мог ликвидировать всех вшей или всех евреев за год, но со временем эта цель будет достигнута».

Одно из крупнейших гетто находилось в Варшаве. Туда было согнано 400 тысяч евреев. Об условиях, в которых находились евреи, можно судить по тому, что в каждой комнате проживало не менее шести человек.

В апреле 1943 года началась ликвидация этого гетто, и эсэсовский генерал-майор Штруп 16 мая смог доложить

своему начальству, что варшавского гетто больше не существует. На титульном листе его доклада об этой «гроссакции» («генеральной операции») декоративным готическим шрифтом были напечатаны слова: «Еврейских жилищ в Варшаве больше нет».

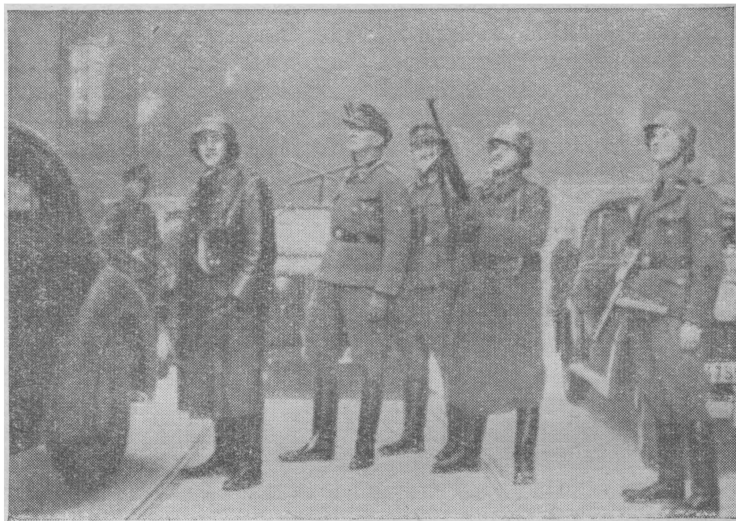
Доклад Шгрупа был образцом переплетного искусства—он был в богатом кожаном переплете и напечатан на бумаге высшего качества. Разве не заслуживала такого роскошного оформления тема этого доклада: истребление тысяч беззащитных евреев—мужчин, женщин и детей—и разрушение их жилищ?

На 75 страницах этого документа был представлен отчет о том, как изо дня в день проводилась эта операция. Вот выдержки из него:

«Спротивление, оказанное евреями, можно было сломить только беспощадными и энергичными действиями наших ударных войск днем и ночью... Поэтому я решил разрушить все еврейские жилые кварталы, предав их огню... Тогда евреи вышли из своих укрытий и убежищ. Нередко они оставались в горящих зданиях и только из-за жары и страха сгореть заживо предпочитали прыгать вниз с верхних этажей, предварительно бросив на улицу матрацы и другие мягкие вещи. Переломав себе кости, они все еще пытались переползти через мостовую в еще не сгоревшие здания... Они даже забирались в канализационные трубы, но через неделю пребывание там перестало быть приятным. Солдаты эсэсовских войск и инженерных войск вермахта храбро спускались в люки, чтобы достать оттуда евреев... Всегда приходилось пускать в ход дымовые шашки, чтобы выгнать их оттуда. Большое количество евреев—точное количество их неизвестно—было истреблено при взрывах канализационных труб и убежищ.

Чем дольше длилось сопротивление, тем ожесточеннее действовали эсэсовские войска, полиция и вермахт. Они неустанно выполняли свой долг и действовали совместно в духе верного товарищества, как образцовые солдаты... Только благодаря продолжительным и напряженным усилиям всех участвовавших нам удалось изловить 56 065 евреев, уничтожение которых может быть доказано. Сюда следует добавить тех, кто погиб при взрывах и пожарах, но численность которых установить нельзя».

На странице 45, подводя итоги операции, Штруп пишет: «Из 56 065 пойманных около 7 тысяч были уничтожены в ходе крупных операций в бывших еврейских жилых кварталах; 6929 евреев было уничтожено путем перевозки их в «Т II» [Тремблинский лагерь истребления № 2]. Таким



Руководитель «гроссакцион» («генеральной операции») генерал-майор Штруп.

образом, общая цифра истребленных евреев составляет 13 929 человек. Приблизительно 6 тысяч евреев было уничтожено при взрывах или погибло в огне».

Бригадфюрер СС генерал-майор Штруп, очевидно, был вполне удовлетворен результатами своей «гроссакцион». Для того чтобы сохранить постоянное свидетельство проявленной им доблести, которое он мог бы, сидя за столом после ежегодного обеда «Стального шлема», показывать своим родным и друзьям, он включил в свой фотоальбом ряд снимков, сделанных в Варшаве во время этого великого «сражения». Снимки эти были найдены у него при аресте его военной полицией Соединенных Штатов (некоторые из них воспроизведены в качестве иллюстраций в настоящей книге).

Иной метод истребления евреев был принят в прибалтийских республиках: там перед ликвидацией их не собирали в гетто. В личном архиве Гимmlера, найденном после войны, имеется доклад об «оперативной группе А»; во время «операции» в Литве и Латвии в 1941 году было убито 130 тысяч евреев. Эта местная группа, подстрекаемая немцами, устроила ряд погромов, и таким образом создавалась видимость того, что немцы к погромам причастны не были. Во время первого погрома в течение одной ночи было убито более 1500 евреев, разрушено несколько синагог и много домов сожжено; в следующие две ночи было убито еще 2300 евреев.

Иногда, но не часто и, безусловно, не в достаточной мере часто, высшее начальство не одобряло методов, применявшихся его подчиненными. Это могло бы вызвать удивление, если бы не тот факт, что в основе критики обычно лежали соображения целесообразности, а не гуманности.

Вот выдержка из письма, адресованного имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий:

«Установлено особое обращение с евреями, и этот факт не требует дальнейшего обсуждения. Тем не менее представляется почти невероятным, что это делалось в форме, описанной в докладе генерального комиссара от 1 июня 1943 года. Что Катюнь по сравнению с этим? Что если это станет известно другой стороне и будет использовано ею? Запирать мужчин, женщин и детей в сараи и поджигать их не представляется подходящим методом борьбы с сопротивляющимися группами людей даже при желании истребить население. Этот метод недостойн дела Германии и наносит большой ущерб нашей репутации».

Вспомним, что когда примерно через год эсэсовская танковая дивизия в Орадур-сюр-Глан заперла мужское население в сараи, а женщин и детей в церкви и всех их сожгла, ни один немец не заявил протеста. Не следует также забывать, что это «дело Германии» в числе прочего требовало «окончательного решения» еврейского вопроса.

В период с сентября 1941 года по февраль 1943 года специальный отряд полиции (эйнзацгруппа «Д»), состоявший из СС, СД, гестапо и других полицейских частей и приданный войскам в России, которыми командовал фон



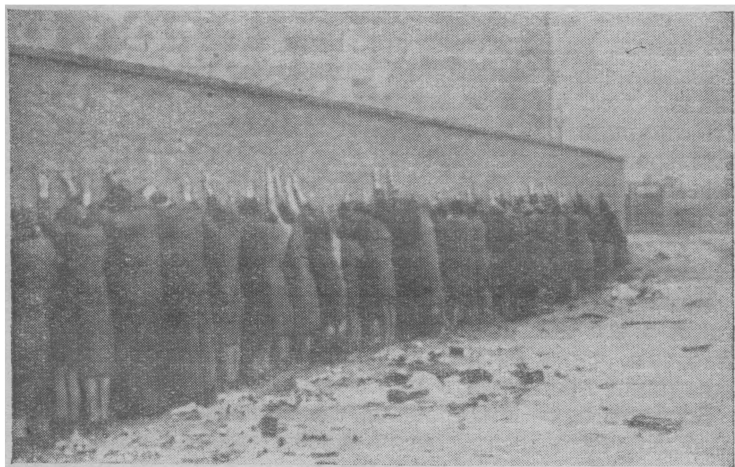
Людей выгоняют из угольных ям, где они укрывались.



Идут на эвакуопункт.

Манштейн, осуществил массовое истребление многих тысяч евреев путем расстрела, повешения, отравления газом и потопления. Части, входящие в эйнзацгруппу, находились под командованием Отто Олендорфа. Этот молодой человек, которому в 1941 году было только 33 года, вступил в СА в возрасте 18 лет, а спустя год—в СД.

За несколько месяцев до вторжения в Россию были приняты меры к самостоятельным действиям частей ЗИПО



Жертвы выстроены в ряд для обыска.

в оперативных районах. Эти части назывались «эйнзацгруппы» и были подразделены на эйнзацкоманды. Такая договоренность была достигнута между верховным командованием сухопутных сил и верховным командованием германских вооруженных сил, с одной стороны, и главным имперским управлением безопасности—с другой. Было решено, что представитель начальника ЗИПО и СД будет прикомандирован к каждой армейской группе и армии и получит в свое распоряжение мобильные войска полиции безопасности и СД. Этим соглашением было создано новое положение, так как раньше армии под свою собственную ответственность и своими собственными средствами выполняли обязанности, которые теперь входили исключительно в функции ЗИПО.

Отныне определенной армейской группе придавалась эйнзацгруппа, сопровождавшая ее. Таким образом, оперативный район эйнзацгруппы совпадал с районом операций армейской группы. Представитель полиции безопасности и СД при армейской группе вправе был давать частям инструкции относительно их обязанностей, но армейская группа также могла издавать приказы, если этого требовала оперативная обстановка.

Были созданы четыре эйнзацгруппы, и эйнзацгруппа «Д», подчиненная Олендорфу, была непосредственно придана 11-й армии, находившейся тогда под командованием Манштейна и действовавшей на Украине. Эта группа получила приказ о том, что в ее оперативном районе евреи должны быть «ликвидированы». Эта директива была лично повторена Гиммлером во время посещения им эйнзацгруппы в Николаеве в сентябре 1941 года. Гиммлер собрал руководящий и рядовой состав эйнзацкоманд и сообщил им, что они не несут никакой личной ответственности за последствия выполнения ими приказа, исходящего от Гитлера.

Командующий армией знал о существовании этого приказа и о его выполнении. По 11-й армии был издан приказ о том, что в пределах двухсот километров от штаба ликвидации производить не следует.

Более того, в Симферополе, где во время массовых казней было убито десять тысяч евреев, командование армии предложило Олендорфу ускорить ликвидацию ввиду угрозы голода и острой нехватки жилищ. Олендорф, присутствовавший при ряде казней, дал следующее описание одной из них.

Местная эйнзацкоманда путем регистрации старалась собрать всех евреев в своем районе. Регистрацию производили сами евреи. Это было возможно благодаря тому, что им сообщали, будто регистрация производится с целью их переселения. После регистрации их собирали и отвозили к месту казни—обычно это был противотанковый ров. Расстрел производился по-военному—отрядами солдат.

По указанию Олендорфа к месту казни отправляли лишь столько евреев, сколько можно было казнить немедленно. Это делалось с целью свести до минимума время с момента, когда жертвы узнавали о своей судьбе, до их фактической казни.

Их расстреливали стоящими во весь рост или на коленях у края рва, в который они затем и падали. Командирам

отрядов было приказано удостовериться, что все мертвы, пристреливать каждого оставшегося в живых и только потом производить захоронение трупов.

При облаве на евреев все их ценные вещи конфисковывались и отправлялись в министерство финансов. Иногда из этого правила допускались исключения.

Истребление евреев на Украине продолжалось до весны 1942 года, когда был получен приказ, чтобы в дальнейшем женщин и детей не расстреливали, а умерщвляли в газовых автофургонах («газвагенах»). Ранее их, так же как и мужчин, расстреливали. Газовые автофургоны—новое орудие убийства—были сконструированы таким образом, что их подлинное назначение было скрыто. Они были похожи на простые автофургоны, но при запуске двигателя в кузов их проникал газ, умерщвляющий людей в течение десяти-пятнадцати минут. Хитроумным изобретателем этого орудия был некий д-р Беккер, имевший звание унтерштурмфюрера СС; он также ведал автотранспортной частью олендорфской эйнзацгруппы.

Нацисты были специалистами по иносказаниям, и когда дело доходило до убийства, они никогда не называли вещи своими именами. Специальное обращение, искоренение, ликвидация, устранение, переселение и окончательное решение—все это синонимы убийства, и хотелось бы знать, под каким безобидным названием в эсэсовском инвентарном списке числились эти автофургоны. Полное описание этих машин и их работы содержится в совершенно секретном документе, который изобретатель отправил оберштурмбанфюреру СС Рауффу—высшему штабному офицеру СС главного имперского управления безопасности. В докладе сообщалось об их окончательных испытаниях и реконструкции.

Беккер докладывал, что испытания фургонов обоих типов «серии 1» и «серии 2» завершены и что внесены исправления и изменения. Машины «серии 1» могли действовать при любой погоде; машинами «серии 2» было бы бесполезно пользоваться даже при небольшом дожде. Они могли применяться только при абсолютно сухой погоде. Рассматривался вопрос о работе этих машин в стационарном положении на месте казни. Это было сопряжено с большими трудностями. Прежде всего, автофургоны требовалось привезти на место, а место казни обычно находилось примерно в десяти милях от главной дороги и при дождливой погоде было

недоступно. Если жертвы проделывали весь этот путь пешком, они сразу начинали проявлять подозрение и беспокойство. Это было «нежелательно». Единственное решение, рекомендованное Беккером, заключалось в том, чтобы «грузить» их в машины (он писал так, как будто речь шла о товаре) и везти к месту казни.

Беккер дал указание замаскировать автофургоны группы «Д» под пассажирские путем установки оконных ставней по обе стороны небольших машин и двух пар оконных ставней на машинах более крупного типа. Тем не менее эти автофургоны стали так широко известны, что вскоре не только войска, но и гражданское население стало называть их «душегубками», и, по мнению Беккера, даже маскировка не давала возможности сохранять в тайне их назначение.

Машины приходилось быстро гнать по пересеченной местности и плохим дорогам, они громыхали, заклепки и соединения ослабевали. Это, понятно, приводило к утечке газа, и машины слишком часто приходилось сдавать в ремонтные мастерские. Водителям и механикам было приказано отходить в сторону во время операции умерщвления, чтобы предохранить себя от действия улетающих газов.

Далее в докладе Беккера указывалось:

«Хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы обратить ваше внимание на следующее: несколько команд после завершения операции газирования выгружали трупы с помощью своих солдат. Имеется большая опасность, что если не сразу, то позднее это может отразиться на их здоровье. Командиры не желают отменить этот приказ, опасаясь прибегать к помощи заключенных, так как не исключено, что они найдут возможность бежать.

Газ не всегда применялся правильно. Чтобы закончить работу возможно быстрее, водитель до отказа нажимает на акселератор. В результате смерть наступает от удушья, а не в сонном состоянии, как это предполагалось. При правильном переключении рычагов смерть наступает быстрее, и заключенные спокойно засыпают. Лица жертв, умерщвленных ранее, а также другие признаки свидетельствовали, что они умирали в муках».

В 1941 году только за один сентябрь командами Олендорфа было убито в окрестностях Николаева тридцать пять

тысяч советских граждан, главным образом евреев. Об этих массовых убийствах подробно докладывалось штабу: «Команды продолжали очищать район от евреев и коммунистических элементов. В период, охватываемый данным докладом, то есть с 16 по 30 сентября 1941 года, города Николаев и в особенности Херсон были очищены от евреев, а с еще оставшимися там должностными лицами поступили соответствующим образом... общее число—35 782». (Из доклада главного имперского управления безопасности фюреру от 2 октября 1941 года.)

13 октября 1941 года частями СД, приданными войскам Манштейна, было убито еще две тысячи евреев. Это явилось темой очередного доклада бургомистра города Мелитополя тыловому армейскому штабу. В докладе описывалось прибытие передовой группы штаба в город, где осталось сорок тысяч жителей. СД казнила всех евреев, число которых составило две тысячи человек. Доклад заканчивался следующими словами: «Население выражает доверие германским вооруженным силам, и в особенности благодарны за свое освобождение украинцы».

Через две недели еще восемь тысяч евреев было казнено в Мариуполе. Когда германские войска вступили в этот город, все евреи уже были казнены СД, и их освободившиеся жилища заняла армия. Вся одежда жертв после чистки была передана в военный госпиталь. Затем комендатура назначила нового бургомистра. (Жена прежнего бургомистра была еврейка—ее казнили.)

Когда немцы вступили в Крым, они начали испытывать некоторые затруднения, о чем свидетельствует следующий доклад эйнзацгруппы:

«Евреи: Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар, Феодосия и другие районы Западного Крыма очищены от евреев. С 16 ноября по 15 декабря 1941 года казнено 17 645 евреев. Вследствие слухов о казнях, совершенных в других районах, положение в Симферополе стало очень трудным. Сообщения о действиях против евреев постепенно просачиваются от бежавших евреев или вследствие неосторожных разговоров немецких солдат».

Немцы считали, что в конце 1942 года еврейское население Западного Крыма составляло около сорока тысяч чело-

век, из которых примерно одна четверть все еще проживала в самом Симферополе.

В начале декабря 1941 года штаб эйнзацгруппы «Д» переехал из Одессы в Крым и разместился в Симферополе. Подготовительная регистрация и сегрегация евреев уже была проведена одной из команд, и Олендорф был поставлен в известность офицером связи СС при армейском штабе, что армия требует, чтобы расстрел всех евреев в Симферополе был закончен до рождества. Задача эта была поручена команде II-Б, командир которой Карл Рудольф Брауне, будучи не в состоянии выполнить задание средствами своей части, направился в квартирмейстерскую часть армейского штаба за помощью. В его распоряжение предоставили грузовики, легковые автомобили, мотоциклы, шоферов и охрану при условии, что солдаты никакого участия в расстреле принимать не будут, а будут использованы только для перевозки и охраны.

Затем началась казнь. Евреев—мужчин, женщин и детей—собрали в сборных пунктах, посадили на грузовики и доставили колоннами через соответствующие промежутки времени к месту казни—противотанковому рву на небольшом расстоянии от города. Там их и расстреляли. К концу третьего дня все они были казнены.

В отношении имущества жертв были применены обычные правила с тем лишь исключением, что по специальному требованию 120 отобранных часов было отправлено 11-й армии.

Три дня продолжалась бойня—бессмысленное, безжалостное уничтожение ни в чем не повинных граждан только за то, что они были евреи.

Некоторые германские должностные лица не побоялись, однако, подвергнуть критике это массовое преследование на Украине, хотя и не исходили при этом из высоких мотивов.

Местный представитель Управления военной промышленности в Берлине докладывал своему начальнику генералу Томасу о положении промышленности в «Рейхкомиссариате Украина».

Доклад под заголовком «Для личного сведения начальника Управления военной промышленности» был отправлен не по официальным каналам. Содержание доклада не оставляет никакого сомнения о мотивах, по каким автор обошел обычные каналы.

Вот что в нем сказано:

«Еврейское население с самого начала вело себя покорно. Оно старалось избегать всего, что могло бы не понравиться германской администрации. Само собой разумеется (и это не удивительно), что в душе они ненавидели как администрацию, так и армию. Однако нет никакого доказательства, что еврейство в какой-либо значительной мере причастно к диверсионным актам, хотя среди них, как и среди других украинцев, было некоторое число диверсантов. Нельзя утверждать, что евреи представляли опасность для германских вооруженных сил. Продукция, которую давали евреи только лишь из чувства страха, удовлетворяла войска и германскую администрацию.

В течение непродолжительного времени после боев еврейское население не трогали, но позднее специально приданные соединения полиции производили массовые расстрелы. Это делалось совершенно открыто и, к сожалению, во многих случаях добровольно лицами, принадлежащими к вооруженным силам. Способ выполнения этих «операций», включавших убийство стариков, женщин и детей всех возрастов, был ужасен. Пока что в этой части Украины казнено от 150 000 до 200 000 евреев; с интересами экономического положения совершенно не считались.

Суммируя, можно сказать, что такое решение еврейского вопроса, примененное на Украине и явно основанное на идеологических теориях, дало следующие результаты:

а) устранение большого числа лишних едоков в городах;

б) устранение части населения, несомненно, ненавидевшей нас;

в) устранение очень нужных ремесленников, во многих случаях совершенно необходимых даже в интересах вооруженных сил;

г) последствия в области внешнеполитической пропаганды, которые ясны;

д) плохое влияние на войска, которые, во всяком случае косвенно, причастны к казням;

е) развязывание звериных инстинктов в соединениях, совершающих эти казни».

Доклад этого усердного чиновника, который, повидимому, не был лишен чувства человеческого сострадания, показателен.

Подсудимые на процессах по делу немецких военных преступников часто утверждали, что, поскольку цель войны заключается в том, чтобы взять верх над противником, достижение этой цели оправдывает любые средства, включая, в случае военной необходимости, нарушение законов ведения войны, если такое нарушение дает возможность либо избежать непосредственной опасности, либо одержать верх над противником.

Эта теория уходит своими истоками в древнюю историю войн, она возникла во времена, когда военные действия регулировались не законами ведения войны, а обычаями. Не лишено интереса, что она немецкого происхождения, хотя отнюдь не все немецкие специалисты международного права одобряют ее в своих трудах. Один из них—Штрупп—отвергает ее в следующих словах: «Если бы такое утверждение было оправдано, не существовало бы никаких законов ведения войны, ибо каждое правило может быть объявлено неприменимым на том основании, что оно противоречит военной необходимости».

Кроме того, в преамбуле четвертой Гаагской конвенции ясно сказано, что правила ведения военных действий составлены с учетом военной необходимости и что положения Конвенции «были продиктованы желанием уменьшить зло войны, поскольку это позволяют военные требования».

Когда оккупирующая держава управляет территорией, на которой ее вооруженные силы ведут военные операции или размещены в качестве гарнизонных войск, она вправе принять все соответствующие меры, необходимые для обеспечения безопасности ее войск и удовлетворения их потребностей.

Безусловно, что на Украине евреи не представляли собой угрозы безопасности германским вооруженным силам и даже не пытались восставать против них.

Поэтому те, кто несет ответственность за это преступление, не могли даже утверждать, что массовое истребление евреев было вызвано военной необходимостью; справедливость требует сказать, что нацисты на это и не претендовали. Евреи были убиты только по расовым мотивам. Было приступлено к окончательному решению еврейского вопроса.

«Если годами проповедуют доктрину, сказал один из свидетелей-немцев на Нюрнбергском процессе, которая сводится к тому, что славянская раса является низшей расой, а евреи даже вообще не люди, то взрыв подобного рода неизбежен». (Показания фон дем Бах-Зелевского, 7 января 1946 года.)

Истреблению подлежали не только евреи в России. Везде, где появлялись германские войска с «загнутым крестом» (так французы называли свастику), начиналось «переселение евреев».

Весной и летом 1942 года в Польше были созданы Тремблинские лагеря уничтожения «А» и «Б». Эти лагеря были неотъемлемой частью аппарата для полного уничтожения еврейского населения Польши.

В этих двух лагерях были убиты сотни тысяч евреев. Первые железнодорожные составы с жертвами прибыли в июле 1942 года, и с тех пор до конца 1943 года такие эшелоны прибывали с неукоснительной регулярностью.

Убийства производились при помощи пара и газа. Вначале было выстроено здание с тремя газовыми камерами, но к осени 1942 года было построено еще одно здание—с десятью газовыми камерами. Техника сжигания трупов была примитивной по сравнению с более совершенными методами в других концентрационных лагерях. В крематориях не было печей; там были только широкие колосники, сделанные из железнодорожных рельсов, положенных на бетонное основание, на которые накладывали одновременно по две с половиной тысячи трупов.

В лагере было здание, известное как «лазарет» или «госпиталь», но больных там никогда не было. Оно было окружено высокой оградой, и попасть туда можно было только через небольшую будку, над которой развевался флаг Красного Креста. Будка вела в приемную с плюшевыми диванами, и здесь ничего не подозревавших жертв оставляли в ожидании. За приемной находился ров, на краю которого эсэсовец выстрелом из револьвера в затылок убивал каждого, приводимого из приемной. Так убивали инвалидов, стариков и детей, слишком слабых или слишком малых, чтобы самим пройти в газовую камеру.

Когда евреи прибывали на станцию Тремблинка, вагоны немедленно открывали, оставшихся в живых выгоняли и вталкивали в специальные загоны, мужчин отдельно от женщин и детей. Тем временем еврейские рабочие убирали

трупы из вагонов. В каждый товарный вагон помещали до двухсот евреев, из которых многие умирали в пути.

О судьбе, ожидавшей вновь прибывших, свидетельствует официальный доклад польской правительственной комиссии, расследовавшей германские преступления в Польше.

«После выгрузки на запасном пути всех жертв собирали в одно место... где им приказывали снять с себя платье и обувь. Мужчины делали это во дворе, женщины и дети—в бараке, расположенном поблизости. Затем женщин стригли наголо, и всю толпу, состоявшую теперь из раздетых догола и остриженных мужчин, женщин и детей, гнали по дороге, ведущей в газовую камеру, предварительно сказав им, что они идут в баню.

Когда они доходили до камер смерти, их загоняли туда с поднятыми вверх руками, чтобы можно было втолкнуть как можно больше людей. Детей клали сверху. Иногда младенцев сначала убивали... На этом специализировался один из эсэсовцев, который хватал детей за ноги и убивал их одним ударом головой о стену... Само умерщвление газом в камере продолжалось около пятнадцати минут, и когда предполагали, что все уже мертвы, двери открывались и еврейская рабочая команда убирала трупы, подготавливая камеру для следующей партии».

Личные вещи жертв собирали и сортировали перед отправкой их в Германию. Человеческие волосы обрабатывали паром, упаковывали в кипы и отправляли в Германию, где они шли на производство матрацев.

Но лагеря в Тремблинке не могли удовлетворить предъявляемые требования, и в Хелмно пришлось создать еще один лагерь уничтожения. Там были преданы смерти 300 тысяч евреев из Познанского и Лодзинского воеводств.

Техника уничтожения была аналогичной Тремблинке; «грязную работу» возлагали на евреев. Время от времени расправлялись и с самими еврейскими рабочими командами, заменяя их другими. При ликвидации рабочих команд эсэсовцы могли вдоволь позабавиться, используя рабочих «в качестве живых мишеней, стреляя по ним, как по зайцам».

По приближенным данным (последняя довоенная перепись в Польше была проведена в 1931 году), в момент вторжения немцев в Польшу там проживало более 3 300 000 евреев. Поэтому «окончательное решение» еврейского вопроса в Польше не являлось легкой задачей.

В 1941 году генерал-губернатор Ганс Франк заявил: «Что нам делать с евреями? Вы думаете, что мы поселим их в Остланде? К чему вся эта болтовня? Короче говоря, ликвидируйте их собственными средствами. Мы должны принять меры к их уничтожению. Генерал-губернаторство должно так же быть свободным от евреев, как и рейх».

С первого же дня своего вторжения в Польшу нацисты начали проводить в жизнь свой план истребления евреев.

Сначала для евреев были введены дискриминационные законы; их лишили права собственности, они обязаны были носить на платье специальные знаки. Были созданы гетто, ценности конфисковывались, и даже паек евреев был меньше, чем для других жителей. Их отправляли на принудительные работы, терроризировали и, как правило, жестоко наказывали за незначительные проступки.

Преследование продолжалось и становилось все более ожесточенным. Брели заложников, над евреями беспрепятственно издевались, оскорбляли. Их женщин можно было безнаказанно насиловать, их молельни осквернялись и поджигались. Их магазины были разграблены. Потом начались казни. Организовывались облавы на евреев, и когда ловили раввинов, то им отрезали или вырывали бороды. Евреев заставляли выполнять самые грязные и унижительные работы: чистить руками уборные, собирать на улицах конский навоз и наполнять им свои шапки и карманы.

Затем последовало окончательное решение, уже описанное выше,—массовые убийства в лагерях уничтожения. Согласно имеющимся статистическим данным, тотальное уничтожение, производившееся по приказу Гиммлера, изданному в 1942 году, было почти завершено. Из трех с лишним миллионов евреев, проживавших в Польше в сентябре 1939 года, к 1946 году оставалось не более 50 тысяч; было убито не менее 2,6 миллионов человек.

Во Франции германскими оккупационными властями были изъяты из продажи все книги еврейских авторов, а также книги, соавторами которых являлись евреи, за

исключением отдельных трудов научного характера, в отношении которых делались исключения. Даже биографии евреев, написанные арийцами, числились в запрещенном списке «Отто» (по имени Отто Абеца). По той же причине была изъята из продажи биография Оффенбаха.

Затем последовали мероприятия экономического характера, травля, мелкие оскорбления, желтая звезда и другие унижения. Было издано много антисемитских декретов, умалявших гражданские права французских евреев.

Намерение выслать из Франции всех евреев с целью их истребления существовало с самого начала оккупации, и эта программа отличалась от программ в других местах лишь своими темпами.

Можно было бы предположить, что немцы с целью избавиться от евреев согласились бы на их эмиграцию. Это, однако, не соответствовало действительности, о чем свидетельствует следующая переписка:

«От гражданской администрации штаба в Бордо главному управлению в Париже, 22 июля 1941 года.

Только что установлено, что около ста пятидесяти евреев все еще находится на территории районного командования Сен-Жан де Люс. В беседе с районным командующим майором Генкелем последний просил, чтобы и эти евреи оставили его район возможно быстрее. Он указывал одновременно, что, по его мнению, было бы гораздо целесообразнее позволить им эмигрировать, а не отправлять в концентрационные лагеря».

В ответе указывалось, что мысль майора Генкеля одобрения не получила, так как Главное имперское правление безопасности приказало по возможности не допускать эмиграции евреев, проживающих на оккупированных территориях Запада и в неоккупированной Франции.

Этот приказ был получен военным командованием в Париже и передан дальше в следующих выражениях: «Рейхсфюрер СС приказал предотвращать в принципе эмиграцию евреев из Германии и оккупированных территорий».

В оккупированной Франции еврейским вопросом ведал оберштурмфюрер СС Даннекер. В 1941 году он подготовил объемистый доклад, озаглавленный: «Еврейский вопрос во Франции и его трактовка». В докладе содержался предварительный обзор этой проблемы во Франции и категори-

чески утверждалось, что окончательное решение еврейского вопроса является задачей служб СД и полиции безопасности, которые заняты этим делом.

Другие разделы этого доклада касались истории евреев во Франции и их организации. В докладе далее указывалось на важное значение кампании против «руководящих еврейских деятелей». «Изучение данных, собранных в Германии, Австрии, Чехословакии и Польше,—утверждалось в докладе,—позволяет сделать вывод, что центр еврейства в Европе и главные линии коммуникаций, ведущие за океан, следует искать во Франции. Учитывая это обстоятельство, были обысканы и опечатаны помещения крупных еврейских организаций—таких, как Всемирный еврейский конгресс».

Даннекер признавал наличие во Франции крупных связей между католицизмом и еврейством и в доказательство ссылался на результаты обысков, произведенных в домах семьи Ротшильдов, бывшего министра колоний Жоржа Манделя, пресс-атташе британского посольства Моро-Джиафери и Торреса из французской адвокатуры.

Через семь месяцев Даннекер составил новый доклад, показывающий, что за время, прошедшее с момента составления первого доклада, еврейской проблемой занимались ускоренным темпом. Об этом свидетельствуют заголовки ряда разделов второго доклада: «Задача полиции безопасности и СД во Франции», «Картотека евреев», «Французская комиссия по еврейским вопросам», «Французская антиеврейская полиция».

Эти названия показывают, что вокруг французского еврейства гестапо стягивало узел, что на всех евреев были заведены полицейские досье (в этом отношении имелась координация между оккупантами и Виши) и что ненавистная милиция имела особый отдел по делам евреев.

Весной 1941 года начались первые высылки евреев. Все они перед отъездом были лишены французского гражданства. К июню было выслано свыше ста тысяч человек. Чтобы скрыть подлинное значение высылки, которое заключалось в принудительном труде всех трудоспособных, а затем в отправке в газовую камеру, высылку называли «переселением евреев». После совещания Даннекера с Главным имперским управлением безопасности были изданы новые директивы о высылке евреев из Франции. В инструкциях о евреях говорилось только как о «еврейском скоте».

К концу октября 1942 года из оккупированной зоны было выслано 50 тысяч человек, но власти, намеревавшиеся выслать евреев также из неоккупированной зоны, такими темпами не удовлетворялись.

На имевших место дальнейших совещаниях правительству Виши было сообщено, что большинство других европейских стран подошло к окончательному решению еврейской проблемы гораздо ближе, чем Франция, и что она должна наверстать упущенное. В то же время германские власти выразили недовольство отношением итальянцев к высылке евреев из той части Франции, которая находилась под итальянской оккупацией. Итальянцы резко возражали против такой политики, и Риббентропу было поручено обсудить положение с дуче.

Многих евреев, назначенных к высылке, отправляли в Освенцим. Высылка в генерал-губернаторство была на время приостановлена, но было решено, что, как только удастся возобновить отправку таких эшелонов, можно будет также отправлять железнодорожные составы с детьми.

Нацисты всячески старались скрыть эту практику и создать впечатление, будто евреев из Франции высылают семьями. Для большей убедительности они приказали включать взрослых и детей в эшелоны в определенных пропорциях.

Одна из инструкций о высылке гласила: «Евреи, прибывающие из неоккупированной зоны, будут смешаны в Дранси с еврейскими детьми, находящимися сейчас в Питивьер и Бон-ля-Роланд, так, чтобы на 700 человек приходилось не менее 300 детей. Согласно инструкциям Главного имперского управления безопасности, не следует отправлять поезда с одними еврейскими детьми».

В Голландии обращение с евреями было не менее жестоким; имперский комиссар в Голландии Зейсс-Инкварт относился к ним безжалостно. В речи, произнесенной в Амстердаме в начале 1941 года, он сказал: «Для нас евреи не голландцы. Это враги, с которыми мы не можем заключить ни перемирия, ни мира... Мы будем бить евреев, где только встретим их, а те, кто присоединяется к ним, должны нести последствия этого. Фюрер объявил, что евреи сыграли свой последний акт в Европе—следовательно, это их последний акт».

Затем был издан ряд антисемитских декретов, обрекавших евреев на обычную оскорбительную неправоеспособность. Они были лишены имущественных прав и гражданских свобод. Их заставили зарегистрировать свои предприятия, включая все фирмы или товарищества с преобладанием еврейского капитала; оккупационные власти могли произвольно прекращать действие договора о найме любого еврея.

Все это были лишь предварительные меры, позднее позволившие германским оккупационным властям ввести в действие свою программу массовой высылки.

Из общего числа 140 тысяч евреев, проживавших в Голландии к моменту нацистского вторжения, свыше 115 тысяч были высланы в Польшу, где их ждала судьба, в которой не приходилось сомневаться. Еще две тысячи были отправлены в лагеря Бухенвальд и Маутхаузен, откуда после кремации их прах отсылали семьям за плату в 75 гульденов.

Аналогичной была судьба евреев в Венгрии. В 1944 году там было собрано более 200 тысяч евреев. Многие из них погрузили в товарные вагоны и отправили в лагеря уничтожения.

Вместе с германскими оккупационными войсками в Будапешт прибыла эйнзацкоманда полиции безопасности, задача которой, как и в других странах, заключалась в истреблении евреев. Командовал ею оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, высокопоставленный сотрудник имперского управления безопасности. Эта команда арестовала всех лидеров еврейских политических и деловых кругов Венгрии, а также всех демократических и «антифашистских» политических деятелей.

Из венгерских евреев, отправленных в Освенцим, дети в возрасте до 14 лет, люди старше 50 лет, больные и лица с уголовным прошлым перевозились в особо помеченных вагонах. Все они по прибытии в лагерь немедленно направлялись в газовую камеру. Комендант Освенцима Рудольф Гёсс признал, что летом 1944 года им было предано смерти около 40 тысяч венгерских евреев.

Этот жуткий перечень убийств можно было бы продолжить, но всегда повторялось бы одно и то же. Регистрация, сегрегация, унижение, деграация, высылка, экс-

плуатация и истребление. Таковы были вехи на пути страданий, по которому эти несчастные отправлялись в свое последнее путешествие.

Для тех, кто не слышал топота солдатских сапог на деревенской улице или стука гестапо в дверь; кто не видел, как пятьдесят его друзей и соседей были расстреляны на рыночной площади в знак репрессии за убийство из засады одного германского мотоциклиста; чьи сыновья и дочери не были уведены из дома глубокой ночью, чтобы больше не вернуться,—таким людям все это может показаться невероятным и неправдоподобным.

Умерщвление немцами в европейских странах свыше пяти миллионов евреев является величайшим преступлением в мировой истории. Еврейское население Европы не было целиком истреблено только благодаря тому, что нацисты проиграли войну до того, как они могли завершить свое «окончательное решение» еврейского вопроса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существовал концентрационный лагерь, который в 1945 году, после того как из него убрали все следы смерти, мог посещать народ. Лагерь находился в Дахау, недалеко от Мюнхена, и посетитель уходил оттуда с незабываемым впечатлением.

Единственные заключенные, которых он там видел, были немцы, обвиняемые в военных преступлениях и ожидавшие суда или освобождения. Каждый из них жил с комфортом в светлой, удобной камере, пользовался электрическим освещением, а зимой—центральным отоплением, имел кровать, стол, стул и книги. Вид у них был упитанный и холеный, а лица выражали легкое удивление. Их, должно быть, действительно удивляло, что же происходит, где же они находятся.

Покинув жилые помещения, ставшие такими чистыми и опрятными, посетитель отправлялся на другой конец лагеря, где находился крематорий. Там еще полностью сохранился весь механизм смерти, которым так долго пользовались, чтобы избавиться от тех, кто осмеливался стать поперек пути фюреру.

Исчезли трупы, которые когда-то лежали в пристройке, ожидая сожжения, потому что в газовых камерах умерщвляли больше, чем пропускали печи; исчезли и несчастные человеческие существа, ожидавшие своей очереди, чтобы войти в камеру смерти. Они исчезли навсегда, но призраки их остались, и все напоминало о них.

А дальше можно было видеть чистым и прибранным помещением, где жертвы раздевались, газовую камеру с глазком, в который смотрел оператор, дожидаясь последних минут агонии, чтобы включить затем электрический вентилятор для очищения воздуха от смертоносных газов, при-

мыкающее здание крематория и носилки на железных колесах, сбрасывавшие трупы в пасть печи, небольшую комнату, где трупы были навалены до потолка и где на оштукатуренных стенах еще оставались отпечатки их ног, машину, перемальвающую кости для удобрения соседних полей, и помещение, где хранили прах.

Проходя по этим помещениям и обозревая сцену столь многих страданий и трагедий, посетитель еще ощущал смрад разлагавшихся трупов и запах горелого мяса, но что же он видел, когда, выйдя на чистый свежий воздух, поднимал глаза к небу, чтобы освободиться от этого кошмара? К шести на крыше крематория была прибита маленькая грубо сколоченная скворешня, которую устроил здесь какой-то страдавший раздвоением личности эсэсовец.

Тогда и только тогда можно было понять, почему нация, давшая миру Гёте и Бетховена, Шиллера и Шуберта, дала ему также Освенцим и Бельзен, Равенсбрюк и Дахау.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От автора	19
Введение	21
<i>Глава I.</i> Гитлеровские орудия тирании	25
<i>Глава II.</i> Убийства и зверское обращение с военнопленными	41
<i>Глава III.</i> Военные преступления в открытом море	79
<i>Глава IV.</i> Зверское обращение с гражданским населением и истребление его на оккупированной территории	95
<i>Глава V.</i> Рабский труд	155
<i>Глава VI.</i> Концентрационные лагеря	177
Аушвиц (Освенцим)	179
Бельзен	193
Бухенвальд	198
Дахау	205
Нойенгамме	209
Равенсбрюк	212
<i>Глава VII.</i> «Окончательное решение» еврейского вопроса	248
Заключение	273

Э. Рассел
ПРОКЛЯТИЕ СВАСТИКИ

Редактор Э. С. ОНАН

Технич. редактор В. И. Шаповалов

Корректор Н. А. Булгаков

Обложка художника Н. А. Мунц

Сдано в производство 15/XI 1954 г.

Подписано к печати 3/XII 1954 г.

A08525. Бум. 84×108^{1/32} =
=4,3 бум. л. 14,2 печ. л.

Уч.-издат. л. 14,6. Изд. № 10/2645

Цена 5 р. 40 к. Зак. № 592

Изд-во иностранной литературы.

Москва, Ново-Алексеевская, 52

16-я типография Главполиграфпрома

Министерства культуры СССР

Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

5 р. 40 к.

Э. РАССЕЛ ПРОВОКЛЯТИЕ СВАСТИКИ